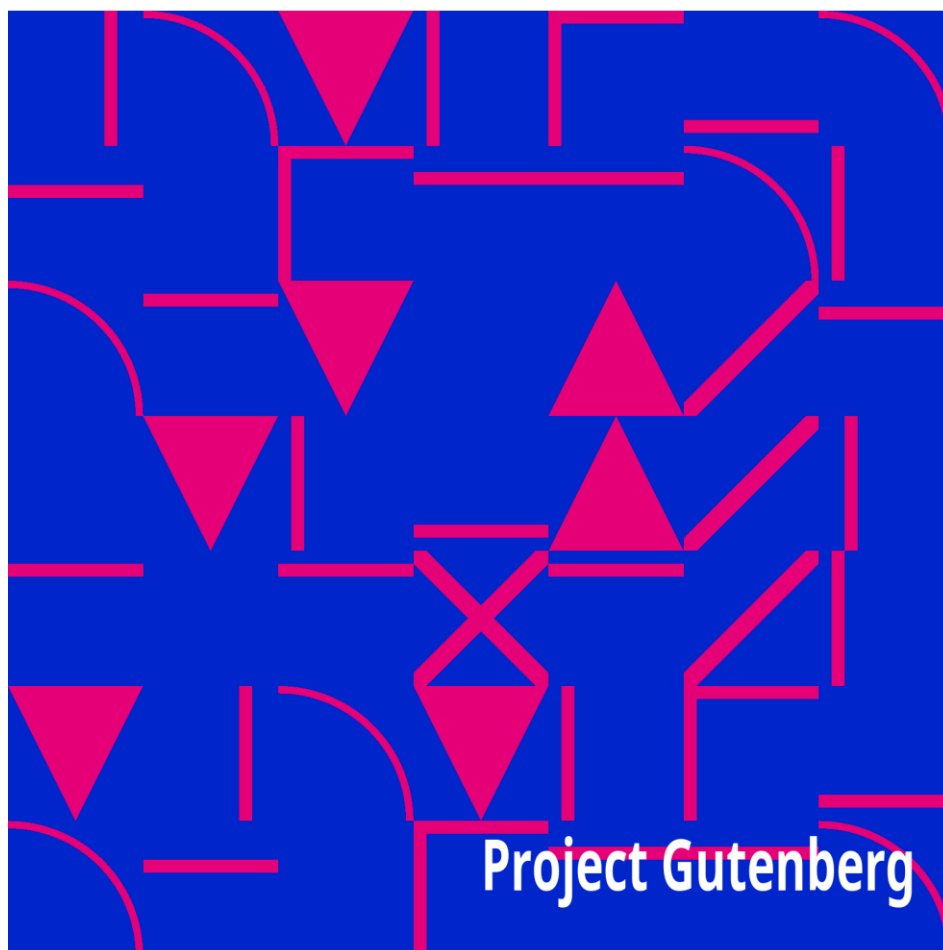

Исторические странности и странные события

С. Бэринг-Гулд

Historic Oddities and Strange Events

S. Baring-Gould

Электронная книга проекта "Гутенберг", посвященная историческим странностям и странным событиям

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Исторические странности и странные события

Автор: С. Бэринг-Гулд

Дата выхода: 21 ноября 2013 г. [Электронная книга № 44245]

Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

Язык: Английский

В титрах: Подготовлено Крисом Керноу, Мартином Петтитом и командой онлайн-корректоров по адресу <http://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом)

*** ЗАПУСК ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ИСТОРИЧЕСКИЕ СТРАННОСТИ И СТРАННЫЕ СОБЫТИЯ" ***

ИСТОРИЧЕСКИЕ СТРАННОСТИ И СТРАННЫЕ СОБЫТИЯ

Автор тот же.

АРМИНЬЕЛЬ: СВЕТСКИЙ РОМАН. 3 Тома. Кр. 8в. (1 ноября).

СТАРАЯ ДЕРЕВЕНСКАЯ ЖИЗНЬ.— С многочисленными иллюстрациями, начальными буквами и с. Cr. 8vo. (В октябре).

ЙОРКШИРСКИЕ СТРАННОСТИ.—Новое и более дешевое издание (в стадии подготовки).

СТРАННЫЕ ПЕРЕЖИТКИ.—(Готовится).

ИСТОРИЧЕСКИЕ СТРАННОСТИ.—Вторая серия (в стадии подготовки).

МЕТУЭН И КО.

Исторические странности И СТРАННЫЕ СОБЫТИЯ

АВТОР: С. БЭРИНГ ГУЛД, магистр медицины

АВТОР КНИГ "МЕХАЛА", "ДЖОН ХЕРРИНГ" И ДР.

ПЕРВАЯ СЕРИЯ

ЛОНДОН

МЕТНУЕН & СО.

БЕРИ-СТРИТ, 18, WC

1889

Содержание.

	СТРАНИЦА
Предисловия,	vii
Исчезновение Батерста,	1
Герцогиня Кингстон,	26
Генерал Маллет,	51
Мемуары Швайнихена,	67
Слесарь Гамен,	83
Ростовщик Абрам,	103
Софи Апицч,	121
Питер Нильсен,	136
Принц-чудотворец Гогенлоэ,	164
Телеграф-улитка,	185
Графиня Герлиц,	199
Восковая и медовая луна,	234
Заговор курфюрстины,	257
Зюсс Оппенгейм,	271
Игнатий Фесслер,	294

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Читатель, изучающий историю в ее различные эпохи в разных странах, сталкивается с эксцентричными личностями и экстраординарными событиями, которые могут быть легко обойдены вниманием, как существенно не влияющие на непрерывность истории, как не оказывающие какого-либо серьезно нарушающего воздействия на ее ход. Такие личности, такие события всегда вызывали во мне интерес, и когда я наталкивался на них, для меня было удовольствием получить такие подробности о них, какие были доступны и которые были бы неуместны в общей истории, поскольку загромождали ее неважными материалами или имели недостаточную важность, чтобы занимать много места. Два рассказа, содержащиеся в этой работе, уже появлялись в "Корнхилл Мэгэзин", но я значительно расширил их, добавив свежий материал; некоторые другие были опубликованы в "Джентльменз Мэгэзин" и один в "Белгравии". Только в двух из них — "Питер Нильсен" и "Восковая и медовая луна" - авторитеты несколько вышли за рамки, а факты слегка приукрасились, чтобы принять форму историй.

С. Бэринг Гулд.

Лью Тренчард, Н. Девон,
июль 1889 г..

ИСТОРИЧЕСКИЕ СТРАННОСТИ.

Исчезновение Батерста.

Тайна исчезновения Бенджамина Батерста 25 ноября 1809 года никогда не может быть с уверенностью разгадана. В то время общественное мнение в Англии было убеждено, что он был тайно убит по приказу Наполеона, и "Таймс" в передовице от 23 января 1810 года так решительно утверждала это, что "Монитор" от 29 января следующего года в резких и возмущенных выражениях отвергла обвинение. Тем не менее, не только в Англии, но и в Германии было настолько сильным впечатление, что Наполеон отдал приказ об убийстве, если убийство было совершено, что император счел нужным весной того же года торжественно заверить жену исчезнувшего человека под честное слово, что он ничего не знал об исчезновении ее мужа. Тридцать лет спустя Варнхаген фон Энзе, хорошо известный немецкий писатель, воспроизвел эту историю и повторил обвинение против Наполеона или, во всяком случае, против французов. Еще позже "Спектейтор" в статье за 1862 год дал краткий очерк исчезновения Батерста и снова повторил обвинение агентов французской полиции или солдат в том, что они покончили с англичанином. В то время, как сообщалось, в цитадели Магдебурга

был обнаружен скелет со связанными руками в вертикальном положении, и автор статьи пытался идентифицировать скелет с пропавшим человеком.[1]

Посмотрим, не опровергнут ли другие открытия это отождествление и не дадут ли нам другого решения проблемы — что стало с Бенджаминотм Батерстом?

Бенджамин Батерст был третьим сыном доктора Генри Батерста, епископа Норвича, каноника Крайстчерча и пребендария Дарема, по Милости дочери Чарльза Кута, декана Килфеноры, и сестры лорда Каслкута. Его старший брат Генри был архидьяконом Норвича; его следующий, сэр Джеймс, К.К.Б., служил в армии и был адъютантом лорда Веллингтона на полуострове.

Бенджамин, третий сын епископа, родился 14 марта 1784 года,[2] и был секретарем Миссии в Ливорно. В мае 1805 года он женился на Филлиде, дочери сэра Джона Калла, барта, из Уайтфорда в Корнуолле, и сестре сэра Уильяма Пратта Калла, второго баронета. Бенджамин - христианское имя, которое неоднократно встречается в семье Батерст в честь ее основателя, сэра Бенджамина, губернатора Ост-Индской компании и Королевской африканской компании. Он умер в 1703 году. Дедом героя наших мемуаров был некий Бенджамин, брат Аллена, который получил титул барона в 1711 году и графа в 1772 году.

У Бенджамина было трое детей: сын, который умер через несколько лет после исчезновения своего отца в результате падения с лошади на скачках в Риме; дочь, утонувшая в Тибре; и еще одна, которая вышла замуж за графа Каслстюарта в 1830 году, а после его смерти вышла замуж за синьора Пистокки.

В начале 1809 года Бенджамин был отправлен в Вену своим родственником, графом Батерстом, который служил в министерстве лорда Каслри, а в октябре стал государственным секретарем Министерства иностранных дел. Он был отправлен с секретным посольством от английского правительства ко двору императора Франциска. То время имело большое и критическое значение для Австрии. Со времени Прессбургского мира она вела себя спокойно; венский кабинет с осторожной осмотрительностью придерживался системы нейтралитета, но она только ждала своего часа, и в 1808 году правительство издало указ, по которому было учреждено ополчение, набранное по призыву, под названием "ландвер", и его численность быстро достигла 300 000 человек. Наполеон, обеспокоенный восстанием на полуострове, гневно потребовал объяснений, от которых уклонился. Чтобы внушить страх Австрии, он встретился в Эрфурте с российским императором Александром, и последний, когда Австрия озвучила это, отказался принимать какое-либо участие в конфедерации против Наполеона. Англия тем временем призывала Австрию бросить вызов. В знак дружбы порт Триеста был открыт для английских и испанских флагов. В декабре в заявлении короля Англии открыто упоминались враждебные приготовления Австрии, но Кабинет министров в Вене все еще не определился с тем курсом, который они в конечном итоге изберут. Чрезвычайная опасность, которой монархия подверглась уже в войнах с Наполеоном, заставила их колебаться. Англия собиралась послать пятьдесят тысяч человек на полуостров и желала отвлечь внимание от войны в сердце Германии. Пруссия решила сохранять нейтралитет. Наполеон быстро вернулся из Испании, и Даву был отправлен приказ сосредоточить свой огромный корпус в Бамберге; Массена должен был вернуться в Страсбург и продвигаться к Ульму; Удено должен был двинуться на Аугсбург, а Бернадотт во главе саксонцев должен был угрожать Богемии. Именно в этот момент Бенджамин Батерст поспешил в качестве чрезвычайного посла в Вену, чтобы заверить тамошний кабинет министров в намерениях Англии направить мощный контингент в

Испанию и сделать все, что в его силах, чтобы побудить Австрию объявить войну. Воодушевленный Англией, Венский кабинет взял инициативу в свои руки, и 8 апреля австрийские войска сразу перешли границу у Инн, в Богемии, в Тироле и в Италии.

Раздражение Наполеона было велико; и Батерст, оставшийся при Дворе, находился под впечатлением, что император Франции питает к нему особую неприязнь из-за его попыток спровоцировать австрийское министерство на объявление войны. Было ли это его мнение обоснованным, или его предупредили, что Наполеон воспользуется возможностью, если ему представится, отомстить, мы не знаем; но несомненно то, что Батерст был убежден, что Наполеон относился к нему с непримиримой враждебностью и не оставит камня на камне, чтобы способствовать его уничтожению.

6 июля произошла битва при Ваграме, затем было заключено унизительное перемирие при Знайме, на которое согласился император Франциск в Коморне, несмотря на настойчивость Меттерниха и лорда Уолпола, пытавшихся убедить его отклонить эти предложения. Это перемирие было предварительным к миру, который был заключен в Шенбруне в октябре. На этом срок полномочий Батерста в Вене подошел к концу, и он отправился домой. Теперь дело было в том, что он неоднократно говорил об опасности, которая угрожала ему, и о своих опасениях, как бы Наполеон не арестовал его по пути в Англию. Некоторое время он колебался, какой дорогой пойти, и, придя к выводу, что если он поедет через Триест и Мальту, то подвергнется наибольшему риску, решил пробраться в Лондон через Берлин и север Германии. Он взял с собой своего личного секретаря и камердинера и, чтобы не привлекать к себе внимания, принял фамилию Кох и притворился странствующим торговцем. Его секретарю было поручено действовать в качестве курьера, и он проехал под именем Фишер. Бенджамин Батерст носил при себе пистолеты, а в задней части кареты было огнестрельное оружие.

25 ноября 1809 года, около полудня, он прибыл в Перлеберг с почтовыми лошадьми по пути из Берлина в Гамбург, остановился на почте, чтобы перекусить, и приказал запрячь свежих лошадей в карету для поездки в Ленцен, который был следующей станцией.

Батерст ехал по шоссе из Берлина в Шверин, что в Бранденбурге, до маленького городка Перлеберг, расположенного на реке Степниц, которая через несколько миль впадает в Эльбу у Виттенберге. Он мог бы поехать дальше, в Людвигслуст, а оттуда в Гамбург, но это был значительный крюк, и ему не терпелось поскорее оказаться дома. Теперь перед ним была дорога, которая вела вдоль Эльбы недалеко от границы Саксонии. До Эльбы оставалось около четырех миль. В Магдебурге стояли французские войска. Если ему где-то и грозила опасность, то только в течение следующих нескольких часов, то есть до тех пор, пока он не доберется до Домица. Примерно в ста шагах от почты находилась гостиница "Белый лебедь", хозяина которой звали Леже. Рядом с гостиницей находились городские пархимерские ворота с башней, и через эти ворота вела дорога в Гамбург, за которыми находилось нечто вроде пригорода, состоящего из домов бедных крестьян и ремесленников.

Бенджамин Батерст отправился в "Лебедь" и заказал ранний обед; лошадей нельзя было заводить, пока он не пообедает. На нем были серые брюки, серое короткое пальто в клетку, а поверх него красивая соболиная шуба, подбитая фиолетовым бархатом. На голове у него была меховая шапка в тон. В его шарфе была довольно ценная бриллиантовая булавка.

Покончив с едой, Батерст осведомился, кто командует солдатами, расквартированными в городе, и где он квартирует. Ему сказали, что там находится эскадрон бранденбургских кирасир под командованием капитана Клитцинга, который проживал в доме за ратушей. Затем мистер Батерст пересек рыночную площадь и зашел к офицеру, которому в то время нездоровилось из-за распухшей шеи. Капитану Клитцингу он сказал, что является путешественником, направляющимся в Гамбург, что у него есть сильные и обоснованные подозрения, что его личности угрожает опасность, и он попросил, чтобы ему выделили охрану в гостинице, где он остановился. Дама, которая присутствовала заметил, что он казался глубоко взволнованным, что он дрожал, как будто лихорадка пострадавшего, и был не в состоянии поднять чашку чая, предложенную ему к губам, не расплескав его.

Капитан посмеялся над его страхами, но согласился выделить ему пару солдат и отдал необходимые распоряжения об их отправке; затем мистер Батерст встал, надел соболью шубу и, чтобы объяснить, почему ему было трудно снова влезть в меха, объяснил, что он был сильно потрясен чем-то, что его встревожило.

Вскоре после прибытия мистера Батерста в "Лебедь" из Ленцена прибыли два еврейских торговца с почтовыми лошадьми и уехали до наступления ночи.

Вернувшись в гостиницу, мистер Батерст отменил погоню за лошадьми; он сказал, что не тронется в путь до ночи. Он решил, что для него будет безопаснее проехать опасный участок маршрута ночью, когда шпионы Наполеона с меньшей вероятностью будут настороже. Он остался в гостинице, писал и сжигал бумаги. В семь часов он отпустил солдат, стоявших на страже, и приказал, чтобы лошади были готовы к девяти. Он стоял возле гостиницы, наблюдая, как его чемодан, который внесли внутрь, водрузили на место в экипаже, обошли вокруг, поставили на головы лошадей — *и больше его никогда не видели.*

Следует помнить, что это было в конце ноября. Темнота сгустилась около пяти часов вечера, поскольку солнце село в четыре. Поперек улицы висел масляный фонарь, отбрасывающий слабый свет; у конюха был роговой фонарь, с помощью которого он и фореитор поправляли упряжь лошадей. Хозяин стоял в дверях, разговаривая с секретарем, который в качестве курьера оплачивал счет. В данный момент никто особенно не следил за передвижениями мистера Батерста. Он подошел к лошадиным головам, где на него упал фонарь конюха. Лошади были поданы, фореитор наготове, камердинер стоял у дверцы экипажа, хозяин гостиницы держал в руке фуражку, готовый пожелать джентльмену "счастливого пути"; секретарь был нетерпелив, так как дул холодный ветер. Они ждали; они послали вверх в комнату, которую снял мистер Батерст; они позвонили. Все напрасно. Внезапно, необъяснимо, без единого слова, крика, какой-либо тревоги, он исчез, и что с ним стало на самом деле, никогда не будет известно с уверенностью.

Пока весь дом пребывал в изумлении и растерянности, еврейские купцы приказали приготовить их карету и уехали.

Прошло некоторое время, прежде чем стало ясно, что дело серьезное. Затем секретарю пришло в голову, что мистер Батерст, возможно, снова отправился к командующему кораблем капитану, чтобы попросить охрану сопровождать его экипаж. Он сразу же послал за капитаном, но мистера Батерста с ним не было. Однако в тот момент, когда Клитцинг услышал, что путешественник исчез, он вспомнил о тревоге, выраженной этим джентльменом, и действовал с

большой быстротой. Он послал солдат захватить карету и все вещи пропавшего человека. Несмотря на распухшую шею, он немедленно отправился в "Лебедь", заказал карету и потребовал, чтобы секретарь сел в нее; он посадил кирасира и камердинера на козлы и, сев в карету, приказал отвезти ее в "Золотую корону", гостиницу на дальнем конце города, где разместил товарищей Батерста и приставил к ним солдата для охраны. Над Лебедем также была поставлена охрана, и на следующее утро были предприняты все возможные поиски пропавшего человека. Прочесали реку, обследовали надворные постройки, леса, болота, канавы, но не смогли найти ни следа его присутствия. В тот день было воскресенье. Клитцинг оставался в Перлеберге только до полудня, ожидая каких-либо открытий, а затем без промедления поспешил в Кириц, где находился его комендант, полковник Бисмарк, чтобы изложить ему суть дела и испросить разрешения поспешить прямо в Берлин, чтобы там получить дальнейшие инструкции, что следует делать.

Он вернулся в понедельник со всеми полномочиями для расследования этого дела.

Перед отъездом он осмотрел вещи мистера Батерста и узнал, что принадлежащая ему шуба пропала; он сообщил об этом гражданскому судье округа, и пока его не было, по этому поводу были начаты поиски. Это была уже упомянутая соболиная шуба на подкладке из фиолетового бархата, и у Фишера создалось впечатление, что она, наряду с другой, принадлежавшей секретарю, была оставлена на почте.

Самое удивительное в этом деле то, что городские власти — и, действительно, по возвращении капитан Клитцинг — на некоторое время ограничились поисками шубы, и из-за этого было упущено драгоценное время. Более того, городские власти, полиция и военные были независимы и ревниво относились друг к другу. Военный комендант Клитцинг и бургомистр были в открытой ссоре и направили в штаб обвинения друг против друга за вмешательство в дело, выходящее за рамки их прав. Начальник полиции был инертен, впоследствии уволенный за допущение нецелевого использования вверенных ему денежных средств. В расследовании не было никакой системы, и соответствующие улики не были использованы.

16 декабря две бедные женщины отправились из Перлеберга в небольшой еловый лес в направлении Кицова, чтобы собрать сломанные ветки для топлива. Там они обнаружили, в нескольких шагах от тропинки, ведущей через лес, распростертую на траве пару брюк, вывернутых наизнанку. Повернув их обратно, они заметили, что снаружи они были в пятнах, как будто человек, который их носил, лежал на земле. В кармане лежал листок бумаги с надписью; он, как и брюки, был насквозь пропитан водой. На брюках были два пулевых отверстия, но вокруг них не было следов крови, чего вряд ли могло быть, если бы пули попали в мужчину, одетого в брюки. Женщины отнесли найденное бургомистру. Брюки, несомненно, принадлежали пропавшему мужчине. Бумага в кармане оказалась наполовину законченным письмом от мистера Батерста к своей жене, нацарапанным карандашом, в котором говорилось, что он боится, что никогда не доберется до Англии, и что его разорение будет делом рук графа д'Антрэга, и он просит ее не выходить замуж снова в случае его невозврата.

Английское правительство предложило награду в 1000 фунтов стерлингов, а его семье — еще 1000 фунтов стерлингов; принц Фредерик Прусский, проявивший живой интерес к этому делу, предложил дополнительно 100 фридрихсдоров за обнаружение тела или за информацию, которая могла бы привести к разгадке тайны, но никакой информации, на которую можно было бы положиться, так и не появилось. Ходили разные слухи; и миссис Тислтуэйт, сестра

Бенджамин Батерст, приводит их в своих воспоминаниях о докторе Генри Батерсте, епископе Норвичском, опубликованных Бентли в 1853 году. Говорили, что он пропал в море. По другому сообщению, он был убит своим камердинером, который сел в открытую лодку на Эльбе и сбежал. В другом сообщении говорилось, что он пропал на судне, направлявшемся в Швецию и затонувшем примерно в это же время. Все эти сообщения абсолютно не соответствуют действительности. Миссис Тислтуэйт заявляет, что граф д'Антрэг, который впоследствии был так жестоко убит вместе со своей женой их слугой-итальянцем, говорил, что может доказать, что мистер Батерст был убит в крепости Магдебург. В письме к своей жене, датированном 14 октября 1809 года, Бенджамин Батерст сказал, что надеется добраться домой через Кольберг и Швецию. Д'Антрэг был французским шпионом в Лондоне, а миссис Тислтуэйт утверждает, что он сам сказал миссис Батерст, что ее мужа увезли *дуанье-монтес* из Перлеберга в Магдебург и там убили. В это трудно поверить.

Томас Ричард Андервуд в письме из Парижа от 24 ноября 1816 года сообщает, что он был военнопленным в Париже в 1809 году и что как англичане, так и французы там считали, что преступление в виде его похищения и убийства было совершено французским правительством.

В "Европейском журнале" за январь 1810 года говорится, что он, по-видимому, был похищен группой французских войск, дислоцированных в Ленцене, но это было не так. На той стороне Эльбы не было французских войск. Далее в нем говорится: "Французская исполнительная власть, с целью установить по своим документам характер отношений, существующих между этой страной и австрийским правительством, пополнила список своих преступлений захватом или, возможно, убийством этого джентльмена".

Если бы там были замечены французские войска, мы бы знали об этом; но таковых не было. Гражданские и военные власти приложили все усилия, чтобы разыскать Батерста. Для розыска пропавшего человека были наняты ищейки, но тщетно. Был исследован каждый колодец, тщательно обыскано русло Степницы. Каждый подозрительный дом в Перлеберге был обследован от чердака до подвала, сады перевернуты вверх дном, болота обследованы, но все попытки выследить и обнаружить его были тщетны.

23 января 1810 года в гамбургской газете появилась заметка, которая впервые сообщила жителям Перлеберга, кем на самом деле был купец Кох, так таинственно исчезнувший. Абзац был в форме письма, датированного из Лондона 6 января 1810 года, то есть через шесть недель после исчезновения. В нем говорилось следующее: "Сэр Батерст, чрезвычайный посол Англии при Австрийском дворе, в отношении которого немецкая газета под датой 10 декабря сообщила, что он покончил жизнь самоубийством в припадке безумия, в здравом уме и теле. Его друзья получили от него письмо от 13 декабря, которое, следовательно, должно было быть написано после даты его предполагаемой смерти".

Кто вставил это и с какой целью? Это было абсолютной неправдой. Было ли это сделано для того, чтобы заставить власти ослабить свои усилия по расследованию тайны и, возможно, вообще отказаться от них?

Еврейские торговцы были допрошены, но сразу же уволены; они были людьми состоятельными и пользовались всеобщим уважением.

Возможно ли, что мистер Батерст покончил с собой? Такова была точка зрения на его исчезновение во Франции, где в "Монитер" от 12 декабря 1809 года в письме от корреспондента

из Берлина говорилось: "Сэр Батерст по пути из Берлина проявил признаки безумия и покончил с собой в окрестностях Перлеберга". 23 января 1810 года, как уже говорилось, "Таймс" подняла этот вопрос и недвусмысленно обвинила императора Наполеона в том, что он покончил с мистером Батерстом, который был ему особенно неприятен.

Тем временем была найдена шуба, спрятанная в подвале семьи по фамилии Шмидт за дровами. Фрау Шмидт заявила, что письмо было оставлено на почте, где она его и нашла, отнесла его и отдала своему сыну Августу, человеку с печально известной дурной репутацией.

Примечательно, что одна свидетельница заявила, что видела, как исчезнувший незнакомец выходил с площади по узкому переулку, в котором жили Шмидты и где в конце концов была найдена шуба. На допросе Август Шмидт сказал, что "его мать сказала ему, что у незнакомца было два пистолета, и послал ее купить ему пороху. Следовательно, он предположил, что джентльмен застрелился. К сожалению, конфликт властей на данном этапе был предвзятым, и вопросы о том, как Шмидты узнали что-либо о пистолетах, действительно ли фрау Шмидт посылали за порохом и действительно ли Батерста видели входящим в переулок, в котором они жили, и в какой час, так и не были должным образом рассмотрены. Какая бы информация ни была получена Клитцингом, она была отправлена в Берлин, и там его отчеты остаются в архивах. Они не были изучены.

Между Клитцингом и бургомистром вспыхнули новые ссоры, и Клитцинг вместо того, чтобы проводить основные расследования, приступил к расследованию действий бургомистра. Так было потеряно еще больше времени.

В четверг, 30 ноября, то есть через пять дней после исчезновения Батерста, капитан Клитцинг приказал городским судьям: 1. Осмотреть все канавы и каналы вокруг этого места; 2. Обследовать окрестности города лесниками с гончими; 3. Выпустить реку Степниц и осмотреть русло. Затем он добавил: "Поскольку я установил, что Огастеса Шмидта, который сейчас находится под арестом за кражу шубы, *не было дома в то время, когда незнакомец исчез*, я требую, чтобы этот факт был принят во внимание и расследован" — и это, насколько мы можем установить, сделано не было; это была просто одна из тех ценных улик, которые остались без внимания.

Была обыскана вся округа: канавы, пруды, русло реки, канализационные стоки, каждый подвал и сад, но ничего не нашли. Поиски продолжались до 6 декабря и оказались совершенно безрезультатными. Брюки были найдены только 16 декабря. Почти наверняка они были заложены в лесу Кицув после того, как поиски были прекращены, 6 декабря.

Поскольку против семьи Шмидт не было доказано ничего, кроме того, что они забрали шубу, фрау Шмидт и ее сын были приговорены к восьми неделям тюремного заключения.

Вопрос о пистолетах не был должным образом прояснен. Это, опять же, был вопрос, и важный вопрос, который остался нерасследованным.

Военные власти, осмотревшие имущество мистера Батерста, заявили, что ничего не пропало, кроме меховой накидки, которая впоследствии была обнаружена, и мы предполагаем, что среди них были и эти пистолеты. Если бы это было не так, можно быть уверенным, что на тот факт, что он ушел со своими пистолетами и не вернулся, обратили бы внимание. Это придало бы краски мнению о том, что он покончил с собой. Кроме того, не было слышно ни одного выстрела. Немного дальше от городских ворот, за гостиницей "Лебедь", находится мост через небольшой

и медленный ручей Степница. Вполне возможно, что он застрелился там и упал в воду; но эта теория не выдерживает пристального изучения. Выстрел, произведенный там, наверняка был бы услышан ночью в коттеджах у дороги; вскоре после этого реку обыскали, но следов его не нашли, а его брюки с дырками от пуль, проделанными в них после того, как они были сняты с него, были обнаружены в другом направлении.

В "Монитер" от 29 января говорилось: "Среди цивилизованных народов Англия - единственная, которая подает пример наличия бандитов[3], которым платят и которые подстрекают к преступлению. Исходя из информации, полученной нами из Берлина, мы полагаем, что мистер Батерст сошел с ума. Таков обычай британского кабинета поручать дипломатические поручения людям, которых вся нация знает как наполовину дураков. Сумасшедшие есть только в английской дипломатической службе".

Этот яростный язык в то время приписывали диктовке Наполеона, уязвленного обвинением, выдвинутым "Таймс", которое причислило его к "вульгарным убийцам" и приписывало ему два других и в чем-то схожих дела, дело Вагстаффа и дело сэра Джорджа Рамбола. Совершенно очевидно, что "Монитер" не отважился бы на столь оскорбительные высказывания без его разрешения.

В апреле миссис Батерст вместе с несколькими родственниками прибыла в Перлеберг. Бедная леди была в большом огорчении и тревоге, желая, чтобы невыносимое ожидание было облегчено каким-нибудь открытием, и были сделаны и опубликованы самые щедрые предложения, чтобы побудить к раскрытию тайны. В это время женщина по имени Хакер, жена крестьянина, жившего на обувном рынке, находилась в городской тюрьме — уже упомянутой башне, примыкающей к "Белому лебедю". Она была заключена в тюрьму за различные мошеннические действия. Теперь она предложила сделать признание, и вот ее заявление:

"За несколько недель до Рождества я ехала в Перлеберг из местечка в Гольштейне, где мой муж нашел работу. В маленьком городке Сиберг, в двенадцати милях от Гамбурга, я встретил помощника сапожника Гольдбергера из Перлеберга, которого я знал по тому, что танцевал с ним. Он был хорошо одет, и с его брелока свисала волосяная цепочка с золотыми печатками. Его вязаный шелковый кошелек был набит луидорами. Когда я спросил его, откуда у него столько денег, он сказал: "О, я получил 500 долларов и часы в качестве секретных денег, когда был убит англичанин". Больше он не сообщил мне никаких подробностей, кроме того, что на одной из печатей было выгравировано имя, и он переделал его в Гамбурге".

Этой истории не было придано никакого значения, и не было возбуждено никакого расследования относительно местонахождения Голдбергера. Предполагалось, что женщина состряпала это в надежде заинтересовать миссис Батерст в ее освобождении и получить часть денег, предложенных информаторам.

Миссис Батерст не сразу вернулась в Англию; она обратилась к Наполеону с просьбой предоставить ей информацию, и он заверил ее через Камбасьера и под свое честное слово, что ему ничего не известно об этом деле, кроме того, что он прочитал в газетах.

Итак, дело оставалось неразгаданной тайной.

В Пруссии среди подавляющей массы образованных людей, представителей высшего и официального классов, преобладало убеждение, что Наполеон вызвал исчезновение Батерста

не из личных чувств, а в политических интересах, с целью завладеть депешами, которые, как считалось, он передавал в Англию от австрийского правительства. Убийство было признано несчастным случаем или неизбежным последствием. И в самом Перлеберге такой точки зрения придерживались по этому поводу, как только стало известно, кем был незнакомец. Но затем там возобладало другое мнение, что Клитцинг тайно переправил его через границу, чтобы спасти от шпионов и преследования, которое, как знали он и Батерст, ставило под угрозу безопасность возвращающегося посланника.

В Перлеберге у тех, кто считал, что он был убит, сложилось два мнения относительно способа, которым с ним покончили.

Недалеко от почты в то время находилась скромная таверна, которую держал упомянутый выше Хакер; этот человек совмещал сапожное дело с продажей бренди. Август Шмидт проводил много времени в этом доме. Вскоре после этого дела Хакер покинул Перлеберг и обосновался в Альтоне, где показал себя обладателем больших денег. Говорили также, что он продал золотые часы с репетиром ювелиру в Гамбурге. Это никогда не обсуждалось; и насколько это было правдой или досужими слухами, сказать невозможно. Одна из версий заключалась в том, что Батерст был ограблен и убит Хакером и Шмидтом.

Другое мнение было таково. Напротив почты находился дом, занимаемый в то время человеком, который был платным французским шпионом; человеком, которого судили за тайную связь с врагом его Отечества. Он был мелким юристом, который разжигал ссоры среди крестьян и жил за счет результата. Это был человек с наихудшим характером, способный на все. Одна часть жителей Перлеберга придерживалась мнения, что Батерст, прежде чем сесть в экипаж, пересек площадь и вступил в разговор с этим человеком, который убедил его войти в свою дверь, где задушил его и закопал в своем подвале. Вдова этого человека на смертном одре, казалось, хотела в чем-то признаться, но умерла прежде, чем успела заговорить.

В 1852 году в Перлеберге было сделано открытие, которое может дать требуемое решение, а может и не дать.

Прежде чем упомянуть об этом, мы можем заявить, что капитан Клитцинг никогда не верил, что Батерста похитили французские агенты. Он утверждал, что его убили из-за его денег.

15 апреля 1852 года дом на Гамбургской дороге, принадлежавший каменщику Кизеветтеру, сносился, когда под каменным порогом конюшни был обнаружен человеческий скелет. Скелет лежал, вытянувшись лицом вверх, на черной торфяной земле, покрытой раствором и каменной крошкой, голова была вмурована в камни для ограждения и раствор. В задней части черепа была трещина, как будто по нему пришелся удар тяжелым предметом. Все верхние зубы были идеальными, но один из коренных зубов на нижней челюсти отсутствовал, и имелись признаки того, что он был удален стоматологом. Дом, где были найдены эти человеческие останки, был куплен в 1834 году каменщиком Кизеветтером у Кристиана Мертенса, который унаследовал его от своего отца, который купил его в 1803 году у сапожника. *Мертенс, отец ребенка, на момент исчезновения мистера Батерста служил в "Белом лебеде".*

Было проведено расследование того, что было известно о старом Мертенсе. Все высоко отзывались о нем как о бережливом, уравновешенном человеке, богобоязненном; который за время своей службы в "Лебеде" наскреб достаточно денег, чтобы дать приданое двум своим

дочерям - 150 и 120 фунтов соответственно. После продолжительной болезни он скончался, пользовавшийся всеобщим уважением.

Информация о находке была передана семье Батерст, и 23 августа миссис Тислтуэйт, сестра Бенджамина, приехала в Перлеберг, привезя с собой портрет своего брата, но она совершенно не могла сказать, что череп, который ей показали, принадлежал пропавшему мужчине, которого она не видела сорок три года. И — неудивительно! Когда Гете показали череп его близкого друга Шиллера, он едва ли смог найти какое-либо сходство с головой, которую он так хорошо помнил. Миссис Тислтуэйт уехала, полагая, что это открытие никак не связано с тайной исчезновения ее брата, настолько неистребимо укоренилось в убеждениях семьи, что он был похищен французскими агентами.

Однако давайте рассмотрим это открытие чуть внимательнее, и, возможно, мы придем к другому выводу.

Во-первых, скелет принадлежал мужчине, который был убит ударом по затылку, проломившим череп. Перед похоронами его раздели, так как не было найдено ни следа одежды.

Во-вторых, дом семьи Мертенс находился на гамбургской дороге, по дороге в Ленцен, за Пархимерскими воротами, всего в трехстах шагах от "Белого лебедя". Фактически, он был отделен от "Белого лебедя" только старыми городскими воротами и тюремной башней, а также небольшим участком садовой земли.

На момент исчезновения мистера Батерста в нем проживал Кристиан Мертенс, служивший в "Белом лебеде". В момент пропажи Батерста местонахождение Мертенса не проверялось, и его коттедж не обыскивался. Предполагалось, что он был в гостинице и ждал свою "вейл", как конюх и *Кельнер*. Вполне возможно, что он стоял рядом с лошадиными головами и, возможно, прошел с мистером Батерстом несколько шагов, чтобы показать ему направление, в котором тот должен был идти; или, притворившись, что у него есть важная информация для него, он мог заманить его в свой коттедж и там убить, или, опять же, он мог заманить его туда, где по предварительной договоренности Голдбергер подстерегал его с молотком или топором, чтобы ударить его сзади. Учитывая, как беспокоился мистер Батерст по поводу дороги и насколько его занимала мысль о том, что французские шпионы и секретные агенты следят за ним, слуга гостиницы, где он остановился, легко мог уговорить его пройти несколько шагов через ворота, вне пределов слышимости посыльного, трактирщика и конюха, чтобы услышать что-то, что, как утверждал сапожник, имело для него значение. Голдбергер или кто-то другой мог подстеречь его в темноте, в тени ворот, на небольшом расстоянии от огней, окружавших карету, и одним ударом заставить его замолчать. Вполне возможно, что Огастес Шмидт был замешан в этом деле и что соболиная шуба была снята с мистера Батерста после смерти.

Опять же, Мертенс смог после замужества двух своих дочерей пожертвовать одной 150 *фунтов стерлингов*, а другой 120 *фунтов стерлингов*. Это означало бы, что Мертенс сэкономил на "Сапогах лебедя" по меньшей мере 300 *фунтов стерлингов*, поскольку он не отдал бы все до последнего пенни своим детям. Несомненно, это была значительная сумма для сапожника в маленькой гостинице, которую он мог собрать из своего жалованья и из "вейлз".

Миссис Тислтуэйт утверждает в своих Воспоминаниях о епископе Батерсте, что вскоре после исчезновения ее брата конюха — может ли она иметь в виду Мертенса?—тоже исчез, сбежал. Но мы не знаем никаких подтверждающих доказательств.

Наконец, обнаружение брюк в лесу близ Кицова указывает на то, что путешественник был убит в Перлеберге; убийцы, кем бы они ни были, обнаружив, что проводится обыск домов, амбаров, садов и конюшен, забрали одежду несчастного, сделали в нее пару выстрелов, чтобы представить, что в него стреляли несколько человек, подстерегавших его, и затем выставили ее в стороне от дороги, по которой ехал мистер Батерст. Человек, который нес эту одежду, боялся, что его заметят, и, вероятно, не пошел с ней через город, а направился в лес и по той же причине не стал уносить ее далеко. Дорога на Ленцен пролегла на юго-запад, а - на Квицов на северо-запад. Он положил брюки рядом с последним, но не рискнул переходить шоссе. Он мог незамеченным добраться до леса через поля.

Предполагая, что это и есть разгадка тайны, остается учесть одну вещь — абзац в гамбургской газете, датированный из Лондона, в котором сообщается, что мистер Батерст жив и о нем что-либо слышали после исчезновения.

Это, несомненно, было вставлено с целью отвести или ослабить подозрения, и обычно считалось, что оно было отправлено из Лондона французским агентом по указанию из Парижа. Но вполне возможно, что лондонский корреспондент услышал в кофейне слух о том, что Батерст все еще жив, и сразу же сообщил об этом в газету. Ложность этого сообщения была очевидна, и семья погибшего немедленно продемонстрировала бы его властям в Перлеберге. Это не могло соответствовать цели дознания об аресте и приостановлении расследования.

Остается только выяснить, было ли вероятно, что Наполеон приложил к этому делу какую-либо руку.

Что могло побудить его наложить лапу на посланника? Он не мог ожидать найти при особе мистера Батерста какие-либо важные депеши, поскольку война закончилась, мир с Австрией был заключен. Он, несомненно, был зол на Австрию, объявившую войну, и на Англию, подстрекающую ее к этому, но мистер Батерст был действительно очень мелкой дичью, на которой можно было сорвать свой гнев; более того, мир, заключенный с Австрией, давал Франции большие преимущества. Возможно, у него не было личной неприязни к Батерсту, поскольку он никогда его не видел. Когда Наполеон вступил в Вену, Батерст был с императором Франциском в Венгрии, в Коморне.

И все же он, возможно, подозревал, что Австрия неискренна, и стремился возобновить конфликт, если бы она могла получить гарантии помощи от Англии. Возможно, он думал, что, получив документы, доставленные Батерстом в Англию, он узнает об истинных намерениях Австрии и, таким образом, будет готов к последствиям. Мы не можем сказать. Обнаружение тела в доме Мертенса под порогом — если предположить, что это тело Батерста, - никоим образом не доказывает, что убийство было простым убийством с целью ограбления.

Если бы Наполеон отдал приказ о поимке Батерста и изъятии у него бумаг, из этого не следует, что он приказал его убить, напротив, он отдал бы приказ ограбить его — как разбойников с большой дороги — и отпустить живым. Убийство было совершено против его воли, если он действительно отдавал приказ ограбить его.

Семья Батерст никогда не сомневалась, что Бенджамин был убит агентами Наполеона. Несомненно, он прекрасно осознавал, что его безопасность была под угрозой, и под угрозой в Перлеберге. Вот почему, добравшись до места, он сразу же попросил защиты у охранника. Он получил от кого-то предупреждение, и это предупреждение показывает, что рассматривалась попытка отнять у него документы.

Это предостережение быть настороже, должно быть, было дано ему еще до того, как он покинул Вену. Вероятно, он получил еще одно, прежде чем добрался до Перлеберга, поскольку предстал перед комендантом в состоянии сильной тревоги и возбуждения. Вряд ли можно поверить в то, что это было просто духовным предзнаменованием зла. Мы не можем сомневаться — и его письмо жене наводит на это убеждение, — что он был предупрежден о том, что за ним следят шпионы, находящиеся на содержании французского правительства. Кем были агенты, нанятые для получения его документов, если предположить, что французское правительство действительно пыталось подстеречь его, никогда не будет установлено, будь то Мертенс или Август Шмидт.

В 1815 году граф Батерст был государственным секретарем по военным вопросам и колониальному департаменту. Можем ли мы не подозревать, что к личному ликованию примешивалось политическое удовлетворение от возможности отправить на остров Святой Елены человека, который не только был бичом Европы и наводил ужас на королей, но и который, как он предполагал — мы полагаем, совершенно ошибочно, — навлек на свою собственную семью агонию неизвестности и сомнений, от которых так и не удалось избавиться полностью?

СНОСКИ:

[1] Обнаружение скелета в том виде, в каком оно описано, впоследствии было опровергнуто магдебургскими документами. Это была сенсационная статья из газеты, причем необоснованная.

[2] Реестр крещений, Крайстчерч, Оксфорд, 1784, 14 марта, Бенджамин, с. Генри Батерст, каноник, и Грейс, его жена, родились и крестили. 19 апреля.

[3] Когда в 1815 году Наполеон находился на острове Святой Елены, при своем первом знакомстве с сэром Хадсоном Лоу он обратился к губернатору с оскорбительными словами: "Месье, вы хотите командовать разбойниками". Он намекал на корсиканских рейнджеров на британской службе, которыми командовал Лоу.

Герцогиня Кингстонская.

Элизабет Чадли, графиня Бристольская и герцогиня Кингстонская, которую пэры судили за двоеженство в Вестминстер-холле в 1776 году, была, едва ли можно сомневаться, оригиналом, с которого Теккерей нарисовал свой подробный портрет Беатрикс Эсмонд, как в роли юной Трикс, так и в роли старой баронессы Бернштейн; также нельзя сомневаться, что все, что он знал о своем прототипе, было взято из скандальной книжечки "Подлинные подробности,

касающиеся покойной герцогини Кингстон", опубликованной Дж. Керсли в 1788 году. . Теккерей не только воспроизвел некоторые эпизоды из ее жизни, но и более детально уловил черты ее характера.

Бедная Трикс! Кто не помнит, как она спускалась по парадной лестнице в Уолкоте со свечой в руке, в красных чулках и с новой вишневого цвета лентой на шее, с глазами, подобными голубым звездам, с каштановыми волосами, вьющимися вокруг головы, и не испытывала давней симпатии к маленькой кокетке, пытавшейся поймать милорда Мохэна, и герцога Гамильтона, и многих других, но все пропустившей? а для непослушной старой баронессы, с ее скандальными историями, ее запятнанным прошлым, ее любовью к картам, ее полной беспринципностью, и все же с одним мягким уголком в иссохшем сердце к молодым виргинцам?

К знаменитой или печально известной герцогине были применены жесткие меры, которые она отчасти заслужила; но некоторые истории, рассказанные о ней, определенно неправдивы, и одно обстоятельство в ее жизни, если оно правдиво, во многом смягчает ее озорство. К сожалению, почти все, что мы знаем о ней, взято из недружественных источников. Единственным действительно беспристрастным источником информации является "Судебный процесс", опубликованный орденом Пэров, но он охватывает только одну часть ее жизни и один набор инцидентов.

Элизабет Чадли была дочерью полковника Томаса Чадли из Челси и его жены Генриетты, которая приходилась ему двоюродной сестрой, четвертой дочерью Хью Чадли из Чалмингтона в Дорсете. Томас был единственным братом сэра Джорджа Чадли, четвертого баронета Эштона в Девоне. Поскольку у сэра Джорджа остались только дочери, Томас, брат Элизабет, крещение которой в 1718 году зарегистрировано в регистрационных книгах Челси, стал пятым баронетом в 1738 году. К сожалению, в реестрах Челси нет данных о крещении Элизабет, и мы не можем указать ее точный возраст, в котором есть некоторая разница. Ее отец занимал должность в колледже Челси, но, по-видимому, она родилась не там. Однако не может быть никаких сомнений в том, что впервые она увидела свет в 1726 году, а не в 1720-м, как обычно утверждается.

Ее семья была одной из самых древних в графстве Девон и была связана браком с первыми семьями запада Англии. Старое поместье Эштон находится в приятной местности Кумби под хребтом Халдон; сохранились некоторые остатки старого особняка и почтенные деревья парка; а в живописной приходской церкви, примостившейся на скале в долине, находится множество семейных памятников и геральдических гербов - львов Чадли, гулей на горностаевом поле. Элизабет очень рано потеряла отца, и вдова осталась на скромную пенсию, чтобы содержать и улучшать перспективы своих двоих детей. Несмотря на ограниченное состояние, миссис У Чадли были хорошие связи, и она воспользовалась ими, чтобы проложить себе дорогу в мире. В возрасте шестнадцати лет, то есть в 1743 году, Элизабет была назначена фрейлиной принцессы Уэльской благодаря благосклонности мистера Поултни, впоследствии графа Бата, который однажды встретил ее на охоте. Старый кавалер был очарован живостью, умом и красотой девушки. Тогда она была замечательна не только своей красотой, нежным цветом лица и сверкающими глазами, но и блеском своего остроумия и живостью юмора. Даже ее соперница, маркиза де ла Туш, о которой подробнее позже, свидетельствует о ее очаровании. Поултни, сам остроумный, едкий и общительный человек, был в восторге от сообразительности прелестной девушки и развлекался тем, что вытягивал ее из себя. Спустя годы, когда ее спросили, в чем

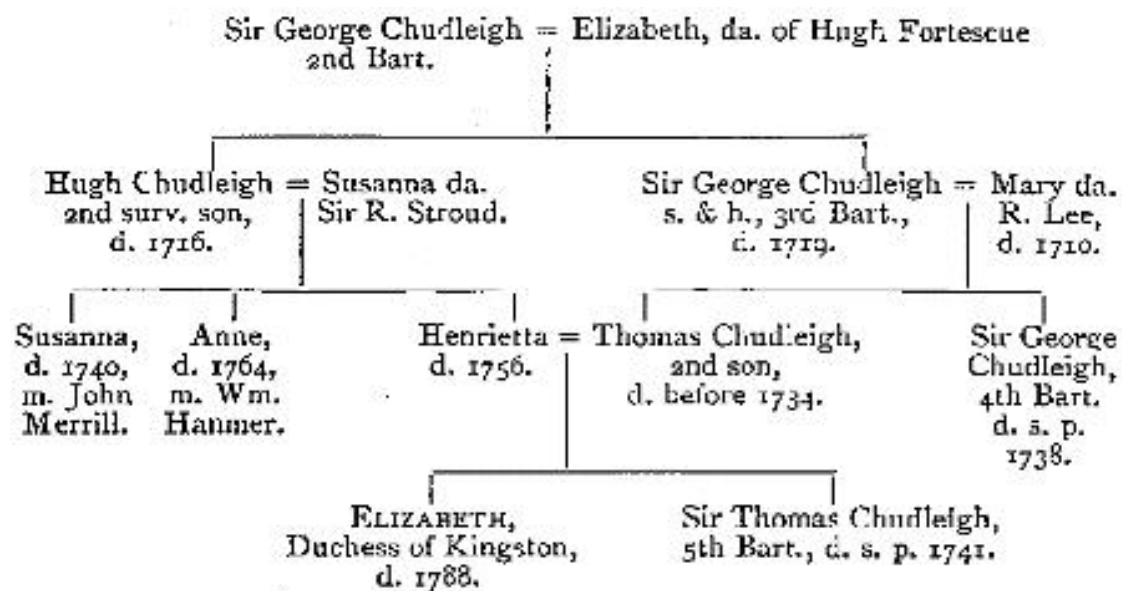
секрет ее искрометного остроумия, она ответила: "Я всегда стремлюсь быть краткой, ясной и удивительной".

Принцесса Уэльская Августа, дочь Фридриха Саксен-Готского, которая вместе с принцем Фредериком Льюисом проживала при дворе в Лестер-Хаусе, очень привязалась к своей юной фрейлине. Прекрасную мисс Чадли быстро окружили поклонники, среди которых был Джеймс, шестой герцог Гамильтон, родившийся в 1724 году и, следовательно, на два года старше ее.

Согласно "Достоверным деталям", герцог получил от нее торжественное обещание, что по возвращении из турне по Континенту, которое он собирался совершить, она станет его женой. Затем он удалился, договорившись о взаимной переписке.

Летом 1744 года она отправилась в гости в Лейнстон, недалеко от Винчестера, к своей тете по материнской линии, Энн Хенмер, которая тогда жила в доме мистера Меррилла, сына другой тети, Сюзанны, которая умерла.

Чтобы понять взаимоотношения сторон, достаточно взглянуть на следующую родословную.[\[4\]](#)

Миссис Хенмер, вдова, вела хозяйство для своего племянника, который был сквайром. На скачках в Винчестере, на которые она отправилась с компанией, Элизабет познакомилась с лейтенантом Херви, вторым сыном покойного Джона, лорда Херви, и внуком графа Бристольского. Лейтенант Херви, служивший на "Корнуолле", стоявшем тогда в Портсмуте, судне эскадры сэра Джона Дэнвера, родился в 1724 году и, следовательно, был на два года старше Элизабет; действительно, в то время ему было всего двадцать. Он был очарован красивой девушкой, и миссис Хенмер пригласила его в Лейнстон. "К этому джентльмену, - говорится в "Достоверных подробностях", - миссис Хенмер была настолько равнодушна, что разделяла его взгляды на свою племянницу и приложила все усилия, чтобы установить, по возможности, супружеские отношения. Существовали две трудности, которые были бы непреодолимыми, если бы им не противостоял плодовитый женский гений: мисс Чадли недолго любила капитана Херви и была помолвлена с герцогом Гамильтоном. В довершение

всего миссис Хенмер перехватила письма его светлости, и его предполагаемое молчание оскорбило ее племянницу, она так успешно воздействовала на ее гордость, что заставила ее отказаться от всех мыслей о возлюбленном, страсть к которому она лелеяла с наслаждением".

Правдива ли эта история? Кажется невероятным, что миссис Хенмер убедила свою племянницу отказаться от такой великолепной перспективы семейного продвижения, какую открывал брак с герцогом Гамильтоном, ради бедного молодого моряка, у которого не было средств содержать свою жену и который в то время не имел ни малейшей надежды унаследовать графство Бристоль.

Можно надеяться, что история о помолвке с герцогом Гамильтоном, расторгнутой интригами тетушки, правдива, поскольку она служит некоторым оправданием последующему поведению Элизабет Чадли.

Более вероятно, что герцог Гамильтон ничего не говорил Елизавете и не писал ей, во всяком случае, позже. Возможно, она испытывала к нему симпатию, но, не получив никаких знаков того, что эта симпатия была взаимной, она позволила своей тете обручиться и выдать ее замуж за молодого Херви. То, что бедная девушка не испытывала симпатии к молодому человеку, совершенно очевидно. Генеральный прокурор на судебном процессе заявил, что миссис Хенмер настаивала на этом браке, "поскольку он был выгоден ее племяннице"; но выгодным он, безусловно, не был и не давал никаких перспектив стать.

В августе Огастес Джон Херви получил отпуск со своего корабля и прибыл в Лейнстон. Дом, принадлежавший Доули, перешел во владение Мерриллов. На территории стоит приходская церковь, но поскольку единственным домом в приходе является особняк, он стал рассматриваться как частная часовня поместья. Гостиная перешла к Спарсхолту. К дому не был прикреплен приходской дом, и хотя Доули крестили своих детей в Лейнстоне, они были зарегистрированы в книге Спарсхолта. Сейчас церковь представляет собой увитые плющом руины, а особняк значительно уменьшился в размерах по сравнению с тем, каким он был в то время, когда принадлежал Мерриллам.

"Лейнстон - небольшой приход, стоимость проживания в нем составляет 15 фунтов стерлингов в год; у мистера Меррилла в нем единственный дом, а приходская церковь находится в конце его сада. 4 августа 1744 года мистеру Эмису, тогдашнему настоятелю, было назначено находиться в церкви одному поздно вечером. В одиннадцать часов мистер Херви и мисс Чадли вышли, как бы погулять в саду, за ними последовали миссис Хенмер, ее служанка Энн Крэддок, мистер Меррилл, и мистер Маунтни, последний из которых нес свечу, чтобы прочесть службу. Они нашли мистера Эмиса в церкви, согласно назначению, и там была отслужена служба, мистер Маунтни держал свечу в шляпе. Когда церемония была совершена, горничную миссис Хенмер отправили проследить, чтобы все было чисто, и они вернулись в дом, никем из слуг замеченные." Это отчет о свадьбе, представленный на суде генеральным прокурором на основе показаний Энн Крэддок, на тот момент единственной выжившей свидетельницы.

Подписания реестров не было, мистеру Эмису оставалось сделать соответствующую запись в книге учета Спаршолтов - и он забыл это сделать. Счастье молодоженов длилось всего несколько дней — два, в крайнем случае, три; а затем лейтенант Херви отбыл, чтобы вернуться на свое судно, и в ноябре отплыл в Вест-Индию. В "Достоверных подробностях" говорится, что

сразу после женитьбы между молодыми людьми вспыхнула жестокая ссора, и что Элизабет заявила о своем отвращении и поклялась никогда больше не общаться с ним.

Этот брак был настолько невыгоден ей в настоящее время, что Елизавета не смогла объявить о нем и тем самым лишиться своего положения фрейлины принцессы с его оплатой и привилегиями. Поэтому, по совету своей тети, она скрывала это.

"Мисс Чадли, ныне миссис Херви, — внешне горничная, переодетая жена, — казалась тем, кто судит только по внешности, в завидном положении. В высших кругах она была центром притяжения, в веселой жизни - бодрящим духом. Ее царственная госпожа не только улыбалась, но и фактически одобряла ее. Несколько дружеских связей, которые она укрепила, и побед, которых она добилась в таком изобилии, что, подобно цезарю в триумфе, за ней по пятам следовала вереница пленников. Ее муж, на время успокоившийся, стал буйствовать по мере того, как она все больше становилась объектом восхищения. Он чувствовал свое право и был полон решимости отстаивать его. Она пыталась письмом склонить его к миру, но ее усилия не увенчались успехом. Он потребовал личной беседы, и, подкрепив свои требования угрозами разоблачения в случае отказа, она подчинилась под принуждением".

Герцог Гамильтон вернулся из большого турне и сразу же обратился к Елизавете, чтобы узнать, почему на его письма не было ответа. Затем обман, который был совершен над ней, был раскрыт, и герцог положил свою корону к ее ногам. Она не смогла принять предложение, а также объяснить причины своего отказа. Гнев из-за того, что ее обманули, разочарование из-за потери клубничных листьев ожесточили Элизабет и подавили в ней ростки добрых принципов.

Это общепринятая история. Это история, рассказанная автором или соавторшей "Достоверных подробностей", обычно хорошо информированных. Но, как мы видели, вряд ли возможно предположить, что миссис Хенмер могла скрыть письма герцога. Без сомнения, она была душой, а женщина, когда она дура, отличается ненормальной глупостью, и все же она никогда не забывает о своих собственных интересах; и в интересах миссис Хенмер не было портить отношения своей племянницы с герцогом.

После того, как герцогу Гамильтону было отказано и его визиты в ее дом на Кондуит-стрит были запрещены, герцог Анкастер, лорд Хоу и другие дворяне сделали предложения, и их постигла участь, подобная участи его светлости Гамильтона. Это поразило светский мир, и миссис Чадли, ее мать, которая была незнакома с частным браком своей дочери, горячо осудила ее безрассудство.^[5] Чтобы избавиться от своих затруднений, Элизабет решила путешествовать. Она отправилась на Континент и посетила Дрезден, где стала близкой подругой курфюрстины Саксонии.

По возвращении в Англию она подверглась раздражению со стороны своего мужа. Она не могла простить ему обмана, которому подвергли ее, хотя он, вероятно, был невиновен в попустительстве этому.

Капитан Херви, подобно встревоженному духу, вечно пересекал тропинку, протоптанную его женой. Была ли она в комнатах в Бате? он был уверен, что будет там. На рауте, ридотто или балу присутствовал этот жестокий разрушитель мира, отравлявший всякое удовольствие и губивший плоды счастья своим пагубным зловредным присутствием. В доказательство своей склонности раздражать, он пригрозил своей жене, намекнув, что расскажет о браке принцессе Уэльской. В этом мисс Чадли опередила его, став первой, кто рассказал об этом обстоятельстве. Ее

царственная госпожа услышала и пожалела ее. Она продолжала свое покровительство до самого смертного часа".

В 1749 году Елизавета посетила бал-маскарад в платье, или, скорее, в раздетом виде, персонажа Ифигении. В письме миссис Монтегю своей сестре она пишет: "Платье мисс Чадли, или, скорее, раздевание, было замечательным, она была Ифигенией для жертвоприношения, но настолько обнаженной, что верховный жрец мог легко осмотреть внутренности жертвы. Фрейлины (не самые строгие из фрейлин) были так оскорблены, что не захотели с ней разговаривать". Гораций Уолпол говорит: "Мисс Чадли была Ифигенией, но такой обнаженной, что вы бы приняли ее за Андромеду". Тогда впервые было сделано остроумное замечание о том, что она похожа на Еву тем, что "обнажена и не стыдится". 17 мая Уолпол пишет: "Я говорил вам, что у нас должен быть еще один маскарад; по приказу короля был устроен маскарад для мисс Чадли, подружки невесты, в которую наш милостивый монарх склонен верить, что влюблен, влюблен настолько сильно, что в одной из кабинок он подарил ей ободок для ее часов, который обошелся ему в тридцать пять гиней, фактически выплаченных из его личного кошелька, а не внесенных в гражданский реестр. Я надеюсь, что какой-нибудь будущий Холиншед или Спид расскажут потомкам, что тридцать пять гиней в те дни были огромной суммой".

В декабре 1750 года Георг II передал должность экономки в Виндзоре миссис Чадли, матери Елизаветы. Уолпол говорит: "Два дня назад галантный Орондейтс (король) подошел к мисс Чадли и сказал ей, что рад возможности подчиниться ее приказам, что он назначил ее мать экономкой в Виндзоре и надеется, что она не сочтет поцелуй слишком большой наградой — вопреки всем прецедентам он поцеловал ее в круг. Эти два года у него было страстное желание. Ее жизнь, которой уже тридцать лет, была немного исторической. Почему бы жизненному опыту и очаровательному личику с ее стороны и почти семидесяти годам с его стороны не создать титул?"

В 1760 году она устроила званый вечер в день рождения принца, который описывает Гораций Уолпол: "Бедняжка, - пишет он, - боюсь, она выбросила на ветер больше четверти зарплаты!"

Герцог Кингстон увидел Елизавету и был очарован ею. Эвелин Пирпойнт, герцог Кингстон, маркиз Дорчестер, граф Кингстон и виконт Ньюарк, родилась в 1711 году. Гораций Уолпол говорит о нем, что он был "очень слабым человеком, величайшей красотой и прекраснейшей личностью в Англии".

Он был в Париже вместе с лордом Скарборо, взяв с собой целую лошадь в подарок герцогу Бурбонскому, и не мог сделать этого без специального разрешения парламента. Герцог Бурбонский в ответ на комплимент предоставил в распоряжение гостя свой дворец в Париже и замок Шантийи.

Герцог был красив, молод, богат и не женат. Молодые леди французского двора оказали ему сильное сопротивление, но из всех женщин, которых он там встречал, ни одна не привлекла его внимания и не покорила его сердце, кроме маркизы де ла Туш, дамы, которая была замужем уже десять лет и была матерью троих детей. В конце концов он убедил ее сбежать с ним в Англию, где, однако, охладел к ней, а когда попал под обаяние Элизабет Чадли, уволил ее. Маркиза вернулась во Францию и помирилась со своим мужем; там в 1786 году она опубликовала свою версию этой истории и рассказала историю своей соперницы, которую, естественно, рисует в самых черных красках.

Далее следует инцидент, который изложен в английских отчетах о жизни Элизабет Чадли, но о котором нет упоминания на судебном процессе и который является более чем сомнительной правдой.

Она пришла в отчаяние, решив во что бы то ни стало разорвать жалкие узы, связывавшие ее с капитаном Херви. Она внезапно нагрянула в Лейнстон — так гласит история — посетила дом священника и, пока мистер Эймис беседовал с одним из ее слуг, вырвала листок из регистрационной книги, в котором была запись о ее браке.

Эта история не может быть правдой. Как уже говорилось, у Лейнстона нет дома священника и никогда не было. Лейнстон находится рядом со Спарсхолтом, в полумиле от него. Но мистер Эймис никогда не держал Спарсхолт, но некоторое время исполнял там обязанности викария в 1756 и 1757 годах. У Лейнстона не было оригинальной регистрационной книги. Вероятно, Элизабет пыталась убедить себя, что по неосторожности ее брак не был зарегистрирован в приходской книге Спарсхолта.

В 1751 году умер Джон, граф Бристольский, и ему наследовал его внук Джордж Уильям, который не был женат. У него было слабое здоровье; одно время он был серьезно болен, и считалось, что он умрет. В этом случае Август Джон, муж Элизабет, унаследует графство Бристоль. Теперь она поняла, что в ее интересах заключить свой брак. Соответственно, она нашла средства для этого.

Она сразу же отправилась в Винчестер и послала за женой мистера Эймиса, который женился на ней. Она сказала миссис Эймис, что хочет, чтобы была составлена регистрация ее брака. мистер Эймис тогда лежал на смертном одре, но, тем не менее, она отправилась в дом священника, чтобы получить от него то, что хотела. О том, что за этим последовало, будет рассказано со слов миссис Эймис на суде.

"Я подошел к мистеру Эймису и передал ему ее просьбу. Затем мистер Меррилл и леди посоветовались, за кем послать, и они попросили меня послать за мистером Спирингом, адвокатом. Я действительно послал за ним, и пока посыльный отсутствовал, леди спряталась в чулане; она сказала, что ее не волнует, что мистер Спиринг узнает о ее присутствии. Когда мистер Спиринг пришел, мистер Меррилл достал лист гербовой бумаги, который он принес, чтобы сделать на нем запись. Мистер Спиринг сказал, что это никуда не годится; это должна быть книга, и что леди, должно быть, участвовала в ее составлении. Затем я подошел к шкафу и сказал леди. Затем леди пришла к мистеру Спирингу, и мистер Спиринг сказал леди, что лист гербовой бумаги не подойдет, это должна быть книга. Затем леди пожелала, чтобы мистер Спиринг пошел и купил один. мистер Спиринг пошел и купил один, и когда его принесли, была составлена регистрация. Затем мистер Эймис передал его леди; леди поблагодарила его и сказала, что, возможно, это будет стоить ей сто тысяч фунтов стерлингов. Прежде чем мистер Меррилл и леди покинули мой дом, леди опечатала реестр и отдала его мне, пожелав, чтобы я хранил его до смерти мистера Эймиса, а затем передал мистеру Мерриллу".

Таким образом, были сделаны следующие записи:

"2 августа похоронена миссис Сюзанна Меррилл, родственница Джона Меррилла, эсквайр.

4 августа 1744 года достопочтенный Огастес Херви, эсквайр, обвенчался в приходской церкви Лейнстона с мисс Элизабет Чадли, дочерью полковника. Томас Чадли, выпускник колледжа Челси, автор я, Тов. Amis."

К сожалению, эта регистрационная книга была доставлена в Вестминстер на суд над герцогиней и так и не была возвращена. Тогдашний настоятель и покровитель живущих подал прошение Элброу Вудкоку, адвокату в судебном процессе, о возвращении книги, но тщетно; и в декабре 1777 года для прихода была приобретена новая регистрационная книга.

Граф выздоровел и умер только несколько лет спустя, в 1775 году, когда Август Джон унаследовал графский титул.

В 1751 году умер принц Уэльский, и это потребовало реорганизации домашнего хозяйства принцессы. Элизабет была вновь назначена подружкой невесты, по-прежнему под своей девичьей фамилией. Вскоре после этого, то есть в 1752 году, герцог Гамильтон женился на прекрасной мисс Ганнинг.

В 1760 году король умер. "Чарльзу Таунсенду, получившему отчет о впечатлении, произведенном смертью короля, - пишет Уолпол, - сказали, что мисс Чадли плакала. "Что, - спросил он, - устрицы?" "Возраст не спасет, - пишет он в 1767 году, - как это делает мисс Чадли, втыкая розы и душистый горошек в волосы".

Еще до этого, в 1765 году, когда привязанность герцога Кингстонского к ней, казалось, пошла на убыль, Елизавета, которая не только старела, но и толстела, отправилась в Карлсбад, чтобы попить воды. "Она не больше, чем вы, стремилась к Карлсбадским водам", - писал лорд Честерфилд. "Это для того, чтобы показать герцогу Кингстонскому, что он не может жить без нее? Опасный эксперимент, который, возможно, убедит его в том, что он может. Без сомнения, в этом есть какой-то трюк, но какой именно, я не знаю и не интересуюсь. - Красавица или, по крайней мере, толстая мисс Чадли все еще с тобой? Следует признать, что она владеет придворным искусством, раз ее так принимают в Дрездене и так потворствуют ей на Лестер-Филдс.

Наконец узы брака, в котором ему никогда не разрешалось даже разговаривать со своей женой, стали невыносимыми для капитана Херви; и между ними были проведены некоторые переговоры, в результате которых было решено, что она должна подать иск в суд Консistorии епископа Лондонского о расторжении брака, а он не должен представлять доказательств, подтверждающих это. Дело было рассмотрено в Михайловский семестр 1768 года и по форме представляло собой судебное разбирательство по задержанию достопочтенного. Огастес Джон Херви, утверждающий, что Элизабет Чадли была его женой: "к большой опасности для здоровья его души, к немалому ущербу для упомянутого достопочтенного. Элизабет Чадли и пагубный пример для других".

Против нее был подан встречный иск капитана Херви, в котором он утверждал, что в 1743 или 1744 году, будучи тогда несовершеннолетним в возрасте семнадцати или восемнадцати лет, он женился на Элизабет Чадли, а она на нем; и что они были обвенчаны в доме мистера Меррилла 9 августа 1744 года в одиннадцать часов вечера преподобным Томасом Эмисом, ныне покойным, и в присутствии миссис Хенмер и мистера Маунтенея, также покойных.

Как будет видно, встречная клевета была составлена неправильно. Бракосочетание состоялось не в доме, а в церкви; мистеру Херви было двадцать лет, а не семнадцать или восемнадцать; и Энн Крэддок, единственная оставшаяся в живых свидетельница церемонии, не упоминалась. Регистрация брака не была представлена,^[6] и не было предпринято никаких серьезных попыток установить это. Соответственно, 10 февраля 1769 года был вынесен приговор, объявляющий брачную форму, оформленную в 1744 году, недействительной, и запрещающий мистеру Херви заявлять о своих притязаниях на звание мужа мисс Элизабет Чадли, и приговаривающий его к возмещению издержек в размере ста фунтов стерлингов.

Как заявила генеральный прокурор на ее последующем судебном процессе, "я полагаю, что более грубая выдумка, чем этот иск, никогда не была сфабрикована".

8 марта 1769 года герцог Кингстон женился на Элизабет Чадли по специальному разрешению архиепископа, священником, который это сделал, был преподобный Сэмюэл Харпер из Британского музея и церкви Святой Маргариты в Вестминстере. По этому случаю принц и принцесса Уэльские надели сувениры.

При жизни герцога не было предпринято ни одной попытки оспорить законность брака. Ни у него, ни у Элизабет не было ни малейших сомнений в том, что предыдущий брак был расторгнут юридически. Без сомнения, дело было в том, что капитан Херви не предпринимал никаких реальных попыток доказать свой брак, он был так же нетерпелив к этой связи, как и она. Вряд ли можно сомневаться в том, что приговор Церковного суда был справедливым. Капитан Херви в то время был несовершеннолетним, и бедняжку обманом вынудила выйти за него замуж ее несчастная тетя. Женщина, которая была ее естественной опекуной в отсутствие матери, воспользовалась ею — всего лишь девочкой. Такой брак был бы немедленно аннулирован в Суде Римской церкви; он был бы аннулирован в современном английском суде по бракоразводным процессам.

Состояние герцога не было наследственным; следовательно, у его светлости была возможность завещать его так, как ему казалось наилучшим. Его ближайшими родственниками были его племянники, Эвелин и Чарльз Медоуз, сыновья леди Фрэнсис Пьерпонт; Чарльз в 1806 году получил титул графа Мэннерса; ранее он сменил имя на Пьерпонт, а в 1796 году получил титул барона Пьерпонта и виконта Ньюарка.

Герцог был и оставался тепло привязан к герцогине. Она сделала его счастливым. Она много разговаривала, ее мозг был забит сплетнями, и, хотя она была старой, состарилась изящно и приятно. Ее злейший враг — старый слуга и доверенное лицо, предоставившее материалы для "Подлинных подробностей", - говорит: "Они были противоположно одарены и расположены друг к другу, часто не ладили, но она сильно влияла на его разум".

23 сентября 1773 года герцог умер. Герцогиня предвидела его смерть. Он уже составил свое завещание, завещав ей весь доход от своих поместий при ее жизни, при условии, что она останется вдовой. Это совсем не понравилось герцогине, и как только она увидела, что ее муж умирает, она послала за адвокатом, мистером Филдом, чтобы составить новое завещание, опустив неприятную оговорку: ей осталось всего два года до пятидесяти, и она может снова выйти замуж. Когда мистера Филда представили герцогу, он увидел, что умирающий был не в том психическом состоянии, чтобы исполнять завещание, и отказался иметь какое-либо отношение к попытке вымогательства у него подписи. Герцогиня была очень разгневана, но

отказ мистера Филда был для нее большой удачей, поскольку, если бы предложенное завещание было исполнено, оно, несомненно, было бы отменено.

Как только герцог умер, вдовствующая герцогиня решила наслаждаться жизнью. Она приказала построить прогулочную яхту, назначила командовать ею офицера, служившего на флоте, обставила ее со всей роскошью, отплыла в Италию и посетила Рим, где папа и кардиналы приняли ее с большой любезностью. Действительно, ей уступили один из дворцов кардиналов в качестве резиденции. Пока она развлекалась в Италии, в Англии произошло нечто, чему суждено было существенно испортить ее счастье. Энн Крэддок была все еще жива, единственный оставшийся в живых свидетель ее брака. Она находилась в тяжелых обстоятельствах и обратилась к мистеру Филду за денежной помощью. Он отказался, но герцогиня прислала предложить ей двадцать гиней в год. На это Энн Крэддок ответила отказом и намекнула мистеру Эвелину Мидоузу, что у нее есть важная информация, которую она может разгласить.

Когда мистер Мидоуз услышал, что сказала Энн Крэддок, он привел в действие судебный механизм, чтобы добиться судебного преследования герцогини в надежде обвинить ее в двоеженстве, а затем в нарушении завещания покойного герцога в ее пользу. Против нее был выдвинут обвинительный акт за двоеженство; законопроект был найден, мистер Филд был уведомлен о процедуре, и герцогине посоветовали немедленно вернуться в Англию и предстать перед обвинительным актом, чтобы предотвратить объявление вне закона.

В это время, то есть в 1775 году, граф Бристоль умер, не оставив потомства, и титул унаследовал Огастес Джон, ее первый муж.

Опасения герцогини не ограничивались вероятным исходом судебного процесса. Сэмюэл Фут, комик, подло воспользовался ее положением, чтобы попытаться вымогать у нее деньги. Он написал фарс под названием "Поездка в Кале", в котором представил ее светлость подпрозвищем леди Китти Крокодайл и наполнил пьесу подробностями, относящимися к личной истории герцогини, которые он получил от мисс Пенроуз, молодой леди, которая много лет была при ней. Когда пьеса была закончена, он ухитрился сообщить ее светлости, что театр "Хеймаркет" откроется представлением, в котором она была выставлена на посмешище. Она встревожилась и послала за Футом. Он явился с запиской в кармане. Она попросила его прочитать часть из нее. Он повиновался; и не успел он дочитать до конца, как она уже не могла сдерживаться и, вскочив в ярости, воскликнула: "Это возмутительно, мистер Фут! Ах, в какое негодяйство вы меня превратили! Пройдясь несколько раз по комнате, она собралась с духом, чтобы спросить, на каких условиях он откажется от спектакля. Фут имел наглость потребовать две тысячи фунтов. Она предложила ему четырнадцать, затем тысячу шестьсот фунтов; но он, ухватившись за слишком многое, потерял все. Она проконсультировалась с герцогом Ньюкаслским, и лорд-камергер был проинформирован об обстоятельствах, и потребовалось его вмешательство. Он послал за рукописным экземпляром "Поездки в Кале", внимательно прочитал и осудил его. В случае публикации она пригрозила Футу судебным преследованием за клевету. Общественное мнение было на стороне герцогини, и доктор Шомберг выразил свое мнение только тогда, когда сказал, что "Фут заслуживал того, чтобы его проткнули насквозь за такую попытку. Это было более подло, чем поведение разбойника с большой дороги".

17 апреля 1776 года в Вестминстер-холле состоялся суд над герцогиней и продолжался пять дней. Основным предметом спора было признание или непризнание приговора Духовного суда по иску о расторжении брака в обвинительном заключении по многоженству. Поскольку судьи приняли решение не принимать такой приговор в качестве доказательства, факт двух браков был наиболее четко доказан, и, конечно же, последовал обвинительный приговор. Герцогиню судили пэры, сто девятнадцать из которых заседали и вынесли ей приговор, все объявили ее "Виновной, клянусь моей честью", за исключением герцога Ньюкасла, который признал ее "Виновной ошибочно, но не намеренно, клянусь моей честью".

Как только герцогиня увидела, что ее дело проиграно, она решила бежать из Англии. Наказанием за двоеженство была смертная казнь, но она могла избежать этого приговора, сославшись на преимущества статута 3 и 4 Уильяма и Марии, которые оставляли ее в состоянии быть сожженной на руке или заключенной в тюрьму; но она потребовала получения звания пэра, и лорд-главный барон, посоветовавшись с остальными судьями, вынес единодушное мнение, что ее следует "немедленно уволить". Однако ее прокуроры подготовили судебный приказ "ne exeat regno", чтобы добиться ее ареста и лишения ее личного имущества. Чтобы избежать этого, она бежала в Дувр, где ее ждала яхта, и переправилась в Кале, одновременно развлекая публику и своих обвинителей, раздавая приглашения на обед в Кингстон-Хаус и заставляя свой экипаж появляться в самых фешенебельных кварталах города. Мистер Мидоуз добился своего первого пункта; она больше не могла называть себя вдовствующей герцогиней Кингстон в Англии, но она была восстановлена в правах жены Огастеса Джона Херви и, следовательно, теперь была графиней Бристольской. Затем мистер Мидоуз предпринял атаку на волю покойного герцога, но в этой попытке потерпел полную неудачу. Завещание было подтверждено, и Елизавета, графиня Бристольская, была признана законно обладательницей пожизненной доли в имуществе герцога до тех пор, пока она оставалась незамужней. Мистер Мидоуз был полностью разорен, и его единственной выгодой было сохранить несчастную женщину в изгнании из Англии.

За границей графиню по-прежнему принимали как герцогиню Кингстон. Она жила со значительным состоянием и посетила Италию, Россию и Францию. Ее визит в Санкт-Петербург был великолепным, и, чтобы обеспечить благосклонный прием императрице Екатерине, она послала ей в подарок несколько ценных картин старых мастеров из Кингстон-Хауса. В России она приобрела поместье недалеко от столицы, которому дала название Чадли и которое обошлось ей в 25 000 *фунтов стерлингов*.^[7] Императрица также подарила ей поместье на Неве. У нее был корвет, построенный из красного дерева, который должен был стать подарком императрице, но судно выбросило на мель у берегов Ингерманландии. Восемь из ее пушек сейчас находятся в Чадли, это почти единственное, что там напоминает о герцогине. Она устраивала великолепные приемы; на одном из них, на которое была приглашена императрица, присутствовали сто сорок ее собственных слуг в черных кингстонских ливреях с красными и серебряными вставками.

По возвращении из России она купила поместье на Монмартре, которое обошлось ей в 9000 *фунтов стерлингов*, и еще одно, принадлежавшее одному из французских принцев королевской крови, в Сент-Ассизе, которое обошлось ей в 55 000 *фунтов стерлингов*. Замок был настолько велик, что в нем можно было разместить триста кроватей.

Она была уже в годах, но не утратила своей энергии, бодрости и эгоизма. История гласит, что однажды в Риме ее пригласили посетить несколько знаменитых гробниц. She replied with a touch of real feeling: "Ce n'est pas la peine de chercher des tombeaux, on en porte assez dans son cœur."

Отчет о ее смерти должен быть передан словами автора "Достоверных подробностей".

"Она была за обедом, когда ее слуги получили известие о вынесенном ей приговоре в отношении дома под Парижем. Она впала в неистовую страсть, и в волнении своего ума и тела у нее лопнул внутренний кровеносный сосуд. Даже с этим она, казалось, справилась, пока несколько дней спустя, утром 26 августа (1788 г.), когда она собиралась встать с постели, служанка, которая долгое время находилась при ней, не попыталась ее отговорить. Герцогиня обратилась к ней так: "Мне не очень хорошо, но *явстану*. На свой страх и риск послушайся меня; я встану и пройду по комнате. Позвоните секретарю, чтобы он помог мне." Ей повиновались, она оделась, и секретарь вошла в комнату. Затем герцогиня прошлась по комнате, пожаловалась на жажду и сказала: "Я могла бы выпить бокал моей прекрасной мадеры и съесть ломтик поджаренного хлеба; после этого я совсем поправлюсь; но пусть это будет большой бокал вина". Служанка неохотно принесла вино, и герцогиня выпила его. Затем она сказала: "Я знала, что мадера пойдет мне на пользу. У меня странное чувство на сердце; я выпью еще бокал". Затем она немного прошлась по комнате, а потом сказала: "Я лягу на кушетку". Она сидела на диване, держа по женщине за каждую руку. В этой ситуации она, по-видимому, вскоре погрузилась в глубокий сон, пока женщины не обнаружили, что ее руки похолодели больше обычного; были вызваны другие слуги, и было обнаружено, что герцогиня скончалась, когда усталый работник погрузился в объятия отдыха".

Был ли это приступ последней злобы или искреннего сожаления, заставивший старую леди в дополнении к своему завещанию от 10 мая 1787 года оставить жемчужные серьги и ожерелье маркизе де ла Туш? Было ли это знаком того, что она простила ей жестокую книгу "Приключения влюбленных, Элизабет Чадли", которую она написала или заставила написать за очернение ее соперницы и обеление себя? Будем надеяться, что это было так. Оговорка в завещании герцога спасла ее от самой себя; если бы не это, она вышла бы замуж за авантюриста, называвшего себя шевалье де Ворта, человека, который приобрел на нее большое влияние и в конце концов погиб от своей руки.

Характер и карьера Элизабет Чадли никогда не были описаны друзьями; ее враги, те, кто завидовал ее увлечениям, злился на ее успех, был недоволен тем, что их недостаточно учли в ее завещании, поделились с нами своими впечатлениями о ней, излили все зло, которое они знали и воображали о ней. Ее почти не использовали. Единственным абсолютно надежным источником для ее истории является отчет о судебном процессе над ней, и он охватывает только одну часть ее истории. "Подлинная деталь", опубликованная Г. Кирсли в Лондоне в 1788 году, анонимна. Она довольно достоверна, но окрашена враждебностью. The book "Les Aventures trop Amoureuses, ou, Elizabeth Chudleigh, ex-duchesse douairière de Kingston, aujourd'hui Comtesse de Bristol, et la Marquise de la Touche. Londres, aux depens des Interesseez, 1776" был написан для оправдания мадам де ла Туш и со всем ядом поверженной соперницы.

An utterly worthless book, "Histoire de la vie et des Aventures de la Duchesse de Kingston, a Londres, et se trouve à Paris, Chez Quillot, 1789," is fiction. Он претендует на то, что основан на семейных документах. В начале приводится фрагмент дневника полковника Томаса Чадли, в котором, среди прочих невероятностей, он сообщает, что снизил арендную плату арендаторам в своих поместьях на двадцать процентов. потому что год был плохим. Так получилось, что полковник Дж. Томас Чадли не владел ни акром земли, ни арендатором.

В 1813 году появились "Герцогиня де Кингстон, мемуары господина Фаволя" в двух томах; они основаны исключительно на предыдущих с богатыми дополнениями, созданными воображением автора. Ни одному утверждению в нем нельзя доверять.

Некоторую скудную достоверную информацию можно найти в "Мемуарах баронессы Оберкирхской", Париж, 1853.

СНОСКИ:

[4] В Кол. В "Посещениях графства Девон" Вивиан родословная не столь полна. Он не знал, кто жена этого человека. Чудли был там, и он не видел завещания герцогини.

[5] Миссис Чадли умерла в 1756 году, и в ее завещании упоминается ее дочь под девичьей фамилией.

[6] Мистер Джон Меррилл умер в феврале 1767 года, и в нем были указаны его похороны. мистер Батерст, женившийся на его дочери, нашел в холле регистрационную книгу и передал ее ректору мистеру Кинчину. Тем не менее, оно не было представлено на слушании дела для рассмотрения в Суде Консисории.

[7] Это место до сих пор носит это название. Он находится на главной дороге через Лифляндию и Эстонию в Санкт-Петербург; примерно в двадцати милях от Нарвы. Он также известен под названием Фокенхоф. Нынешний особняк более современный и принадлежит семье Фон Вилькен.

Генерал Молоток.

По возвращении Наполеона в Париж из Москвы он был подавлен новостями, которые обеспокоили его больше, чем потеря его легионов. Дошедшие до него новости касались, возможно, самого экстраординарного заговора, который когда-либо был придуман и который был близок к полному успеху. Именно известие об этом заговоре побудило его дезертировать из армии в снегах России и поспешить в Париж. Мысли об этом заговоре, расстроенном несчастным случаем, как говорит Элисон, "постоянно занимали его мысли во время его долгого и одинокого путешествия".

"Господа, - сказал Наполеон, когда ему зачитали отчет о заговоре, - мы не должны больше не верить в чудеса".

Клод Франсуа Малле принадлежал к знатной семье из Франш-Конте. Он родился 28 июня 1754 года в Доле и провел свои юные годы в армии, где командовал одним из первых батальонов Юра в начале революции. В мае 1793 года он был повышен до звания генерал-адъютанта, а в августе 1799 года произведен в бригадные генералы и командовал дивизией под командованием Шампийонне. Он был человеком восторженно республиканских взглядов и наблюдал за успехами Наполеона с неудовлетворенностью, смешанной с завистью. Не может быть никаких сомнений относительно того, каковы были его взгляды вначале; изменил ли он их впоследствии, не столь точно. Он был замкнутым, жестким и ожесточенным человеком, амбициозным и неугомонным. Зависть к Наполеону, ревность к его успеху, по-видимому, были главным мотивом в его сердце, который сделал из него заговорщика, а не подлинное отвращение к цезаризму.

Бонапарт знал его политические взгляды; и хотя он не боялся этого человека, он не доверял ему. Он был замешан в некоторых незаконных поборах в Чивита-Веккья, в Римских государствах, и вследствие этого был лишен командования и отправлен перед комиссией по расследованию в Париж в июле 1807 года; и, в силу их приговора, он был заключен под стражу на короткое время, а затем снова выпущен на свободу и восстановлен в должности. В 1808 году, когда разразилась война на полуострове, Малле участвовал в Дижоне в заговоре вместе с несколькими старыми анархистами с целью свержения императора, среди них бывший генерал Гийом, который предал заговор, и Малле был арестован и заключен в тюрьму Ла Форс. Наполеона не волновало, что заговоры против него и его трона станут достоянием гласности, и поэтому он удовлетворился задержанием только Маллета.

Находясь в тюрьме, генерал не отказался от своих планов, и ему не хватило благоразумия изложить их на бумаге. Это попало в руки правительства. Министр расценил эту схему как химерическую и неважную. Бумаги были показаны Наполеону, который, очевидно, счел план или этого человека действительно опасными и приказал заключить его под вечное заключение в тюрьму.

Время шло, и Маллет и его планы были забыты. Кто мог предположить, что одинокий пленник, без средств, без возможности вступить в союз, может угрожать безопасности Империи?

Затем началась русская кампания 1812 года. Маллет увидел то, чего не увидел Наполеон; неизбежный провал, который должен был его сопровождать; и он немедленно возобновил свои попытки организовать заговор против императора.

Но тюрьма Ла Форс была плохой штаб-квартирой для работы. Он притворился больным, и его перевезли в больницу доктора Бельомма, расположенную недалеко от Барьера дю Трон. В этом доме жили два брата Полиньяк, некий месье де Пуйвер и аббат Лафон, которые в 1814 году написали и опубликовали отчет о заговоре Малле. Эти люди были роялистами, а Маллет - республиканцем. Пока Наполеон мог быть свергнут, не имело значения, насколько расходились их взгляды относительно того, какая форма правления должна прийти на смену Империи.

Они вступили в дискуссию, и роялисты предположили, что им удалось убедить Маллета. Он, со своей стороны, довольствовался тем, что скрывал свои истинные взгляды и использовал этих людей в качестве своих агентов.

Братьям Полиньяк было не по себе, они боялись последствий и не доверяли человеку, который пытался втянуть их в свой заговор. Возможно, также, они сочли его план слишком смелым, чтобы добиться успеха. Соответственно, они ушли из больницы, чтобы быть вне его

достижимости. С другими все было не так. Чета Полиньяков была замешана в предприятии Жоржа и не желала снова ввязываться в это дело. Много ли еще участвовало в заговоре, мы не знаем, Лафон называет только четверых, и не похоже, чтобы г-н де Пюйвер принимал в нем очень активное участие.

Новый план Малле был идентичен старому, который у него отобрали и показали Наполеону. Наполеон признал его смелость и возможности и не презирал их. Ясно, что Маллета больше никто не боялся, иначе его никогда бы не перевели из тюрьмы в частную больницу, где он находился бы под очень слабым наблюдением.

В своей больнице Маллет составил следующий отчет о Заседании Сената, придуманный им самим:

"Sénat Conservateur

Заседание от 22 октября 1812 года.

"Заседание было открыто в 8 часов вечера под председательством сенатора Сийеса.

Поводом для проведения этого чрезвычайного заседания стало получение известия о смерти императора Наполеона под стенами Москвы 8 числа того же месяца.

"Сенат, после тщательного рассмотрения положения дел, вызванного этим событием, назначил Комиссию для рассмотрения опасности ситуации и принятия мер по поддержанию правительства и порядка. После получения отчета этой Комиссии Сенат издал следующие распоряжения.

"Поскольку императорское правительство не смогло удовлетворить чаяния французского народа и обеспечить мир, оно будет немедленно объявлено аннулированным.

"Что все такие офицеры, военные и гражданские, которые будут использовать свою власть во вред восстановлению Республики, будут объявлены вне закона.

"Чтобы было создано Временное правительство в составе 13 членов: —Моро, президент; Карно, вице-президент; генерал Ожеро, Бигоне, Дестют-Трейси, Флоран Гийо, Фрошо; Матье Монморанси, генерал Малле, Ноай, Трюге; Волни, Гарат.

"От этого Временного правительства требуется следить за внутренней и внешней безопасностью государства и вступать в переговоры с военными державами о восстановлении мира.

"Что конституция должна быть составлена и представлена Генеральной ассамблее французского королевства.

"Национальная гвардия должна быть восстановлена в прежнем виде.

"Чтобы была объявлена всеобщая амнистия за все политические преступления; чтобы всем эмигрантам, изгнанникам было разрешено вернуться.

"Чтобы свобода прессы была восстановлена.

"Чтобы командование армией Центра, состоящей из 50 000 человек и расквартированной близ Парижа, было передано генералу Лекому.

- Что генерал Маллет заменяет генерала Хулина на посту коменданта Парижа и в первой дивизии. У него будет право назначать офицеров генерального штаба, которые будут его окружать".

Было много других распоряжений, всего 19, но и их будет достаточно, чтобы указать на тенденцию документа. Оно было подписано Президентом и его секретарями.

Президент Сийес.

Секретари Ланжуине и Грегуар.

"Одобрено и сравнено с аналогичным документом, находящимся в моих собственных руках,

Подпись: Малле,
дивизионный генерал, командующий главными силами
Парижа и силами Первой дивизии".

Этот документ, предназначенный для показа войскам, офицерам и должностным лицам, был составлен по форме, настолько близкой к подлинной, а подписи и печати были настолько точно имитированы, что на первый взгляд документ вряд ли вызвал бы недоверие.

Более того, Маллет составил приказ на этот день и прокламацию, которая была напечатана многими тысячами экземпляров.

22 октября 1812 года, в 10 часов вечера, после того как Малле с большим хладнокровием поиграл в карты в госпитале, он совершил побег вместе с четырьмя другими, одним из которых был аббат Лафон, другим - капрал по имени Рато, которого он назначил своим адъютантом. У Маллета в кармане было всего двенадцать франков, и, вооруженный таким образом, он приступил к своему предприятию по низвержению императорского трона. Он сразу же отправился к испанскому монаху, с которым познакомился в тюрьме, и в его комнате нашел свой генеральский мундир, который накануне вечером принесла туда женщина. Мундиры и шпаги для его сообщников тоже были готовы. Но той ночью шел дождь — лил как из ведра, и улицы Парижа были залиты водой. Было замечено, что дождь в Париже оказывает очень отрезвляющее действие на политические волнения и действует даже лучше штыков, предотвращая нарушение общественного спокойствия.

Маллет и его сообщники не могли покинуть свое убежище до полуночи, а некоторые из них появились на месте встречи только в 6 часов утра. Бесспорно, это имело большое отношение к разгрому заговора.

Успех предприятия зависел от темноты, от внезапного замешательства в умах и паралича правительства в результате убийства некоторых министров. Около двух часов ночи Маллет появился в своей генеральской форме в сопровождении нескольких своих соратников, также одетых в форму, в казармах Попинкура и потребовал немедленной встречи с комендантом Сулье, назвавшись Ламотом. Сулье спал в постели. Ему тоже было нехорошо. Он очнулся ото сна, поспешно оделся и получил запечатанное письмо, которое вскрыл и прочел:

"Дивизионному генералу, главнокомандующему вооруженными силами в Париже и войсками Первой дивизии Сулье, командиру 10-й когорты".

"Генеральный штаб,
Вандомская площадь".

"23-го октября 1812 года, 10 часов утра

"Господин комендант, я отдал приказ генералу Ламоту с комиссаром полиции прибыть в ваши казармы и зачитать перед вами и вашей Когортой постановление сената, принятое в связи с получением известия о смерти императора и прекращении деятельности Имперского правительства. Упомянутый генерал сообщит вам Приказ на день, который вы с удовольствием передадите генералу бригады. От вас требуется взять войска под ружье со всей возможной поспешностью и тишиной. К рассвету офицеры, находящиеся в казармах, будут отправлены на Гревскую площадь, где будут ожидать свои роты, которые соберутся там после выполнения инструкций, которые предоставит генерал Ламот".

Затем последовал ряд распоряжений для войск, и все они были подписаны Маллетом.

Когда Сулье прочитал это письмо, Малле, выдававший себя за генерала Ламота, вручил ему уже приведенный документ, касающийся собрания Сената и его решений. Затем он отдал ему Приказ на этот День, на 23 и 24 октября.

Полковник Сулье, пробудившийся ото сна, нездоровый, сбитый с толку, ни на минуту не усомнился ни в посылном, ни в переданных ему документах. Он немедленно поспешил привести в исполнение полученные им приказы.

То же самое происходило в казармах Les Minimes и Picpus; при свете факелов были зачитаны постановление сената, Распорядок дня и Прокламация.

Везде одинаковый успех. У офицеров не было ни малейших сомнений относительно подлинности представленных им бумаг. Повсюду также были расклеены Объявления о смерти императора, прекращении существования Империи и создании Временного правительства.

В 6 часов утра Маллет, все еще исполняющий обязанности генерала Ламота, во главе отряда прошел маршем перед тюрьмой Ла Форс, и губернатору было приказано открыть ворота. Ему были зачитаны Постановление Сената и Распорядок дня, и от него потребовали немедленно освободить трех государственных заключенных, которых он содержал, генерала Гидала, Лахори и корсиканца Бокчехьямпе, вместе с некоторыми заключенными там офицерами. Он сделал, как требовалось, и Маллет разделил свои войска на четыре отряда, оставив один под своим личным командованием, а остальных отдав под командование Гидала, Лахори и Бокчехьямпе.

Гидаль и Лахори по его приказу отправились в министерство полиции, где арестовали Савари, герцога Ровиго, министра полиции. В то же время Бутре, другой сообщник, отправился в префектуру парижской полиции, арестовал префекта Паскье и отправил его в тюрьму Ля Форс.

Маллет, теперь уже во главе 150 человек, отправился на главную государственную площадь, чтобы повторить тот же фарс с комендантом площади и заставить его подписать Приказ на этот День. Граф Халлин отказался. Маллет приставил пистолет к его голове, выстрелил, и Халлин упал весь в крови на землю. Маллет оставил его умирать, но, к счастью, была сломана только челюсть. Посредством поддельного приказа, адресованного командиру одного из полков наемной гвардии Парижа, он захватил Национальный банк, в котором в то время находилась значительная сумма в звонкой монете.

Верховный главнокомандующий Парижа был постом высочайшей важности, поскольку это была штаб-квартира всей военной власти в Париже. Прежде чем Малле приблизился к нему, он отправил генералу-адъютанту Дусе пакет того же содержания, что и для Сулье и других полковников, в котором содержалось его назначение бригадным генералом и распоряжение казначейства на сто тысяч франков.

Сулье, полковник 10-й когорты, подчиняясь полученным им приказам, подлинность которых он ни на минуту не оспаривал, тем временем овладел Ратушей и разместил значительные силы на площади перед зданием. Фрошо, префект Сены, ехал верхом в Париж из своего загородного дома в половине девятого утра, когда его в большом волнении встретили слуги с запиской от Малле, на внешней стороне которой были написаны зловещие слова "Fuit Imperator". Теперь случилось так, что никаких известий об императоре не поступало в течение двадцати пяти дней, и люди испытывали большое беспокойство по поводу него. Поэтому, когда Фрошо получил это уведомление, он поверил ему и поспешил в Отель-де-Виль. Там он получил депешу от Малле, названного губернатором Парижа, с приказом подготовить главную квартиру в здании для Временного правительства. Ни на минуту Фрошо не вспоминал об этом — даже если император был мертв, оставался молодой Наполеон, которому он был обязан своей верностью; он немедленно выполнил полученные приказы и начал готовить отель к заседанию Временного правительства. Впоследствии, когда ему напомнили, что у Наполеона был сын и что его долгом было поддерживать его, Фрошо ответил: "Ах! Я забыл об этом. Я был отвлечен новостями.

Посредством разосланных повсюду поддельных приказов были захвачены и закрыты все заграждения Парижа, и были изданы четкие приказы о том, что никому не разрешалось въезжать в Париж или выезжать из него.

Маллет теперь подъехал к генерал-майору, по-прежнему в сопровождении офицера и отряда и повиновался ему. Теперь не требовалось ничего, кроме приказаканцелярии генерал-адъютанта передать Маллету все руководство вооруженными силами Парижа вместе с телеграфом, а вместе с ним и всей Францией. С этим и с уже захваченной казной он станет хозяином положения. Еще через десять минут Париж будет в его руках, а вместе с Парижем и вся Франция.

Случайность — и только случайность — в тот момент спасла трон Наполеона. Дусе отнесся к приказам с некоторым подозрением — или позволил впоследствии предположить, что относился. Он прочитал их и замер в недоумении. Он бы отбросил возникшие сомнения, если бы не его адъютант Лаборд. Случилось так, что Лаборд отвечал за Маллета в Ла Форс и видел его там совсем недавно. Он спустился вниз, чтобы войти в комнату, где находился Дусе, в сомнении стоявший перед Малле. Охранник Маллета стоял перед дверью и хотел помешать ему войти; однако он безапелляционно крикнул им, чтобы они пропустили его, и люди, привыкшие повиноваться его голосу, позволили ему войти. В тот момент, когда он увидел Маллета в генеральской форме, он узнал его и сказал: "Но, черт возьми! — Это мой пленник. Как ему удалось сбежать?" Дусе все еще колебался и попытался объяснить, когда Лаборд оборвал своего старшего офицера словами: "Здесь что-то не так. Арестуйте этого парня, и я немедленно отправлюсь к министру полиции.

Маллет сунул руку в карман, чтобы вытащить пистолет, из которого он застрелил Халлина, когда этот жест был замечен в зеркале напротив, и прежде чем он успел выхватить и взвести курок, Дусе и Лаборд набросились на него и обезоружили.

Лаборд с большой поспешностью распахнул дверь и объявил солдатам об обмане, который был применен к ним, и заверил их, что известие о смерти императора было ложным.

Арест Маллета привел в замешательство весь заговор. Если бы генералы Лахори и Гидал были людьми решительными, они все еще могли бы спасти его, но это было не так; хотя во главе значительных отрядов людей, в тот момент, когда они увидели, что их командир столкнулся с заминкой в осуществлении своего плана, они пришли к выводу, что все потеряно, и сделали все возможное, чтобы добраться со своих постов в укрытия.

Только в 8 часов генеральный секретарь полиции Сольнье узнал об аресте и тюремном заключении своего начальника Савари, герцога Ровиго. Он немедленно поспешил к Камбасересу, президенту министерства в отсутствие императора, и удивил и встревожил его этой новостью. Тогда Сольнье поспешил к Халлину, которого нашел в луже крови и неспособным говорить.

Барон Паскье, освобожденный из тюрьмы Ла Форс, попытался вернуться в свою префектуру. Солдаты, стоявшие перед ним, отказались впустить его и пригрозили застрелить, полагая, что он сбежал из тюрьмы и был вынужден укрыться в соседнем доме. Лаборд, который около полудня прибыл туда, был арестован солдатами и препровожден ими в качестве пленного к генерал-майору, чтобы передать его генералу Малле; и с трудом удалось убедить их, что их обманули и что сам Малле в тот момент был закован в кандалы.

Савари, освобожденный из Ла Форс, приказал привести к нему Маллета и остальных заговорщиков. Сулье также, за то, что слишком легко поверил поддельным приказам, также был помещен под арест, чтобы предстать перед судом вместе с организаторами и исполнителями заговора.

Маллет с большим хладнокровием признался, что спланировал все это, но категорически отказался сказать, были ли у него помощники или сочувствующие в других местах.

Лахори не мог отрицать, что принимал активное участие, но заявил, что это было против его воли, поскольку все его намерение состояло в том, чтобы сбежать в Соединенные Штаты и провести там остаток своих дней в спокойствии. Он утверждал, что действительно верил в смерть императора.

Гидал попытался свести все к шутке, но когда он увидел, что его судят за жизнь, он сильно и униженно встревожился.

На следующий день генералы и те из армии, кто находился под командованием, предстали перед военной комиссией. В тот день у Сольнье было интересное интервью с Малле. Он проходил через зал, где обедал Маллет, когда заключенный пожаловался, что ему не разрешили пользоваться ножом. Сольнье сразу же распорядился, чтобы ему разрешили это; и это соображение, по-видимому, тронуло Маллета, поскольку он говорил с Сольнье более откровенно, чем перед своими судьями. Когда генеральный секретарь полиции спросил его, как он мог мечтать об успехе в таком безумном предприятии, Маллет ответил: "На моей стороне уже было три полка пехоты. Очень скоро я был бы окружен тысячами людей, которые устали от наполеоновского ига и жаждут смены порядка. Теперь я был убежден, что в тот момент, когда до

него дойдет весть о моем успехе в Париже, Наполеон оставит свою армию и улетит домой, я был бы готов встретить его в Майнце и приказал бы там его расстрелять. Если бы не трусость Гидаля и Лаори, мой заговор удался бы. Я решил собрать 50 000 человек в Шалон-сюр-Марн, чтобы прикрыть Париж. Обещание, которое я бы дал отправить всех призывников по домам, как только кризис закончится, сплотило бы всех солдат на моей стороне".

23 октября состоялся суд над двадцатью четырьмя заключенными, и четырнадцать были приговорены к расстрелу, среди них Малле, Гидаи, Лахори и несчастный Сулье. Маллет на суде вел себя очень бесстрашно. "Кто ваши сообщники?" - спросил Председатель. "Вся Франция, - ответил Малле, - и если бы я преуспел, вы сами были бы во главе их. Тот, кто открыто нападает на правительство с применением силы, в случае неудачи ожидает смерти". Когда его попросили выступить в свою защиту, "Месье, - сказал он, - человек, провозгласивший себя защитником прав своего Отечества, не нуждается в защите".

Сулье извинился, сказав, что известие о смерти императора произвело на него такое потогонное действие, что ему пришлось менять рубашку четыре раза за четверть часа. Этого было сочтено недостаточным для установления его привязанности к имперскому правительству.

Во второй половине того же дня четырнадцать человек были доставлены на равнину Гренель для расстрела, когда императрица-регентша даровала помилование двум осужденным, капралу Рато и полковнику Раббе. Когда процессия проходила по улице Гренель, Малле увидел группу студентов, наблюдавших за ней; "Молодые люди, - обратился он к ним, - помните 23 октября". Прибыв на место казни, некоторые из осужденных выкрикнули: "Да здравствует имперец!", лишь немногие - "Да здравствует Республика".

Маллет попросил, чтобы ему не завязывали глаза, и сохранял предельное хладнокровие. Он получил разрешение, по своему собственному желанию, отдать необходимые приказы солдатам, выстроенным для расстрела его и его группы. "Пелотон! Присутствующие!" Солдаты, тронутые трагической катастрофой, повиновались, но не сразу. "Это плохо!" - крикнул Маллет. "Представьте, что вы перед врагом. Еще раз — Внимание!—Присутствующие!" На этот раз все было лучше. "На этот раз не так плохо, но все равно не очень хорошо", - сказал генерал. "Теперь обратите внимание и помните, когда я говорю "Огонь", что все ваши орудия стреляют как одно. Это хороший урок для тебя - увидеть, как умирают храбрые люди. А теперь еще раз, внимание!" В течение четверти часа он подвергал солдат муштре, пока не заметил, что его товарищи находятся в самом плачевном состоянии. Некоторые упали в обморок, некоторые бились в конвульсиях. Затем он скомандовал: Огонь! загрохотали ружья, и десять человек упали на землю, чтобы никогда больше не подняться. Один только Маллет пошатнулся, мгновение или два удерживаясь на ногах, а затем тоже упал, не издав ни звука, и был мертв.

"Если бы не исключительная случайность, - говорит Савари, - из-за которой арест военного министра провалился, Маллет в несколько мгновений стал бы хозяином почти всего; и в стране, столь сильно подверженной заразительному влиянию примера, трудно сказать, на чем бы остановился его успех. Он получил бы в свое распоряжение казначейство, в то время чрезвычайно богатое, почтовое отделение, телеграф и командование сотней когорт Национальной гвардии. Он скоро узнал бы о тревожной ситуации в России, и ничто не

помешало бы ему взять в плен самого императора, если бы тот вернулся один, или выступить ему навстречу, если бы он пришел во главе своих разбитых сил".

Как говорит Элисон, "Когда новость дошла до Наполеона, его воображением овладела только одна идея — что в условиях этого кризиса наследование престола его сыном было, по общему согласию, отложено; в его сознании всегда присутствовала одна—единственная истина - что императорская корона принадлежит только ему. До него дошла роковая истина, что Революция разрушила основы наследования по наследству; и что величайшие достижения того, кто носил диадему, не давали гарантии, что она перейдет к его потомству. Эти размышления, которые, по-видимому, внезапно нахлынули на Наполеона, когда известие об этом экстраординарном происшествии дошло до него в России, угнетали его больше, чем все бедствия московского отступления".

Schweinichen's Memoirs.

Мемуары, пишет Эддисон в "Татлере", настолько ненадежны, настолько напичканы ложью, что "настоящим я уведомляю всех книготорговцев и переводчиков, что слово *memoir* по-французски означает роман; и требую от них, чтобы они продавали и переводили его соответствующим образом".

Однако есть мемуары, заслуживающие доверия и скучные, и другие, опять же, вызывающие явное доверие, но при этом занимательные, как роман, и к этой последней категории относятся мемуары Ганса фон Швайнихена, силезского рыцаря, маршала и камергера герцогов Лигница и Брига в конце 16 века. Шерр, хорошо известный писатель о немецкой культуре, скрупулезный наблюдатель и комментатор всего уродливого и неприличного в прошлом, говорит о "дневнике Швайнихена": "Он переносит нас в благородную семью конца 16 века и раскрывает хамскую низость, грубость и бескультурие". Это, в какой-то мере, верно, но, как это неизменно бывает с Шерром, он упускает из виду все спасительные элементы, а их много, которые раскрывает этот прозрачно искренний автор дневника.

Рукопись была впервые обнаружена и опубликована Бюшем в 1823 году; она была переиздана в 1878 году в Бреслау издательством Эстерли. Дневник относится к 1602 году, и Швайнихен начинает с рассказа о своем рождении в 1552 году и своих детских годах. Но мы ошибаемся, говоря, что он начинает со своего рождения — характерно для протестантского теологического духа своего времени, он начинает с исповедания своей веры.

Как картина манер и обычаев высших классов в эпоху сразу после Реформации, она не имеет себе равных по своей детальности и интересу. Писатель, который понятия не имел, что его дневник будет напечатан, писал для собственного развлечения и, сам того не желая, нарисовал идеальный портрет самого себя, без преувеличения своих достоинств и наблюдения за своими недостатками; на самом деле, те достоинства, которыми мы в нем восхищаемся, он едва ли

признавал добродетелями и едва ли считал серьезными недостатки, о которых мы сожалеем. Читая его правдивые записи, мы злимся на него, и все же он заставляет нас любить и уважать его и признавать, какими безупречными были доброта, порядочность, верность и честь в этом человеке.

Ганс был сыном Георга, рыцаря Швайнихена и Мертшюца, и родился в замке Гредицберг, принадлежащем герцогам Силезским, кастеляном которого его отец был и смотрителем окрестных герцогских поместий. Швайнихены были очень древним дворянским силезским родом, и Ганс мог доказать свою чистоту крови шестнадцатью потомками, восемью по отцовской и восемью по материнской линии.

В 1559 году герцог Фридрих III. был вызван к императору Фердинанду I. в Бреслау, чтобы ответить на обвинения в расточительности и притеснениях, выдвинутые против него силезскими сословиями, и был низложен, заключен в тюрьму, а его сын Генрих XI. получил вместо этого герцогскую корону. Низложение герцога вынудило отца нашего героя покинуть Гредицберг и удалиться в свои поместья, где Ганса на пару лет назначили деревенским нотариусом в качестве учителя чтения и письма, а затем отправили, хотя он и был молодым дворянином, пасти гусей для семьи. Однако, поскольку он подшучивал над гусями, совал им в клювы разливы, привязывал их, чтобы они раскрылись, стая была изъята из-под его опеки. Это напоминает нам о Греттире Сильном, исландском герое, которого тоже в детстве послали гонять домашних гусей на пастбище и который жестоко обращался со своим подопечным.

Его отец отправил Ганса пажом к заключенному герцогу Фридриху в Лигниц, где он также должен был учиться у младшего сына герцога, впоследствии Фридриха IV. Ганс рассказывает нам, что его не так часто пороли, как его товарища, потому что он сунул свое денежное пособие в ладонь наставника, и таким образом его проступки остались незамеченными. Как паж, он должен был прислуживать герцогу за столом. Его сын, правящий герцог, ежедневно разрешал заключенному герцогу выпивать определенную порцию вина; то, что он не пил каждый день, Ганс должен был выливать в бочку, икогда бочка была полна, герцог пригласил к себе несколько хороших алкоголиков, и они сели и выпили всю бочку, а затем покатались по полу. Всю ночь Гансу приходилось сидеть или лежать на полу и наблюдать за пьяным герцогом.

Герцог Фредерик невзлюбил капеллана и написал на него пасквиль, который можно передать следующим образом, не будучи несправедливым к оригиналу:

"Все зло, когда-либо совершенное

Между старым герцогом и его сыном,

Исходит от этого проклятого нюхача

Франконский пастор, вырезанный и сбежавший".

Герцог приказал Гансу приколоть это к подушке кафедры, что он и сделал. Когда пастор взошел на кафедру, он увидел бумагу и вместо текста зачитал ее вслух. Правящий герцог Генрих был очень разгневан, а Ганса сделали козлом отпущения и с позором отправили домой, к своему отцу.

В 1564 году Ганс присутствовал при посещении своего отца, сам будучи пажом, а его отец - маршалом, когда герцог Генрих и его герцогиня посетили Штутгарт и Дрезден. Пажам тогда не

разрешалось сидеть верхом на лошади, они стояли в чем-то вроде стремян, прикрепленных к луке седла, за которое они держались. В Дрездене старый Швайнихен провел тилт на турнире с курфюрстом Августом и выбил его из седла, но имел достаточно вежливости, чтобы сразу же спрыгнуть со своей лошади, как будто он тоже был брошен курфюрстом. Это так обрадовало последнего, что он послал старому Швейнихену золотую цепочку и двойной флорин стоимостью около 4 шиллингов молодому.

Когда Гансу было пятнадцать, он пошел на свадьбу герцога Вацлава Тешенского с дочерью герцога Франца Саксонского и получил от своего отца в подарок меч, который, по его словам, обошелся его отцу чуть меньше фунта. Одной из интересных особенностей этого дневника является то, что Ганс заносит ценность всего. Например, нам даны цены на пшеницу, ячмень, рожь, овес, мясо и т. Д. В 1562 году, и мы узнаем из этого, что все виды зерна стоили одну пятую или одну шестую часть от того, что они стоят сейчас, и что мясо—баранина - составляло одну восемнадцатую или одну двадцатую от нынешней стоимости. За талер, равный 3 шиллингам, в 1562 году можно было купить столько еды, сколько сейчас стоило бы от 25 до 30 шиллингов. Ганс рассказывает нам, сколько карманных денег он получал от своих родителей; он оценивал каждый подарок, который ему дарили, и рассказывает, сколько ему стоило все, что он раздавал.

Ранней весной 1569 года герцог Генрих XI. отправился в Люблин в Польше на сейм. Король Сигизмунд был стар, и герцог надеялся после его смерти быть избранным в королевство Польское. Это была дорогостоящая экспедиция, так как герцог должен был сделать много подарков и отправиться в путь с большим состоянием. Ганс пошел с ним и рассказывает бесконечно забавный рассказ об их приеме, убогом жилище, о своем собственном платье, одна штанина которого черная, а другая желтая, и о том, сколько локтей ленты ушло на банты на его куртке. Его отец, он сам, дворянин по фамилии Цедлиц и его сын были заперты на чердаке под черепицей в сильный мороз — и "поверьте, - говорит Ганс, - нашим свиньям дома теплее в своих ямах".

Эта экспедиция, не приведшая к тому результату, на который надеялся герцог, истощила его казну и привела в ярость силезские поместья. Все дворяне должны были поручиться за своего герцога, Швайнихена и остальных на сумму в современных деньгах 100 000 фунтов стерлингов.

Когда Гансу было восемнадцать, он впервые в жизни напился, так напился, что два дня и две ночи лежал как мертвый, и его жизнь была в опасности.

Порция охарактеризовала немца как пьяницу, он ей нравился "очень мерзко утром, когда он трезв; и особенно мерзко днем, когда он пьян. Поставьте глубокий бокал рейнского вина на противоположный ларец, ибо, если дьявол внутри, а это искушение снаружи, я знаю, что он выберет именно это. Я сделаю все, Нерисса, лишь бы не выйти замуж за губку.

Насколько верной была эта характеристика старого немецкого дворянина, показывают мемуары Швайнихена; это запись пьяных забав с небольшими интервалами. Спасения не было, тот, кто хотел жить при дворе, должен был пить и опьянеть.

В возрасте девятнадцати лет старый Швайнихен заставил своего сына вести бухгалтерию дома и присматривать за мельницей; он отвечал за пруды с рыбой, обмолачивал зерно и кормил лошадей и крупный рогатый скот.

Однажды Ганса пригласили на свадьбу, и он познакомился на ней с четырьмя сестрами из Глогау, две были вдовами, а две незамужними. Их девичья фамилия была Фон Шабен. Двадцатилетний Ганс много танцевал с самой младшей и перед уходом пригласил четырех сестер нанести визит его отцу и ему самому. Его друг по имени Айхольц поскакал вперед, чтобы предупредить старого Швайнихена. Несколько часов позже подъехал Ганс в повозке с четырьмя сестрами; но он не осмелился привести их, пока не увидит своего отца, поэтому он вошел в дом, и его сразу приветствовали взрывом смеха и криками: "Вот идет жених", - а Эйхольц во весь голос пропел импровизированный куплет:

"Rosie von Schaben

Hans er will haben."

- Где дамы? - спросил старый рыцарь.

- В фургоне снаружи, - ответил Ганс.

"Пошлите за скрипачами, приведите их сюда. Мы будем есть, пить, танцевать и веселиться", - сказал старик.

Но Ганс был оскорблен тем, что его громко приветствовали как жениха, и теперь держал Розу на расстоянии. Несколько позже герцог попытался уговорить его жениться на очаровательной молодой наследнице по имени Гезе фон Промниц, и очень забавен рассказ Ганса о том, как он избежал помолвки. Когда он впервые встретил ее при дворе, ей было четырнадцать лет, и она страстно любила сахар. Ганс говорит, что потратил целых 3 фунта в наших современных деньгах на сладости для нее, но он не стал делать предложения, потому что, как он заключил, она была слишком мала, чтобы уметь "приготовить тарелку супа". Прошло два года, и затем старик по имени Гейслер, "больше похожий на еврея, чем на джентльмена", который каждый день предлагал ей коробку конфет, сделал ей предложение. Он не отвечал, пока она не узнала о намерениях Ганса, и она откровенно спросила его, собирается ли он сделать ей предложение или нет. "Лучшая любовь моего сердца, Гезе", - ответила Швейнихен, "в нужное время, и когда Богу будет угодно, я выйду замуж, но я не думаю, что смогу сделать это в течение трех лет. Так что следуй своим собственным желаниям, бери старого еврея или жди, как тебе больше нравится".

Она сказала, что готова ждать Ганса сколько угодно лет. Это сделало Ганса еще холоднее. Герцог решил, что этот вопрос должен быть решен так или иначе немедленно, поэтому он послал Хансу венок из золотых роз и сказал, что это будет свадебный венок Хезе, и если он хочет, чтобы она надела его для него, он должен взять его; после этого Ханс заложил руки за спину. Затем он подошел к своему гербу Швайнихена и нарисовал под ним девиз: "Я выжидаю своего часа, когда старик умрет, я получу приз". Это Гейслер прочитал, и, как говорит Ганс, ему не понравилось.

Теперь Ганс был назначен придворным герцога и отныне всегда находился при нем. За свою службу он получил бесплатную кровать и питание, парадный мундир, который стоил в наших современных деньгах около 36 фунтов стерлингов, и ливрею на каждый день стоимостью 18 фунтов стерлингов. Отец назначал ему небольшое содержание, но в дополнение к ливреям и

содержанию он ничего не получал. Больше всего герцога развлекало бормотание. Целый год он каждый вечер бродил по маскараду, неожиданно заглядывая к бургерам. Некоторые, как нам сказали, были рады видеть его и развлекать, другие возражали против этих импровизированных визитов. Особый костюм, в котором герцог с удовольствием бегал по городу, нанося эти визиты, был монашеским. Ганс признает, что это было ему очень неприятно, но он ничего не мог с собой поделать, он был вынужден подстраиваться под прихоти своего хозяина. Он попытался освободиться от службы у герцога, чтобы уехать из страны к какому—нибудь другому двору - интуитивно он чувствовал, что это сотрудничество было бы губительным для его наилучших интересов, но герцог сразу же принял его с лучшей стороны, умолял остаться и быть верным ему, своему истинному хозяину и суверену, и Ганс с дурными предчувствиями в глубине души согласился.

При дворе была пожилая дама, фрау фон Киттлиц, которая исполняла обязанности стюардессы и пользовалась большим влиянием на герцога, которого она знала с детства. Герцогиню возмущали ее властные манеры и вмешательство, и она завидовала ее влиянию. Однажды в 1575 году она отказалась спуститься из своей комнаты и отобедать с герцогом, пока старого Киттлица не отправят сесть за стол под помостом. Это привело к скандалам и горячей крови с обеих сторон. Герцогиня использовала грубое выражение по отношению к стюардессе, а герцог, у которого уже было за пазухой немного вина, ударил герцогиню по лицу, сказав: "Я научу тебя не называть людей именами, которых они не заслуживают". Присутствовавший при этом Ганс бросился между разъяренной парой; герцог бушевал и наносил удары по сторонам. Ганс умолял герцогиню удалиться, а затем встал в дверях и помешал герцогу последовать за ним, хотя и крикнул: "Она моя жена, я могу служить ей, как захочу. Кто ты такой, чтобы встречать между женатыми людьми?"

Как только герцогиня заперлась, Ганс вырвался и убежал; но через час герцог послал за ним и снова набросился на него за назойливостью. Ганс умолял герцога успокоиться и помириться с герцогиней, но тот и слышать об этом не хотел и уволил Швайнихена. Четверть часа спустя от своего хозяина пришел еще один посыльный, и Ганс, вернувшись к нему, застал его в лучшем настроении. "Ганс, — сказал его высочество, - попробуй, если тебе не удастся, уговорить мою жену прийти в себя и спуститься к столу - на этом все веселье заканчивается".

Ганс поднялся вверх, и его впустили. Герцогиня, вне себя от ярости, уже написала письмо своему брату, маркграфу Анспаха, в котором рассказала ему, как ее муж ударил ее по лицу и поставил синяк под глазом, и она уже отправила гонца с письмом. После долгих споров Ганс вырвал у нее согласие спуститься вниз на двух условиях: во-первых, герцог должен немедленно навестить ее и попросить прощения, во-вторых, старый Киттлиц должен сидеть за столом с пажам. Герцог теперь был в уступчивом настроении и смиренно ел свой лук-порей. Герцогиня согласилась сообщить суду, что получила синяк под глаз от удара лицом о лампу, и герцог приказал десяти трубачам и литаврам шуметь как можно громче, чтобы отпраздновать примирение.

Герцогиня в письме Швайнихену призналась, что поступила опрометчиво и несправедливо, и пожалела, что отправила это письмо. Неудачное письмо, — говорит наш автор, — ибо оно стоило герцогству несметных денег и многих лет неприятностей.

Герцог совершил несколько визитов в Польшу в погоне за этим фонарем — польской короной, и это стоило ему таких больших денег, что он поссорился со своими Поместьями, запугивал и

притеснял своих подданных, вымогая деньги, и, наконец, Поместья обратились к императору с жалобой против него, как они обратились к его отцу; и император вызвал его в Прагу. Герцогу было очень трудно наскрести денег, достаточных для поездки в такую даль; и, добравшись до Праги, он попросил разрешения у кайзера посетить курфюрстов и Вольные города и посмотреть, не сможет ли он получить от них некоторое облегчение от своего затруднительного положения и денег, с помощью которых можно было бы умиротворить разъяренные поместья Силезского герцогства. Требуемое согласие было дано, и затем герцог со своим верным Швейнихеном и несколькими другими слугами отправился в грандиозное путешествие по Империи, требуя милостыню и занимая займы. Ганс был назначен казначеем, и в его кошельке было около 400 фунтов стерлингов. Герцог взял с собой пятерых оруженосцев, двух пажей, трех слуг, повара и нескольких поварят, одну карету запрягли шестерка лошадей, другую - четверка. И на этом поезде можно было не только объехать Империю, но и посетить Италию — и все это за 400 фунтов стерлингов.

Первый визит был нанесен в трех днях пути от Праги, в доме сводной сестры герцогини. Она приняла его холодно и прочитала ему лекцию о его поведении по отношению к жене. Когда герцог попросил ее одолжить ему денег, она ответила, что оплатит его домашние расходы, если он решит вернуться в Лигниц, но в противном случае у него не должно быть ни пенни. Не удовлетворившись этим отказом, герцог отправился в Нюрнберг, где послал Ганса в городской совет с просьбой одолжить ему денег; он попросил 4000 флоринов. Совет отклонил эту честь. Две дочери герцога находились на попечении маркграфа Анспаха, брата их матери. Герцог послал Ганса в Анспох, чтобы убедить маркграфа прислать к нему маленьких девочек или пригласить его навестить Анспох и повидаться с ними. Он стеснялся навещать своего шурина без приглашения из-за пощечины в ухо и подбитого глаза. Он признался Гансу, что если заберет своих детей в Нюрнберг, то не вернет их дяде без ссуды или гонорара.

Эта убогая сделка пришлась Швайнихену не по вкусу, но он был обязан на нее пойти. Это оказалось безуспешным, маркграф отказался отдать детей до тех пор, пока герцог не вернется к своей жене и герцогству и не подаст лучший пример.

Пока Ганса не было, герцог выиграл в игре крупную сумму денег, достаточную для оплаты собственного счета, но вместо того, чтобы сделать это с ними, он приказал переплавить их и сделать из них серебряные кубки. Когда он собрался уезжать из Нюрнберга, то не смог оплатить свой гостиничный счет и был вынужден оставить в залог у хозяина таверны ценный драгоценный камень. Затем он со своей свитой отправился в Аугсбург и поселился в гостинице, пока городской совет не согласится одолжить ему денег.

Однажды, находясь там, Ганс был приглашен на свадьбу. Герцог тоже хотел пойти, но, поскольку его не пригласили, он пошел как слуга Ганса, но так напился, что Гансу пришлось отнести его домой в таверну, после чего он вернулся на свадьбу. Вечером, когда начались танцы, герцог появился снова, он отоспался и был готов к новым развлечениям. Теперь его узнали, и, согласно этикету, два члена городского совета в официальных одеждах и золотых цепях торжественно протанцевали перед его высочеством. Ганс рассказывает нам, что было принято, чтобы всеми танцами руководили два человека, одетые в алую одежду с белыми рукавами, и они называли танец и устанавливали фигуры, никто не мог исполнять какую-либо фигуру или делать что-либо, чего не делали ведущие. Теперь, когда Ганс клянется, что нигде не видел столько хорошеньких девушек, как в тот вечер, он дал на чай главарям по половине

талера, чтобы они поцеловались друг с другом, после чего два танцующих члена совета тоже должны были поцеловаться, и герцог, ничтожество, его партнер, и Ганс, с изюминкой, его. В тот вечер он много раз целовался, и из-за множества огней, музыки, танцев и хорошеньких девушек ему показалось, что он попал в Рай. Вскоре после этого герцога пригласили отобедать с Фуггером, принцем-торговцем, который показал ему свою сокровищницу, в которой было золота на миллион и одна башня, облицованная сверху донизу только серебряными талерами. У герцога потекли слюнки, и он любезно предложил Фуггеру одолжить ему 5000 фунтов стерлингов; купец отказался, но подарил ему 200 крон и хорошего коня. Городской совет согласился одолжить герцогу 1200 фунтов стерлингов под расписку на год; а затем, чтобы расплатиться с хозяином, он снова переплавил свои серебряные кружки, заложил свою тарелку и выдал ему вексель на два месяца.

Из Аугсбурга герцог объехал аббатства, пытаясь выжать из аббатов ссуды, но обнаружил, что у них всегда наготове предлог, что они не будут давать займы лютеранским князьям. Затем он остался в аббатствах, съедая всю их провизию и бесчинствуя в их гостевых покоях, пока аббаты не были вынуждены сделать ему подарок, чтобы избавиться от него.

Внезапно перед герцогом открылась возможность приобрести как известность, так и деньги. Генрих I Конде находился при дворе курфюрста Палатинского в Гейдельсберге, прося помощи у гугенотов против короля Франции. Курфюрст согласился послать войска под командованием своего сына Иоанна Казимира, и герцог Лигницкий предложил свои услуги, которые были с готовностью приняты. Он должен был возглавить арьергард и получать щедрое вознаграждение за свои услуги. Пока он собирал эти силы и отправлялся в путь, Ян Казимир и принц Конде прошли маршем через Лотарингию в Мец, а Ганс отправился с Яном Казимиром. Он верил, что теперь находится на пути к богатству. Но этому не суждено было сбыться. Герцог, его хозяин, настоял на том, чтобы он вернулся к нему, и Ганс, сделав это, обнаружил, что тот бунтует и проигрывает во Франкфурте и Нассау деньги, выплаченные ему авансом за его бесполезные услуги. Едва ли не первой обязанностью, возложенной на Ганса по возвращении, было договориться с магистратами Франкфурта о займе в 5000 фунтов стерлингов, в чем было категорически отказано; после чего герцог отправился в Кельн и пробыл там семь месяцев, пытаясь уговорить тамошний городской совет выдать ему денег.

Но мы не можем дальше следить за печальной историей деградации силезского герцога, пока в начале нового, 1577 года герцог не сбежал из города Эммерих, предоставив своим слугам оплачивать его долги, как они могли. Ганс продал лошадей и все, что осталось, а затем, не жалея о том, что расстался с таким хозяином, пешком вернулся в свой силезский дом.

Пожалуй, стоит процитировать письмо герцога Генриха, которое Ганс нашел утром и в котором сообщалось об уклонении его господина от уплаты налогов.

"Дорогой Ганс, вот цепочка, делай с ней, что сможешь. Взвесьте это и продайте, а также лошадей за наличные деньги; я не буду покрывать голову перьями, пока, с Божьей помощью, у меня не будет немного денег, которые позволят мне уехать из этой мерзкой страны и подальше от этих людей. Доброе утро, любимый Ганс.

- Моей собственной рукой, Генрих, герцог.

Когда он приближался к дому, до Ганса дошли печальные вести. Герцогские кредиторы обрушились на его отца, который взял на себя ответственность и наложил арест на фамильные

поместья; после чего сердце старика разбилось, и он умер в январе. Когда Ганс услышал это, он два часа просидел на камне у дороги, совершенно опустошенный, прежде чем смог достаточно прийти в себя, чтобы продолжить свой путь.

Тем временем императорская комиссия обратилась к герцогу, сместила его и назначила герцогом его брата Фредерика. Верность Швайнихена герцогу Генриху привела к его немилости у герцога Фридриха, и его не вызвали ко двору, а тихо оставили в Мерчюце, чтобы он вместе со своим братом сделал все возможное, чтобы навести какой-то порядок в семейных делах. Его старый хозяин, однако, не позволял ему много отдыхать. По решению императора, он должен был получать ежедневную норму денег, еды и вина. Это привлекло герцога Генриха домой, и как только он вернулся в Силезию, то настоял на том, чтобы Ганс вернулся к нему на службу, и еще несколько лет вел беспокойную жизнь верного человека, втягивая его в жалкие денежные затруднения. Это было тем более мучительно для Ганса, что теперь он влюбился в Маргарет фон Шеллендорф, на которой в конце концов женился. Нежность и доброта сердца Швайнихена вырываются наружу всякий раз, когда он говорит о своей дорогой Маргаретте и о детях, которые родились и были отняты у него. Его печали, когда он задерживался у постели своих малышей, и близость, с которой его тянули к Маргаретте семейные утраты и денежные огорчения, ясно проявляются в его рассказе. Вся эта история слишком длинная, чтобы рассказывать ее полностью. Ганс был обширным автором дневников. Его мемуары заканчиваются в 1602 году, когда он страдал от подагры, но прожил на несколько лет дольше.

В церкви Святого Иоанна в Лигнице одно время находился его памятник с фигурой Ганса фон Швайнихена в натуральную величину, а над ним его знамя и надпись, гласящая, что он умер 23 августа 1616 года. Увы! рука разрушителя была здесь. Церковь и памятник разрушены, и мы больше не можем видеть, какое лицо было у Ганса; но о внутреннем человеке, о хорошей, верной, богобоязненной и любящей душе, сильной и правдивой, он сам оставил нам самый точный портрет в своих драгоценных мемуарах.

Слесарь Гамен.

Среди многих эпизодов Французской революции есть один, который заслуживает более пристального изучения из-за серьезности обвинения, выдвинутого в нем против короля и королевы, и из-за того, что вокруг него разгорелось много споров. Речь идет об эпизоде со слесарем Гаменом, которого король и королева обвиняют в попытке отравления.

Само собой разумеется, что обвинению поверили во время "Террора"; горячие головы и разгневанные сердца в то время были не в состоянии беспристрастно проанализировать доказательства. Впоследствии обвинение считалось абсурдным, пока покойный меcье Поль Лакруа, более известный как библиофил Жакоб, изучавший историю, очень осторожный и прилежный коллекционер, не вдохнул в него новую жизнь в 1836 году, когда переформулировал обвинение в *фельетоне* для *Siècle*. Не довольствуясь тем, что она заснула или умерла на эфемерных страницах газеты, он переиздал всю историю целиком в 1838 году в своих "Диссертациях по изучению истории Франции". Это он снова воспроизвел в своих "Курьезах

истории Франции" в 1858 году. М. Луи Блан, убежденный, что дело раскрыто, подтвердил обвинение в своей работе о Французской революции, и с тех пор оно было принято популярными писателями — такими, как Декембр-Алонье, — которые стремятся оправдать казнь короля и королевы и прославить Революцию.

М. Тьер отверг обвинение; М. Экард указал на невероятность этой истории в "Всемирной биографии", а М. Мортимер-Терно также показал ее ложность в своей "Истории земли"; и, наконец, м. Леруа, библиотекарь Версаля, в 1867 году уделил ей особое внимание и полностью опроверг отравление Гамена. Но, несмотря на опровержение, клеветническое обвинение не умирает, и, без сомнения, в Париже по-прежнему в значительной степени верят.

Ложь настолько живуча — подобно бактериям, которые можно погрузить в серную кислоту, не разрушая их жизнеспособность, — что недавно эта история была вновь поднята и представлена публике от Лакруа в номере журнала "Корнхилл" (декабрь 1887 г.); автор, конечно, знал только миф Лакруа и никогда не видел, как он был опровергнут. Теперь самое время пересмотреть всю историю в целом.

Франсуа Гамен родился в Версале 29 августа 1751 года. Он принадлежал к потомственной семье слесарей. Его отец Николя занимался тем же ремеслом и отвечал за замки в королевских дворцах в Версале и других местах.

Любовь Людовика XVI. к механическим работам хорошо известна. У него была небольшая мастерская в Версале, где он развлекался изготовлением замков с помощью Франсуа Гамена, к которому он был очень привязан и с которым проводил много часов за проектированием и исполнением механических приспособлений. Рассказывают историю об интенданте Тьерри, что, когда однажды король показал ему сделанный им замок, он ответил: "Сир, когда короли занимаются делами простых людей, простые люди берут на себя функции королей", но *решение*, вероятно, было принято постфактум.

После ужасных дней 5 и 6 октября 1789 года короля привезли в Париж. Гамен остался в Версале, который был его домом, и пользовался полным доверием короля.

Когда позже король был окружен врагами и он почувствовал необходимость иметь какое-нибудь тайное место, где он мог бы спрятать важные бумаги, которые все еще могли попасть в руки черни, если дворец снова подвергнется нападению, как это было в Версале, он послал за Гаменом, чтобы тот изготовил для него железный сундук в тайном месте, открыть который мог только тот, кто знал секрет замка.

К сожалению, этот человек не был таким надежным, как Людовик XVI. Предполагалось. Окруженный теми, кто принял принципы Революции, и будучи человеком без сильного ума, он следовал течению, и в 1792 году он был назначен членом Генерального совета коммуны Версаль, а 24 сентября он был одним из уполномоченных, назначенных "для того, чтобы заставить исчезнуть все такие картины, скульптуры и надписи с памятников коммуны, которые могли бы напомнить о королевской власти и деспотизме".

Протоколы дебатов в Общинном совете показывают, что Гамен регулярно присутствовал на них и принимал участие в дискуссиях, которые часто были бурными.

Королева услышала о якобинстве Гамена и предупредила короля, который, однако, не мог поверить, что Гамен предаст его. Мария-Антуанетта настояла на том, чтобы самые важные бумаги были извлечены из железного сундука, и они были доверены мадам де Кампан.

Когда 20 ноября начался суд над королем, Гамен отправился к Роланду, министру внутренних дел, и рассказал ему тайну железного сундука. Роланд, встревоженный последствиями такого открытия, поспешил посоветоваться со своей женой, которая на самом деле была большим министром, чем он сам.

С 10 августа была назначена комиссия для сбора всех бумаг, найденных в Тюильри; следовательно, эту комиссию следовало ознакомить с находкой; но здесь таилась опасность. Mme. Ролан, как орудие жирондистов, опасался, что среди бумаг в сундуке могут быть обнаружены какие-нибудь, которые покажут, в каких тесных отношениях жирондисты находились ко Двору. Она решила, что ее мужу следует отправиться в Тюильри в сопровождении Гамена, архитектора, и слуги. Слесарь открыл сундук, Роланд извлек все бумаги, завернул их в салфетку и отнес домой. В тот же день они были доставлены на Съезд, и комиссия обвинила министра в том, что он изъясил такие документы, которые ему было бы неудобно сдавать.

Когда Роланд отдал бумаги, он заявил, не называя имени Гамена, что они были обнаружены в отверстии в стене, закрытом железной дверью, за деревянной панелью, в таком секретном месте, "что их невозможно было бы найти, если бы секрет не был раскрыт мастером, который сам устроил это укрытие".

24 декабря следующего года Конвент вызвал Гамена в Париж для дачи показаний, подтверждающих, что ключ, обнаруженный в письменном столе Тьерри де Виль-д'Авре, подходил к железному сундуку.

После казни короля, 21 января 1793 года, Конвент направил депутатов во все департаменты, "чтобы побудить власти действовать с энергией, необходимой в данных обстоятельствах". Крассуса отправили в департамент Сена-и-Уаза; и, не найдя муниципалитет Версаля, членом которого был Гамен, "на должном уровне", он отстранил их от должности; и по закону от 17 сентября все такие уволенные чиновники были объявлены "подозреваемыми лицами", которые должны были предстать перед революционным трибуналом только по этому обвинению.

Таким образом, несмотря на все представленные им доказательства своей верности принципам Революции, Гамен в любой момент мог быть арестован и предстать перед тем ужасным трибуналом, единственным выходом из которого была гильотина. Более того, Гамен потерял свое место и жалование придворного слесаря; он впал в глубокую бедность, остался без работы и без здоровья.

27 апреля 1794 года он подал петицию в Конвент, которую поддержал Мюссе, депутат и конституционный кюре. "Этого было недостаточно, - сказал Мюссе с трибуны, - чтобы последний из наших тиранов отдал более тысяч граждан на смерть от меча врага. Из петиции, которую я собираюсь зачитать, вы увидите, что он был знаком с самой утонченной жестокостью и что он сам отравил отца семейства в надежде таким образом уничтожить доказательства своего вероломства. Вы увидите, что его свирепый ум усвоил принцип, согласно которому королю все дозволено".

После этой преамбулы Мюссе зачитал петицию Гамена, которая звучит следующим образом: "Франсуа Гамен, слесарь шкафов и лаборатории покойного короля и в течение трех лет член Генерального совета коммуны Версаля, заявляет, что в начале мая 1792 года ему было приказано отправиться в Париж. Добравшись до него, Капет потребовал, чтобы он сделал шкаф в толще одной из стен его комнаты и запер его железной дверцей; и далее он утверждает, что таким образом был занят до 22 числа указанного месяца и что работал в присутствии короля. Когда сундук был готов, Капет сам предложил гражданину Гамену большой бокал вина и попросил его выпить, так как ему, упомянутому Гамену, было очень жарко.

"Несколько часов спустя на него напали сильные колики, которые не утихали до тех пор, пока он не принял две ложки эликсира, отчего его вырвало всем, что он съел и выпил в тот день. Это было прелюдией к ужасной болезни, которая длилась четырнадцать месяцев, в течение которых он потерял способность передвигаться и которая в настоящее время оставила его без надежды на полное выздоровление и возможность работать, чтобы обеспечить потребности своей семьи".

После прочтения петиции Мюссе добавил: "Я держу в руках справку врачей, которая свидетельствует о плохом состоянии здоровья гражданина-заявителя.

Граждане! Если королям свойственно зло, то великодушие - прерогатива свободных людей. Я требую, чтобы эта петиция была передана в Комитет общественного содействия для скорейшего рассмотрения. Я требую, чтобы после запроса все документы, относящиеся к этому, были помещены в национальный архив, как памятник жестокости тиранов, и были включены в бюллетень, чтобы все те, кто предполагал, что Капет творил зло только по наущению других, могли знать, что преступление коренилось в самом его сердце". Это предложение было одобрено. 17 мая 1794 года представитель Пейссар взошел на трибуну и зачитал отчет Комитета, который мы должны сжать.

"Граждане! Трибуналу свободы предстоит судить преступления угнетателей рода человеческого. Чтобы изобразить короля во всем его уродстве, мне нужно назвать только Людовика XVI. Это имя заключает в себе все преступления; оно напоминает о чуде беззакония и вероломства. Едва вырвавшись из младенчества, он зародил в себе зародыши свирепой порочности, которые характеризуют деспота. Его самые ранние забавы были с кровью, и его жестокость росла с годами, и он получал удовольствие от того, что обрушивал свою свирепость на всех животных, которых встречал. Он был известен как жестокий, вероломный и кровожадный человек. Цель этого репортажа - показать его Франции хладнокровно предлагающим чашу с ядом несчастному художнику, которого он только что нанял для изготовления шкафа, в котором можно было спрятать заговоры тирании. Своей жертвой он выбрал не незнакомца, а рабочего, которого он нанимал двадцать пять лет, и отца семейства, своего собственного инструктора по слесарному делу. Чудовища, которые так обращаются со своими избранными слугами, как они будут поступать с остальными людьми?"

Вслед за этим Национальный конвент постановил, что "Франсуа Гамен, отравленный Луи Капетом 22 мая 1792 года, должен получать ежегодную пенсию в размере 1200 ливров, начиная со дня, когда он был отравлен".

Самый невнимательный читатель заметит, что доказательств *нет*. Гамен не чувствует колик до тех пор, пока не пройдет несколько часов после того, как он выпьет вино; кроме того, в течение

дня он ел или пил что-то еще; и, наконец, показания врачей свидетельствуют не о том, что он был отравлен, а о том, что на момент подачи прошения он находился в плохом состоянии здоровья. Соответственно, все разумные историки, не ослепленные партийными пристрастиями, отвергли идею о покушении на жизнь Гамена со стороны короля. Таким бы и остался вопрос, если бы за него не взялся мсье Поль Лакруа и не поставил старую клевету на новые ножки. Мы примем его отчет, который он якобы получил от нескольких человек, которым Гамен неоднократно пересказывал это. Это *егомизансцена*.

"Старые жители Версаля будут с жалостью вспоминать человека, которого они часто встречали в одиночестве, опиравшегося на трость, как человек, согнутый годами. Гамену было всего пятьдесят восемь, когда он умер, но на нем были все признаки дряхлости.

Начнем с того, что здесь допущена грубая ошибка; он умер, как свидетельствуют версальские реестры, 8 мая 1795 года, и, соответственно, ему было всего сорок четыре года, то есть он умер через год после выплаты ренты. М. Пэрротт в своей статье о Гамене в "Словаре Французской революции" говорит, что он умер в 1799 году, через пять лет после получения пенсии; но версальские реестры недвусмысленны.

Мсье Лакруа продолжает: "Его волосы выпали, и то небольшое, что осталось, поседело над глубоко нахмуренным лбом; потеря зубов сделала его щеки впалыми; его тусклые глаза вспыхивали мрачным огнем только тогда, когда произносили имя Людовика XVI. Иногда они даже плакали. Гамен жил очень тихо со своей семьей на скромную пенсию, которая, несмотря на многочисленные смены правительства, всегда ему предоставлялась. Оно не было подавлено из опасения, что причина его предоставления снова будет поднята перед общественностью".

Как мы видели, Гамен умер при правительстве, которое назначило пенсию. Далее М. Лакруа говорит, "что старый слесарь до конца своих дней питал непримиримую ненависть к Людовику XVI, которого он обвинял в совершении отвратительного акта предательства".

"Этот акт предательства был постоянной и единственной мыслью в голове Гамена, он постоянно возвращался к ней и изливал поток горьких и жестоких обвинений в адрес короля. Именно Гамен раскрыл тайну железного сундука в Тюильри и находившихся в нем бумаг, которые послужили главным обвинением против Людовика XVI; следовательно, именно он, так сказать, подготовил гильотину для королевской головы; именно он, наконец, спровоцировал декрет Конвента, очернивший память короля как вульгарного убийцы. Но этого было недостаточно для ненависти Гамена, который повсюду преследовал мертвых за пределами могилы, обвиняя его в покушении на убийство в качестве платы за пожизненную и преданную службу. Гамен обычно проводил вечера в кафе в Версале, название которого мне сообщили, но которое я не разглашаю, чтобы не совершить ошибку. Он обычно находился в обществе двух старых нотариусов, которые все еще живы (в 1836 году), и доктора Ламейрана, который лечил его, когда он был отравлен. Эти три человека были готовы подтвердить все подробности отравления, которые были доказаны в *ходеустного процесса*. Гамену, действительно, не хватало свидетелей, чтобы установить события 22 мая 1792 года в Тюильри; но его правдивость и выражение боли, его убежденный тон, его лицо, полное страдания, его горящие глаза, его патетическая пантомима были гарантией добросовестности".

Эти трое мужчин, нотариусы и врач, которые, как намекает М. Лакруа, были живы, когда он писал, были его авторитетами в дальнейшем. Нотариусов он не называет, как и кафе, где они

встретились. Его отчет, опубликованный в "Сьекле", сразу привлек внимание, и господину Лакруа было предложено представить своих свидетелей. Что касается г-на Ламейрана, врача, то он умер в 1811 году; следовательно, его показания не были получены в 1836 году. Другим врачом, лечившим Гамена, был г-н Вуазен, который умер в 1823 году, но г-н Леруа положительно утверждает, что в 1813 году г-н Вуазен сказал ему: "Гамена никогда не травили. Мы с Ламейраном долгое время лечили его от хронического заболевания желудка. Это все, что мы указали в нашем свидетельстве, когда он подавал заявление на пенсию. В нашем свидетельстве мы указали, что у него было слабое здоровье — в нем не было ни слова об отравлении, которое существовало только в его воображении".

Этих свидетельств больше не существует. Они не сохранились в архивах Конвенции. Даже этот факт принимается в качестве доказательства в пользу покушения. М. Эмиль Бонне в статье о Гамене в "Intermédiaire des Chercheurs" заявляет, что они были удалены после реставрации Шарля;^[8] но в архивах нет никаких следов того, что они когда-либо там были. Более того, у нас есть слова г-на Леруа о том, что г-н Вуазен заверил его, что он не давал показаний об отравлении, и, что более важно, у нас есть заявление Мюссе перед Конвентом о том, что заключение врачей "подтверждало плохое состояние здоровья истца". Если бы в нем было хоть слово о яде, он бы, несомненно, так и сказал.

Мсье Лакруа попросили назвать его авторитеты — двух адвокатов, которые, поскольку мсье Ламейран был мертв, были живы и могли засвидетельствовать тот факт, что слышали эту историю из уст Гамена. Он продолжал молчать. Он даже не назвал кафе, где они встретились, и это могло привести к опознанию. Мсье Экард, написавший заметку о Гамене в "Всемирной биографии", проконсультировался по этому делу с семьей слесаря, и они заверили его, что плохое самочувствие Гамена было вызвано не чем иным, как разочарованием в связи с потерей состояния, лишениями, которым он подвергся, и, прежде всего, страхом за свою жизнь после увольнения из Муниципального совета.

Теперь мы продолжим рассказ М. Лакруа, который он, не без лукавства, вкладывает в уста самого Гамена, чтобы обвинение не было возложено на автора.

"21 мая 1792 года, - говорит Гамен, согласно "Библиофилу Якобу", - когда я работал в своей лавке, у моей двери подъехал всадник и позвал меня. Его маскировка под возницу не помешала мне узнать Дьюри, помощника королевской кузницы. Я отказался. В тот вечер я поздравил себя с тем, что сделал это, поскольку по Версалью распространился слух, что Тюильри подвергся нападению толпы, но на самом деле это произошло только месяц спустя. На следующее утро Дьюри вернулся и показал мне записку, написанную собственноручно королем, в которой он умолял меня оказать помощь в трудной работе, выходящей за рамки его возможностей без посторонней помощи. Моя гордость была польщена. Я обнял свою жену и детей, не сказав им, куда направляюсь, но пообещал вернуться той же ночью. Они не без тревоги увидели, как я отбываю с незнакомцем в Париж".

Нам нужно лишь отметить, что Дьюри не был чужим для семьи: в течение многих лет он ежедневно общался с Гаменом.

Дьюри проводил меня в Тюильри, где короля охраняли, как в тюрьме. Мы сразу же отправились в королевскую мастерскую, где Дьюри оставил меня, а сам пошел объявить о моем прибытии. Пока я был один, я заметил железную дверь, недавно выкованную, врезной замок, хорошо

выполненный, и маленькую железную коробочку с потайной пружиной, которую я не сразу обнаружил. Затем вошел Дьюри с королем. "Времена тяжелые, - сказал Людовик XVI, - и я не знаю, чем все закончится". Затем он показал мне работы, которые я заметил, и сказал: "Что вы скажете о моем мастерстве? Мне потребовалось десять дней, чтобы выполнить все это. Я твой ученик, Гамен. - Я выразил всю свою преданность. Затем король заверил меня, что он всегда доверял мне и что он без колебаний доверил судьбу себя и своей семьи в мои руки. После этого он провел меня по темному коридору, который вел из его комнаты в покои дофина. Дьюри зажег свечу и отодвинул панель в коридоре, за которой я увидел круглое отверстие около двух футов в диаметре, просверленное в стене. Король сказал мне, что намеревался спрятать в нем свои деньги, и что Дьюри, который помогал его делать, ночью выбросил пыль и щепки в реку. Тогда король сказал мне, что он не в состоянии без посторонней помощи вставить железную дверь в отверстие. Я немедленно приступил к работе. Я перебрал все детали замка и привел их в рабочее состояние; затем смастерил ключ к замку, затем сделал петли и закрепил их в стене так прочно, как только мог, чтобы не было слышно стука молотка. Король помогал, как мог, ежеминутно умоляя меня наносить удары с меньшим шумом и быстрее выполнять свою работу. Ключ был положен в маленькую железную шкатулку, и эта шкатулка была спрятана под плитой тротуара в коридоре.

Будет видно, что эта история не согласуется с изложением в петиции, поданной Гаменом в Конвенцию. В нем он сказал, что был вызван в Париж в начале мая и что "Капет приказал ему сделать шкаф в толще стены его квартиры и закрыть его железной дверью, что полностью было завершено только 22 числа того же месяца". Он проработал на этой работе три недели, а не несколько часов. "Я работал, - продолжает Гамен, или М. Лакруа, - восемь часов подряд. Пот струился у меня со лба; мне не терпелось отдохнуть, и я падал в обморок от голода, так как я ничего не ел с тех пор, как встал".

Но, согласно его рассказу перед Съездом, от эликсира его вырвало "всем, что он съел и выпил за день".

- Я на минутку присел в покоях короля, и он попросил меня отсчитать ему две тысячи двойных луидоров и уложить их в четыре кожаных мешка. Делая это, я заметил, что Дьюри нес несколько пачек бумаг, которые, как я предположил, предназначались для потайного шкафа; и, действительно, подсчет денег был задуман, чтобы отвлечь мое внимание от того, чем занимался Дьюри".

Какая неуклюжая история! Почему бумаги не спрятали после ухода Гамена? Было ли необходимо, чтобы это делалось в его присутствии, и он принялся считать деньги, чтобы не наблюдать за происходящим?

"Когда я уже собирался уходить, королева внезапно вошла через замаскированную дверь в изножье королевской кровати, держа в руках тарелку, на которой лежал пирог (бриошь) и бокал вина. Она подошла ко мне, и я с удивлением поприветствовал ее, потому что король заверил меня, что она ничего не знала о изготовлении сундука. - Мой дорогой Гамен, - сказала она ласковым тоном, - какой ты горячий! Выпейте этот бокал вина и съешьте этот пирог, и они поддержат вас на пути домой". Я поблагодарил ее, сбитый с толку таким вниманием к бедному рабочему, и осушил бокал за ее здоровье. Я положила торт в карман, намереваясь отнести его домой своим детям".

Здесь снова расхождение. В своем прошении Гамен говорит, что король подарил ему бокал вина, и не упоминает королеву.

Покинув Тюильри, Гамен пешком отправился в Версаль, но на Елисейских полях у него начались сильные колики. Его мучения усилились; он больше не мог ходить; он упал и покатился по земле, издавая крики и стоны. Проезжавший мимо экипаж остановился, и из него вышел английский джентльмен — удивительно рассказывать! — необычайное совпадение!—врач и знакомый.

Англичанин усадил меня в свою карету и приказал кучеру гнать во весь опор к аптеке. Наконец экипаж остановился перед домом на улице Бак; англичанин оставил меня в покое, пока готовил эликсир, который мог нейтрализовать разрушительную силу яда. Когда я проглотил это лекарство, я выбросил ядовитые вещества. Час спустя ничто не могло меня спасти. Ко мне частично вернулись зрение и слух; холод, циркулировавший в моих жилах, постепенно рассеивался, и англичанин решил, что я могу быть благополучно доставлен в Версаль, куда мы прибыли в два часа ночи. Были вызваны врач г-н де Ламейран и хирург г-н Вуазен; они распознали явные признаки отравления.

"После трех дней лихорадки, бреда и непостижимых страданий я одержал победу над ядом, но с тех пор страдал почти полным параличом и общим воспалением органов пищеварения.

"Через несколько дней после этой катастрофы служанка, чистя мое пальто, которое я надевал по случаю несчастного случая, нашла мой носовой платок, испачканный черным, и торт. Она откусила от последнего, а остальное выбросила во двор, где его съела собака и умерла. Девочка, съевшая только кусочек торта, опасно заболела. Собака была вскрыта месье Вуазеном, и химический анализ выявил наличие яда как на моем платке, испачканном моей рвотой, так и в торте. Один только пирог содержал достаточно едкого сублимата, чтобы убить десять человек".

Итак, яд был найден. Но как получилось, что в петиции Гамена ничего этого не говорится? Согласно этому документу, сам король предложил Гамену кубок вина. "Несколько часов спустя на него напали сильные колики. Это было прелюдией к ужасной болезни". Только смутный намек на яд, никаких конкретных заявлений о том, что он был отравлен и что вид яда был определен.

Итак, едкий сублимат при добавлении в красное вино образует фиолетовый осадок и изменяет вкус вина, придавая ему характерный металлический, резкий привкус, настолько неприятный, что его следует немедленно отвергнуть. Гамен ничего не почувствовал. Опять же, действие разъедающего сублимата происходит немедленно или очень близко к этому; но на Гамена это подействовало только через несколько часов после того, как он выпил вино.

Согласно петиции, Гамен утверждал, что был парализован во всех конечностях в течение четырнадцати месяцев, с 22 мая 1792 года; но коммунальные реестры Версаля показывают, что он присутствовал на заседании Совета и принимал участие в обсуждении 4 июня следующего года, то есть менее чем через две недели; что он присутствовал на заседаниях 8, 17, 20 июня и 22 августа и что он был достаточно бодр и активен, чтобы быть избранным в комиссию, которая должна была уничтожить знаки отличия монархии 24 сентября следующего года, что, безусловно, не было бы первым шагом. в том случае, если бы он был больным человеком, парализованным всеми своими членами.

Почему, мы можем спросить далее, Людовик XVI или королева Мария-Антуанетта не попытались также отравить Дюри, если они хотели избавиться от всех тех, кто знал секрет железного шкафчика?

Итак, Дюри был жив в 1800 году, и Экард, написавший статью о Гамене в "Всемирной биографии", знал его и видел в то время, и Дюри сказал ему, что история Гамена была ложью; железный сейф был изготовлен не в 1792 году, а в мае 1791 года; и это вероятно, поскольку королю было бы легче изготовить шкафчик до его побега в Варенн, чем в 1792 году, когда он находился под самым пристальным наблюдением.

Согласно версии, приписываемой Гамену М. Полем Лакруа, Гамен был парализован всего на пять месяцев. Почему это изменение? Потому что либо мсье Лакруа, либо слесарь обнаружили, что для него было анахронизмом предстать в ноябре перед Роланом и помочь ему открыть чемодан, который он сделал в мае— пять месяцев назад, - а затем заявить, что с мая по следующий год у него были парализованы все члены. Мы думаем, что это исправление сделано благодаря библиофилу. Но он не был знаком с архивами Версаля, доказывающими, что он был на сеансе через несколько дней после предполагаемого отравления.

Нет ничего сложного в том, чтобы выяснить мотивы, побудившие Гамена выдвинуть обвинение против короля. Он предал своего короля, который доверял ему, а затем, чтобы оправдать свою подлость, измыслил против него гнусную клевету.

Но какова была цель мсье Лакруа в возрождении основного обвинения? Мы не уверены, что он выйдет из трясины чище, чем презренный слесарь. Он вдохнул в историю новую жизнь; он основывал свои "факты" на свидетельствах, которые, по его словам, были готовы в любой момент поручиться за правду. Когда его попросили предъявить их, он не стал этого делать. Его "факты" снова и снова оказывались выдумками, и все же он осмеливался переиздавать свою клеветническую историю снова и снова, без единого слова извинения, объяснения или опровержения. Месье Лакруа умер всего год или два назад, и может показаться неблагородным нападать на мертвого человека, но человек вынужден делать это в защиту чести покойной королевы, которую он грубо оклеветал. Клевета была изобретательно подана. М. Лакруа вложил ее в уста Гамена, думая таким образом снять с себя ответственность, но ответственность остается, когда он отказывается отозвать то, что было доказано как ложное.

В позе мсье Лакруа, открывающего атаку, есть что-то до крайности оскорбительное. "В течение нескольких лет я с некоторым ужасом хранил при себе материалы для исторического разоблачения, не решаясь их использовать, и все же факт, ныне почти неизвестный, на который я намереваюсь пролить зловеющий свет, был объектом моих самых активных забот. На долгое время я обрек себя на молчание и новые исследования, до сих пор бесплодные, в надежде, что правда выйдет на свет.... Что ж! теперь, в момент поднятия завесы, скрывающей полустертую страницу истории, когда документы, с которыми я ознакомился, и собранные мною свидетельства лежат передо мной, окруженный толпой свидетелей, один из которых подтверждает показания другого, полагаясь на свою совесть и чувства человека чести, — я все еще не решаюсь открыть рот и вызвать в памяти событие, чудовищное само по себе, которое не нашло отклика даже в трудах самых слепых приверженцев отвратительной эпохи. Да, я чувствую определенное отвращение от того, что, по-видимому, общаюсь мысленно, хотя и не на деле, с

врагами Людовика XVI. Я только что перечитал возвышенную смерть этого несчастного политического мученика; я почувствовал, как мои глаза увлажнились слезами при созерцании картины смерти, причиненной неумолимой государственной необходимостью, и я почувствовал, что должен сломать перо, чтобы не смешать свои чернила с еще теплой кровью невинной жертвы. Пусть лучше отсохнет моя рука, чем я лишу Людовика XVI. мантии честности и добродетели, которую безобразиям 93-го не удалось ни запятнать, ни разорвать на лохмотья ". И так далее — М. Лакруа действует только из высокого чувства священного долга искать правду, "добиваться раскрытия фактов, пока не стало слишком поздно", которые могут установить невинность Людовика XVI. Теперь следует отметить, что мсье Лакруа первым обвинил королеву в попытке убийства; его нападение направлено против нее в той же степени, что и на бедного короля, даже больше, чем на него, — в священных интересах исторической правды!

Каковы его свидетельства, толпа свидетелей, документы, которые он собрал? Какие есть доказательства его активной деятельности и свежих исследований? Он не представил ничего, что можно было бы назвать доказательствами, и отказался назвать имена своих свидетелей, когда их попросили назвать. Мы вполне можем понять, что библиофил Джейкоб, возможно, слышал какую-нибудь сплетню, подобную той, которую он рассказывает, и, возможно, поверил в нее, когда писал рассказ; но тогда, где же высокое чувство чести, чуткая совесть, стремление к правде, когда доказано, что его история представляет собой сплетение невероятностей и невозможностей, которые позволяют ему переиздавать и снова переиздавать с интервалом в годы эту жестокую и клеветническую выдумку?

СНОСКА:

[8] Библиофил Жакоб говорит то же самое: "Неудачное завершение реставрации".

Ростовщик Абрам.[9]

В царствование Ираклия, когда Сергей был патриархом Константинопольским, жил в Византии купец по имени Феодор, человек добрый и справедливый, боявшийся Бога и служивший ему всем своим сердцем. Он отправился со своими товарами в порты Сирии и Палестины на большом, хорошо груженном судне, выгодно продал свои товары и повернул свой корабль домой с хорошим грузом шелков и специй, бывших частью продукции ткацких станков далекого Китая, которые караванами доставлялись через Персию и Сирию в торговые центры Средиземноморья.

Было уже поздно в тот год, когда Феодор отправился домой, начали дуть равноденственные штормы, и благоразумие подсказывало ему перезимовать на Кипре; но ему не терпелось вернуться в Византию к своей любимой жене и подготовиться к новому приключению следующей весной.

Но его застиг шторм, когда он плыл вверх по Пропонтиде, и, чтобы спасти судно, ему пришлось выбросить весь груз за борт. Он благополучно добрался до Константинополя, но с потерей

своего имущества. Его горе и отчаяние были чрезмерны. Его жена не смогла утешить его. Он заявил, что устал от мира, что его потеря была послана ему как предупреждение с небес, чтобы он не обращал своего сердца к Маммоне, и что он решил уйти в монастырь и провести остаток своих дней в благочестии.

"Поспеш, муж мой, - сказала жена, - немедленно приведи этот план в исполнение, ибо, если ты будешь медлить, ты можешь передумать".

Явное нетерпение жены избавиться от него несколько охладило пыл Теодора к монашеской профессии, и, прежде чем решиться на бесповоротный шаг, он посоветовался с другом. "Я думаю, дорогой брат, нет, я уверен, что это несчастье постигло меня как указание перста Провидения на то, что я должен отказаться от торговли и заботиться только о спасении своей души".

"Друг мой, - ответил другой, - я не вижу это в том же свете, что и ты. Каждый торговец должен ожидать убытков. Это один из обычных рисков моряков. Абсурдно отчаиваться. Пойдите к своим друзьям и одолжите у них достаточно денег, чтобы снова загрузить свое судно, и попытайтесь счастья еще раз. Вы известны как торговец, вам доверяют как честному человеку, и вам не составит труда собрать требуемую сумму.

Теодор помчался домой и объявил жене, что уже передумал и собирается занять денег.

"Все, что тебе нравится, правильно в моих глазах", - сказала дама.

Затем Теодор обошел своих знакомых, рассказал им о своем несчастье, а затем попросил их одолжить ему достаточно денег, чтобы пополнить запасы на его судне, пообещав выплатить им хороший процент от одолженных денег. Но осень оказалась роковой для большего числа судов, чем у Теодора, и он обнаружил, что никто не был расположен ссудить ему крупную сумму, которую он требовал. Он ходил от двери к двери, но везде его встречал холодный отказ. Разочарованный, с болью в сердце, огорченный тем, что друзья оказались такими недружелюбными, он вернулся домой и сказал своей жене: "Женщина! мир жесток и бессердечен, я больше не хочу иметь с ним ничего общего. Я стану монахом".

"Дорогой муж, сделай это во что бы то ни стало, и я буду очень довольна", - ответила жена.

Теодор всю ночь ворочался в постели, не в силах заснуть; перед рассветом его осенила идея. Был еврей по имени Абрам, который часто уговаривал его обменять свои деньги, но тот неизменно отказывал. Он хотел попробовать этого человека в качестве последнего средства.

Итак, когда наступило утро, Феодор встал и пошел в лавку Аврама. Еврей внимательно выслушал его рассказ, а затем сказал, улыбаясь: "Мастер Теодор, когда ты был богат, я часто просил тебя брать мои деньги и торговать ими в чужих краях, чтобы я мог с выгодой их обменять. Но я всегда сталкивался с отказом. И теперь, когда ты беден, у тебя есть только пустой корабль, ты приходишь ко мне просить займы. Что, если на тебя снова обрушится буря, и на твою долю выпадут крушение и гибель, где мне искать свои деньги? Ты беден. Если бы я продал твой дом, это принесло бы не так уж много. Нет, если я хочу одолжить тебе денег, ты должен предоставить поручителя, к которому я могу обратиться и который вернет мне долг, если с тобой случится несчастье. Иди, найди охрану, а я найду деньги".

Итак, Теодор пошел к своему лучшему другу, рассказал ему об обстоятельствах и попросил его поручиться за него перед евреем.

"Дорогой друг, - ответил он, - я был бы счастлив услужить вам, но я бедный человек, у меня во всем мире нет столько денег, сколько хватило бы. Еврей не принял бы меня в качестве поручителя, он слишком хорошо знает состояние моих дел. Но я сделаю для вас то небольшое, что смогу. Мы вместе пойдем к каким-нибудь купцам и вместе будем умолять их обеспечить тебе безопасность перед евреем".

Итак, двое друзей отправились к богатому купцу, с которым были знакомы, и сказали ему, чего они хотят; но он вспылал, покраснел и сказал: "Прочь вы, ребята; кто когда-либо слышал о такой наглости, как то, что два нищих попрошайки просят такого состоятельного человека, как я, пойти с ними в логово проклятого неверного еврея. Благодарение Богу! Я не имею дел с евреями. Я никогда в жизни ни с кем не разговаривал и никогда не здороваюсь с ними, когда прохожу мимо кого-либо на улице или рынке. Человек, который сегодня идет к евреям, завтра отправляется к собакам, а послезавтра - к дьяволу".

Друзья посетили других торговцев, но с таким же безуспешным результатом. Теодор провел день в посте и отправился в постель без ужина, в полном отчаянии и с все более отчетливой перспективой быть вынужденным надеть рясу монаха, перспектива, которая так или иначе его не прельщала.

На следующее утро он вышел из дома, чтобы рассказать Авраму о своей неудаче. Его путь лежал через большую площадь, называемую Медным рынком, перед императорским дворцом. Теперь там стояло крыльцо, состоящее из четырех колонн, которые поддерживали купол, покрытый медными изразцами, весь увенчанный крестом, на восточной стороне которого, глядя вниз на площадь и через сверкающий Босфор на холмы Азии, стояла большая торжественная фигура Распятого. Это крыльцо и крест были установлены Константином Великим,^[10] и были восстановлены Анастасием.

Когда утром Теодор мчался по Медному рынку, он поднял голову: небо было самого глубокого синего цвета, как у горечавки. На его фоне, сверкая, как золото, в лучах раннего солнца, над сверкающими медными изразцами возвышался огромный крест со святой фигурой на нем. Теодор остановился в своем отчаянии, сомнении и тоске и посмотрел на фигуру. Оно было выдержано в старом, серьезном византийском стиле, очень торжественно, без боли, выраженной в средневековых распятиях, и, как и многие ранние фигуры подобного рода, вероятно, было облачено и короновано.

Внезапное вдохновение овладело погибшим человеком. Он упал на колени, простер руки к сияющей фигуре и воскликнул: "Господи Иисусе Христе! надежда всей земли, единственная опора всех, кто повержен, непоколебимая уверенность тех, кто надеется на Тебя! Все, на кого я мог опереться, подвели меня. У меня нет никого на земле, к кому я мог бы обратиться. Будь же Ты, Господи, поручителем за меня, хотя я недостоин просить об этом". Затем, преисполненный уверенности, он поднялся с колен, побежал к дому Аврама и, ворвавшись к нему, сказал: "Ободритесь, я нашел Поручителя, очень великого, благородного и могущественного. Доверяй своим деньгам, Он сохранит их в целости".

Аврам ответил: "Пусть этот человек придет, подпишет документ и проследит, чтобы деньги были выплачены".

"Нет, брат мой, - сказал Теодор, - пойдем со мной. Я поспешил, чтобы привести тебя к нему".

Затем Аврам пошел с Теодором, который привел его на Медный рынок и велел ему сесть, а затем, подняв палец, указал на священную фигуру, висящую на кресте, и, полный уверенности, сказал еврею: "Там, друг, ты не мог бы быть в большей безопасности, чем Господь неба и земли. Я умоляла Его заступиться за меня, и я знаю, что Он настолько хорош, что не откажет мне".

Еврей был сбит с толку. Минуту или две он молчал, а затем, удивляясь вере этого человека, ответил: "Друг, разве ты не знаешь разницы между верой христианина и еврея? Как ты можешь просить меня принять в качестве твоего поручителя Того, Кого, по твоему мнению, мой народ отверг и распял? Однако я буду доверять тебе, потому что ты богобоязненный и честный человек, и я готов рискнуть своими деньгами".

Итак, они вдвоем вернулись в жилище еврея, и Аврам отсчитал пятьдесят фунтов золота, в наших деньгах около 2400 фунтов стерлингов. Он упаковал деньги в мешки и приказал своим слугам отнести их вслед за Теодором. И Аврам и обрадованный торговец пришли на Медный рынок, и тогда еврей приказал положить мешки с деньгами под Четырехстилем, где находилось большое распятие. Тогда еврей-ростовщик сказал: "Смотри, Теодор, я даю тебе займы здесь, перед твоим Богом". И там, перед лицом великого образа своего Спасителя, Теодор получил ссуду и поклялся честно поступить с евреем и вернуть ему деньги с помощью ростовщичества.

После этого купец купил груз для своего судна, нанял матросов и отплыл в Сирию. Он заходил в порты Тира и Сидона и торговал своими товарами, а взамен купил много богатых восточных продуктов со специями и камедью, и когда его корабль был хорошо загружен, он отплыл в Константинополь.

Но снова его постигло несчастье. Поднялся шторм, и морякам пришлось бросить в жадные волны тюки шелка, мешки с драгоценной камедью и суда восточной чеканки. Но когда корабль начал заполняться, им пришлось сесть в лодку и выбраться на сушу. Корабль перевернулся и его отнесло на мелководье. Когда шторм утих, они добрались до нее, сумели спустить на воду и на потрепанном корабле добрались до Константинополя, благодарные за то, что сохранили свои жизни. Но Теодор был в тяжелом отчаянии, главным образом потому, что потерял деньги Аврама. "Как я осмелюсь посмотреть в глаза человеку, который так щедро обошелся со мной?" сказал он себе. "Что мне сказать, когда он упрекнет меня? Что я могу ответить своему Поручителю за то, что потерял доверенные мне деньги?"

Теперь, когда Аврам услышал, что Феодор прибыл в Константинополь на своем разбитом судне с потерей всего своего груза, он немедленно отправился к нему и нашел этого человека распростертым ниц в его комнате, а пол был мокрым от его слез стыда и разочарования. Аврам мягко положил руку ему на плечо и сказал добрым голосом: "Встань, брат мой, не унывай; воздай славу Богу, который правит всем по Своей воле, и следуй за мной домой. Бог распорядится, чтобы все было к лучшему".

Тогда купец встал и последовал за евреем, но тот не поднимал глаз от земли, потому что ему было стыдно смотреть ему в лицо. Аврам был встревожен горем своего друга и сказал ему, закрывая дверь своего дома: "Пусть твое сердце не будет разбито чрезмерным горем, дорогой друг, ибо это признак мудрого человека - переносить все с твердостью ума. Смотри! Я снова готов одолжить тебе пятьдесят фунтов золота, и пусть на этот раз тебе улыбнется удача. Я верю, что наш Бог благословит эти деньги и приумножит их, так что в конце концов мы ничего не потеряем из-за нашего прежнего злключения".

"Тогда, - сказал Теодор, - Христос снова будет обеспечивать меня. Отнеси деньги в Тетрастиль".

Поэтому снова мешки с золотом были принесены к кресту, и когда они были переданы купцу, Аврам сказал: "Прими, мастер Теодор, эту сумму в пятьдесят фунтов золота, выплаченную тебе под твое Поручительство, и иди с миром. И пусть Господь Бог благословит тебя в твоём путешествии и прояснит путь перед тобою. И помни, что перед этим твоим Поручительством ты связан со мной за сто фунтов золота".

Сказав это, Аврам вернулся домой. Феодор отремонтировал и перезарядил свой корабль, нанял моряков и приготовился к отплытию. Но в тот день, когда он собирался уходить, он зашел на Медный рынок и, преклонив колени, обратив лицо к кресту, помолился Господу, чтобы он был его спутником и капитаном, и вел его в этом путешествии, и провел его невредимым через все опасности с его товаром обратно в Византию.

Затем он отправился в дом Аврама, чтобы попрощаться с ним. И еврей сказал ему: "Береги себя, брат, и остерегайся теперь оставлять свой корабль в море во время равноденственных штормов. Ты дважды подвергался риску, не подвергайся ему снова. Перезимууй там, куда ты направляешься, и, чтобы я мог знать, как у тебя дела, если у тебя будет возможность, пришли мне немного денег верной рукой. Тогда меньше шансов на полное разорение, потому что, если одна часть выйдет из строя, другая, скорее всего, будет в безопасности".

Теодор одобрил этот совет и пообещал последовать ему; и тогда еврей и христианин расстались с большой любовью и взаимным уважением, ибо каждый знал другого как хорошего и правдивого человека, боящегося Бога и стремящегося поступать правильно. На этот раз Теодор повернул свой корабль носом на Запад, намереваясь доставить свои товары на рынки Испании. Он благополучно прошел Геркулесов пролив и поплыл на Север. Затем с Юга подула череда устойчивых сильных бризов и понесла его дальше, так что он не мог войти в гавань, пока не достиг Британии. Он бросил якорь в бухте на суровом побережье Корнуолла, в самом центре добычи олова и свинца, в Касситеридах, издревле славившихся поставками руды, ценной для изготовления бронзы. Он с готовностью избавился от всего своего товара и купил столько олова и свинца, сколько мог вместить его корабль. Его товары продавались так хорошо, а олово и свинец были так дешевы, что он обнаружил, что у него есть пятьдесят фунтов золота в дополнение к грузу.

Обратное путешествие из Британии в Византию было долгим и опасным, и Теодору было не по себе. Там, где он был, он не нашел других кораблей из Константинополя, и не представилось никаких средств для частичной отправки денег обратно, как он обещал. Он был добросовестным человеком и хотел сдержать свое слово.

Он отплыл из Корнуолла еще до окончания лета, благополучно прошел через проливы в Средиземное море, но не видел никаких шансов добраться до Константинополя раньше зимы.

Он больше не хотел рисковать своим судном во время штормов равноденствия и решил перезимовать на Сицилии. Он прибыл туда слишком поздно в том году, чтобы успеть отправить Авраму послание и деньги. Его смутило это обещание, и он стал обдумывать, как сдержать свое слово.

Наконец, в простой вере, которая окрасила всю жизнь этого человека, он сделал очень прочный деревянный ящик и хорошо просмолил его изнутри и снаружи. Затем он вложил в него пятьдесят фунтов золота, которые заработал на своих товарах в Британии сверх груза свинца и олова, а к деньгам приложил письмо, составленное в следующих выражениях:

"Во имя моего наследника и Бога, моего Господа и Спасителя Иисуса Христа, который также является моим Поручителем в получении крупной суммы денег, я, Теодор, смиренно обращаюсь к моему учителю Авраму, который, перед Богом, является моим благодетелем и кредитором.

- Я хотел бы, чтобы ты знал, мастер Абрам, что все мы, по милости Божьей, пребываем в добром здравии. Воистину, Бог даровал нам процветание и доставил наши товары на хороший рынок. А теперь смотрите! Я посылаю тебе пятьдесят фунтов золота, которые вверяю попечению моего Поручителя, и он в целости и сохранности передаст деньги в твои руки. Прими их от меня и не забывай нас. Прощай".

Затем он закрыл шкатулку, поднял глаза к небу и помолился Богу, говоря: "О Господь Иисус Христос, Посредник между Богом и Людьми, Обитающий на Небесах, но имеющий уважение к смиренным; услышь голос твоего слуги сегодня; поскольку Ты показал себя передо мной хорошим Поручителем, я надеюсь, что Ты вернешь моему благодетелю и кредитору Авраму деньги, которые я обещал послать ему. Уповаю на Тебя, Господь, я предаю эту маленькую шкатулку морю!"

С этими словами он швырнул шкатулку с золотом и письмом в волны; и, стоя на утесе, наблюдал, как она плывет по воде, поднимаясь и опускаясь на сверкающих волнах, постепенно уносимая все дальше и дальше в море, пока не скрылась из виду, а затем, не сомневаясь ни в чем, кроме того, что Господь Христос позаботится о маленькой шкатулке и проведет ее через водную пустошь по назначению, он вернулся к себе домой и рассказал лоцману, что он сделал. Моряк молчал, удивляясь про себя великой вере своего господина. Затем его грубое сердце смягчилось, и он преклонил колени, благословляя и восхваляя Бога.

Той ночью Теодору приснился сон, и утром он рассказал его пилоту.

"Я думал, - сказал он, - что я снова в Византии и стою на Рынке Меди перед большим крестом с изображенным на нем Христом. И мне почудилось во сне, что Абрам был рядом со мной. И я посмотрел и увидел, как он поднял руки и взял в них шкатулку, и огромная фигура Христа сказала: "Смотри, Абрам, я отдаю тебе то, что Теодор доверил моему попечению". И вслед за этим я проснулся, дрожа. Так что теперь я вполне удовлетворен тем, что золото находится в надежном месте и безошибочно достигнет места назначения".

Прошло лето, осенние штормы пронеслись над серым морем и сорвали с деревьев последние красновато-коричневые листья; наступила зима, но Абрам не получал никаких известий о Теодоре.

Он не сомневался в добросовестности своего друга, но начал опасаться, что ему не повезло. Он рисковал крупной суммой и сильно пострадал бы, если бы этот груз пропал, как предыдущий. Он обсудил этот вопрос со своим управляющим и рассмотрел его со всех мыслимых точек зрения. Беспокойство постоянно приводило его на берег, чтобы понаблюдать за прибывающими кораблями, надеясь услышать новости от кого-нибудь из них и вернуть часть своих денег. Он едва ли ожидал возвращения Теодора после данных им указаний не рисковать своим судном в сезон штормов.

Однажды он прогуливался со своим управляющим по берегу моря, когда волны были более бурными, чем обычно. Не было видно ни одного корабля. Все находились на зимних квартирах. Аврам снял сандалии и начал омыwać ноги в морской воде. Делая это, он заметил что-то плавающее на небольшом расстоянии. С помощью своего управляющего он выудил черный от смолы ящик, прочно запаянный, похожий на цельный деревянный куб. Движимый любопытством, он отнес шкатулку домой и с небольшим трудом взломал ее. Внутри он нашел письмо без адреса, но помеченное тремя крестиками, и мешочек с золотом. Вряд ли нужно говорить, что это была шкатулка, которую Феодор доверил Христу, и его Поручитель оправдал Его доверие и передал ее в руки кредитора.

Следующей весной Феодор благополучно вернулся в Константинополь. Как только он сошел на берег, он поспешил в дом Аврама, чтобы рассказать ему о результатах своего путешествия.

Еврей-ростовщик, желая доказать это, притворился, что не понимает, когда Теодор рассказал, как он послал ему пятьдесят фунтов золота, и сделал вид, что не получал денег. Но торговец был полон уверенности, и он сказал: "Я не могу понять этого, брат, потому что я вложил деньги в шкатулку вместе с письмом и передал их на хранение моему Спасителю Христу, Который выступил Поручителем за меня, недостойного. Но поскольку ты говоришь, что не получал их, пойдем со мной, и давай вместе подойдем к распятию и скажем перед ним, что тебе не передавали деньги, и тогда я поверю твоему слову".

Аврам пообещал сопровождать своего друга, и, поднявшись со своих мест, они вместе отправились на Медный рынок. И когда они подошли к Четырехстилю, Теодор поднял руки к Распятому и сказал: "Мой Спаситель и Поручитель, разве Ты не вернул Авраму золото, которое Я доверил Тебе для этой цели?"

В вере этого человека было что-то настолько удивительное, настолько прекрасное, что Аврам был побежден; и к тому же доказательство того, что она не была неуместной, было настолько ясным для еврея, что свет убеждения, подобно ослепительному солнечному лучу, пронзил его душу, и Теодор увидел, как еврей-ростовщик упал ниц на мостовую, почти теряя сознание от охвативших его эмоций.

Теодор побежал, набрал в ладони воды, побрызгал себе в лицо и привел ростовщика в чувство. И сказал Аврам: "Жив Бог, друг мой, я не войду в свой дом, пока не приму твоего Господина и Поручителя за моего Господина". Начала собираться толпа, и по всему миру разнесся слух, что еврейский ростовщик добивался крещения. И когда эта история достигла ушей императора

Ираклия, он прославил Бога. Так Аврам был поставлен под наставление и был крещен патриархом Сергием.[\[11\]](#)

И по прошествии семи дней была устроена торжественная процессия по улицам Константинополя к Медному рынку, в которой участвовали император, патриарх и все духовенство города; и ящик, в котором находились деньги, был перенесен ими в Тетрастиль и оставлен вместе с золотом и письмом перед образом, чтобы быть памятником того, что произошло, для всех поколений. И с тех пор распятие получило общее название Antiphonetos, или Поручитель.

Что же касается олова и свинца, которыми было снаряжено судно Феодора, то они были проданы за большую цену, так что и он, и Аврам получили от этой сделки крупную сумму. Но ни один из них не захотел оставить себе какую-либо часть этого, а отдал все это церкви Святой Софии, и вместе с тем часть святилища была покрыта серебром. Затем Феодор и его жена, по обоюдному согласию, оставили мир и удалились в монашество.

Впоследствии Аврам построил и снабдил молельню близ Тетрастиля, и Сергей рукоположил его в священники, а двух его сыновей - в диаконы.

Так заканчивается эта странная и очень красивая история, которую я просто сжал из несколько пространного повествования византийского проповедника. Читатель, вероятно, согласится со мной, что если бы проповеди в 19 веке были такими же занимательными, как в 10 веке, то меньше людей засыпало бы во время их чтения.

Я рассказал эту историю так, как ее рассказал проповедник. Но есть причины, которые вызывают подозрение, что он несколько ошибся в датах; но, тем не менее, эта история действительно не лишена фактического основания. Ближе к концу речи проповедник указывает на амвон и тузиастерион и просит своих слушателей обратить внимание на то, что они покрыты серебром, и это, по его словам, было то серебро, которое Аврам, богатый еврейский ростовщик, и Теодор, купец, пожертвовали церкви Святой Софии.

Так получилось, что у нас есть современное свидетельство об этом покрытии святилища серебром; мы знаем из- под пера Прокопия Газского, что это произошло в правление Юстиниана в 537 году нашей эры.[\[12\]](#)

Это было подготовительным мероприятием к освящению великой Церкви, когда император и богатые граждане Византии щедро пожертвовали средства на украшение великолепного здания.

Мы вполне можем понять, почему новообращенный и благодарный торговец были увлечены потоком всеобщего энтузиазма и отдали все свое серебро на обшивку святилища новой церкви. Прокопий сообщает нам, что на эту работу было потрачено сорок тысяч фунтов серебра. Однако не все это могли дать Аврам и Феодор.

Если бы это была дата обращения Аврама, то вместо Ираклия мы должны были бы прочитать Юстиниан, а вместо Сергия - Меннас. Поскольку проповедь была произнесена только четыреста лет спустя, ошибку можно объяснить тем, что одного имперского благодетеля Церкви приняли за другого.

Теперь о временах Юстиниана мы знаем из других источников, что был обращенный еврей по имени Абрам, который основал и построил церковь и монастырь в Константинополе, и который в последующие времена был известен как монастырь Абрамитов. Об этом нам рассказал Иоанн Мосх. Мы не можем установить точную дату основания, Мосх слышал о 600 году н.э. от аббата Иоанна Рутила, который слышал это от Стефана Моавитянина, что монастырь Аврамитов был построен Аврамом, который впоследствии был возведен в митрополию Эфеса. Таким образом, мы можем отнести основание монастыря примерно к 540 году н.э.

Теперь Аврам Эфесский сменил Прокопия, который был епископом в 560 году; а его преемником был Руфин в 597 году. Дата возведения Аврама на митрополичий престол Эфеса точно неизвестна, но, вероятно, это было около 565 года.

Существует, конечно, много предположений в связи с таким отождествлением ростовщика Абрама с Абрамом, епископом Эфесским; но, безусловно, существует вероятность того, что они были идентичны; и если это так, то сохранилась еще одна милая история об этом добром человеке. Построив монастырь в Константинополе, Мосх рассказывает нам, что Аврам отправился в Иерусалим, дом, к которому естественно обращается еврейское сердце, и там принялся за возведение еще одного монастыря. Теперь среди рабочих, занятых на строительстве, был каменщик, который ел, но скудно, ни с кем не разговаривал, но работал усердно и много молился в часы отдыха от работы.

Абрам заинтересовался этим человеком, позвал его к себе и узнал от него его историю. Это было так. Масон был монахом в Феодорианском монастыре вместе со своим братом. Брат, уставший от жизни, ушел и впал в серьезные нравственные расстройства. Затем этот человек, ныне действующий как масон, последовал за ним, сбросил свой капюшон и взялся за тот же ежедневный труд, что и заблудший брат, чтобы он мог быть с ним, ожидая своего часа, когда с помощью совета или примера он сможет увести молодого человека от его греховной жизни. Но хотя он отбросил внешние знаки своего монашества, он соблюдал правила жизни настолько строго, насколько это было возможно, культивируя молитву, безмолвие и пост. Тогда Абрам, глубоко тронутый, сказал монаху-каменщику: "Бог посмотрит на твое братское милосердие; наберись мужества, Он отдаст тебе твоего брата по твоему прошению".

СНОСКИ:

[9] Этот отчет взят из проповеди, произнесенной в церкви Святой Софии в Константинополе в православное воскресенье, напечатанной Комбефизиусом (*Auctuarium novum, pars post. col. 644*), из рукописи Национальной библиотеки в Париже. Другой экземпляр проповеди находится в библиотеке в Турине. Вероятная дата написания - десятый век. Православное воскресенье было установлено только в 842 году.

[10] Эта знаменитая фигура была низвергнута и разбита Львом Исаврийцем в 730 году, последовал бунт, рыночные женщины мешали солдатам, которые снимали фигуру, они встряхнули лестницы и сбросили с ног того, кто рубил лицо фигуры. Это привело к казни десяти человек, среди них Григория, начальника телохранителей, и Марии, дамы императорской семьи. Императрица Ирина установила на его месте мозаичную фигуру. Это было снова разрушено Львом Армянином и снова восстановлено после его смерти Феофилом в 829 году.

[11] Сергей был патриархом Константинопольским между 610 и 638 годами. Он принял монофелитскую ересь.

[12] Фабрициус, Библ. Грека, Изд. Харлес, Т.Х. стр. 124, 125.

Sophie Apitzsch.

- Некоторые рождаются великими, - сказал Мальволио, гордо расхаживая перед Оливией в желтых чулках с подвязками крест-накрест. - Некоторые достигают величия, - и с улыбкой добавил: - некоторым навязывают величие".

Из последних была Софи Сабина Апицч. Она не родилась великой, она была дочерью оружейника. Вряд ли можно сказать, что она достигла величия, хотя она и приобрела дурную славу; то величие, которым она обладала, было навязано ей, и она не совсем отказывалась принять его. Но величия было немного, и описание его было неоднозначным. Некоторое время к ней относились как к переодетому принцу, а затем она стала темой оперы, драмы и романа. В течение ста лет ее сапоги с берцами хранились как исторические реликвии в архивах Саксонского дома, пока в 1813 году казак русской армии, проезжавший через Аугустенбург, не увидел их, пожелал примерить и ушел с ними; и ее сапоги вошли в Париж вместе с союзниками.

Примерно в двадцати пяти милях от Дрездена в 1714 году жила пара землевладельцев, одного звали Фолькмар, а другого фон Гюнтер, которые пылали пламенной враждебностью друг к другу, и причиной разногласий было то, что последний писал себя фон Гюнтер. Теперь, если поставить фон перед именем, это имеет большое значение: это очищает, нет, изменяет цвет крови, превращая ее из красной в синюю. Никто в Германии не может добавлять приставку *von* к своему имени, как любой человек в Англии может добавлять *Esq.* к своему. Он должен получить разрешение в виде дворянской грамоты от своего государя.

Георг фон Гюнтер незадолго до этого был просто Георгом Гюнтером, но в 1712 году он получил титул от императора Карла VI. патент на благородство, или аристократизм, за границей одно и то же, и мотивом, побудившим его священное апостольское величество выдать патент, было — как указано в нем — то, что предок Георга Гюнтера с тем же именем "сел за стол с курфюрстом Иоанном Георгом II Саксонским"; и было немыслимо, чтобы простому гражданину позволили это сделать, если только в нем не было хоть капли благородства. Георг фон Гюнтер владел поместьем, которое представляло собой рыцарский гонорар, в Егерхофе, и, кроме того, он был верхним лесничим и управляющим рыболовством короля-курфюрста Саксонии, а также шерифом Хемница и Франкенберга. Ему удалось выдать своих дочерей замуж за людей, благословленных фон перед их именами: одну - за фон Бретшнейдера, военного тайного советника, другую - за майора фон Веллнера.

Так вот, все это было желчью и полынью для советника по сельскому хозяйству Даниэля Фолькмара, который жил на отцовских акрах в Хецдорфе, где он был наследственным главным судьей в силу своего господства над акрами. Этот человек тщетно пытался стать благородным. Он не мог обнаружить, чтобы кто-либо из его предков сидел за столом с курфюрстом; и, возможно, он не мог наскрести достаточно денег, чтобы заставить его священное апостольское

величество не обращать внимания на этот недостаток. Поскольку он не мог получить диплом, он искал, как бы ему навредить своему более удачливому соседу, и делал это, следя за его действиями, следя за пренебрежением своими обязанностями по отношению к рыбам или дичи и анонимно сообщая о нем в штаб-квартиру. Гюнтер достаточно хорошо знал, кто пытался причинить ему вред, и, как полагал Фолькмар, пригласил кого-то из егерей застрелить его; соответственно, Фолькмар никогда не ездил верхом или гулял по окрестностям королевских лесов и рыбных прудов без оружия и без слуг с заряженными мушкетами.

Однажды к нему пришел брат-судья по имени Пекель по делу, которое его озадачило. В районе, находящемся под его юрисдикцией, появился молодой человек, высокий, хорошо сложенный, красивый, но слегка изъязвленный оспой, который был арестован полицией за то, что дул в охотничий рог. Теперь низменные губы не могли прикасаться к охотничьему рогу, и для любого другого человека, кроме дыхания, вырывающегося из благородных легких, издавать ноту на таком роге было противозаконно.

"О, — сказал Фолькмар, - если он это сделал и не джентльмен - заприте его. Как его зовут?"

- Он называет себя Карлом Марбицем.

- Но я, даже я, не могу протрубить в рог — этот негодяй Гюнтер может. Разберитесь с этим типом Марбицем со всей строгостью.

— Но... предположим, у него может быть необходимая квалификация?

- Как он может обходиться без буквы "фон" перед своим именем?

- А что, если он переодетый дворянин или кто-то еще выше?

- Что, переоделся? Путешествуешь инкогнито? Нашего наследного принца нет в Дрездене.[\[13\]](#)

- Вот именно. Ходят всевозможные слухи об этом молодом человеке, который на самом деле примерно того же возраста, что и наследный принц; он останавливался у пекаря в Ауэ и там трубил в рог".

- Я пойду с тобой и повидаясь с ним. Я внесу за него залог. Пусть он придет ко мне. Ха-ха! George von Günther, hah-hah!"

Итак, Фолькмар, уже более чем наполовину склонный верить, что трубач - переодетый принц, поехал к месту, где тот находился в заключении, увидел его и утратил те немногие сомнения, которые у него были. Прямая осанка, аристократические черты лица, сдержанные манеры - все свидетельствовало о чистейшей голубой крови — все было проблесками того ореола, который окружает суверенитет.

Наследный принц Саксонии был в отъезде — как утверждалось, во Франции — совершал большое турне, но не было ли более вероятно, что он объезжал герцогство Саксония, выясняя нужды и обиды народа? Если так, то кто мог бы лучше помочь ему разобраться в этих вещах, чем он, Фолькмар, и кто мог бы лучше раскрыть ему глаза на правонарушения высокопоставленных чиновников с высокой зарплатой, особенно рыбных и лесных?

"Есть одна вещь, которая поколебляет мою веру", - сказал Пекель: "Наш наследный принц не болен оспой".

- Это ерунда, - с готовностью ответил Фолькмар. "Его Безмятежность подхватил заразу, проводя свои исследования среди людей".

— И потом, он так бедно одет.

"Это ничто — это совершенство маскировки".

Фолькмар проводил молодого человека до своего дома и выказал ему величайшее уважение, настоял на том, чтобы он сел в карету лицом к лошадям, и ни в коем случае не хотел занимать место рядом с ним, но почтительно уселся напротив.

По прибытии в Хецдорф Фолькмар представил свою жену и дочь Иоанну уважаемому принцу, который вел себя с ними очень любезно и с самым учтивым видом выразил свое восхищение приготовленной для него комнатой.

Был подан ужин, и обсуждались политические вопросы; сдержанность, с которой гость относился к этим предметам, осторожность, с которой он выражал свое мнение, укрепили в сознании Фолькмара убеждение, что он застал наследного принца путешествующим инкогнито. После того как слуги удалились и было выпито много вина — лучшего в погребе, — хозяин доверительно прошептал: "Я достаточно ясно вижу, кто вы".

"В самом деле, — ответил гость, - я могу сказать вам, кто я по профессии оружейник".

- Ах, ха! но по рождению — чему? - лукаво спросил Фолькмар, поднимая бокал и подмигивая поверх него.

"Что ж, — ответил гость, - я признаю это - я не тот, кем кажусь".

— А могу я еще спросить вашего — я имею в виду вас - где вы находитесь дома?

"Я дитя Саксонии", - последовал ответ.

Впоследствии, на суде, подсудимый настаивал на том, что именно такой был дан ответ, тогда как Фолькмар утверждал, что это были слова: "Я потомок Саксонского дома". Но не может быть никаких сомнений в том, что его воображение дополнило реально использованные слова теми, которые он хотел услышать.

- Оспа изменила тебя с тех пор, как ты покинул дом, - сказал Фолькмар.

- Весьма вероятно. Я переболел оспой с тех пор, как покинул свой дом.

Фолькмар немедленно предоставил свой дом, слуг и кошелек в распоряжение гостя, и его предложение было с готовностью принято.

Теперь целесообразно вернуться назад и объяснить ситуацию, рассказав раннюю историю этого человека, который проходил под именем Карла Марбица, оружейника; но которого многие

люди подозревали в том, что он не тот, за кого себя выдавал, хотя только Фолькмар, Пекель и еще один или двое предполагали, что он наследный принц Саксонии.

Софи Сабина Апиш родилась в Люнценау в Саксонии в 1692 году, была хорошо воспитана, ходила в школу, научилась писать орфографически и имела неплохие общие знания по истории и географии. Когда она окончила школу, ее отец нанял ее по профессии оружейника. Она была высокой и красивой, несколько мужеподобной — по прошествии лет в ее сапоги залез казак - переболела оспой, которая, впрочем, лишь слегка обезобразила ее. В 1710 году у нее появился поклонник, егерь Мельхиор Леонхарт. Но Софи испытывала укоренившуюся неприязнь к браку и три года не пускала своего любовника к себе, пока отец безапелляционно не приказал ей выйти замуж за Мельхиора и не назначил день свадьбы. Затем Софи однажды вечером сняла свою собственную одежду, надела лучший костюм своего отца и ушла в мужской одежде, а вскоре после этого появилась в Анспахе под вымышленным именем в качестве помощницы парикмахера. Здесь у нее возникли трудности с полицией, так как у нее не было документов, подтверждающих ее законность, и, чтобы избежать их, она завербовалась в армию. Она носила мушкет всего месяц, дезертировала и возобновила свою бродячую жизнь в гражданской одежде, в качестве помощницы цирюльника, и приехала в Лейпциг, где поселилась в "Золотом петушке". Как она овладела этим искусством и как оно понравилось тем, на чьих лицах она проводила свои эксперименты с бритвой, нам не рассказывают.

В "Золотом петухе" поселилась атлетически сложенная дама по имени Анна Франке, полная, мускулистая, способная поднимать большие тяжести зубами и рывком перекидывать их через плечи. Анна Франке ежедневно демонстрировала свои способности и на вырученные средства содержала себя и свою дочь, семнадцатилетнюю девочку. Полная и мускулистая леди также танцевала на натянутом канате, который при ее прыжках действовал как натянутая тетива лука, подбрасывая спортсменку высоко в воздух.

Фрейлейн Франке очень быстро влюбилась в прекрасного молодого парикмахера и предложила своей матери взять герра Карла в концерн, поскольку он был бы полезен, чтобы натягивать веревки и ходить за медяками. Софи отнюдь не возражала, чтобы ее гостиничный счет был оплачен на таких условиях, но когда, наконец, жизнерадостная мамаша объявила, что рука ее дочери в распоряжении Карла, ситуация стала еще более неловкой, чем дома, из которого сбежала Софи. Парикмахерша оставалась на своем месте так долго, как могла, но в конце концов, когда ласки дочери стали угнетающими, а настойчивое требование матери о скорейшем бракосочетании раздражающим, она притворилась, что сначала нужно посоветоваться с отцом, который был представлен как состоятельный гражданин Гамбурга. По этой просьбе Софи одолжила у матушки Франке необходимые деньги на дорогу и уехала, пообещав вернуться через несколько недель. Вместо того чтобы выполнить свое обещание, Софи написала, чтобы попросить дальнейший аванс денег, а когда в этом было отказано, вообще исчезла из поля зрения спортсменки и ее дочери.

Во время этого второго побега от брака Софи Апиш встретила с оружейником по имени Карл Марбиц и тем или иным способом ухитрилась завладеть его пропуском, оставив ему вместо него документ, удостоверяющий личность, выписанный на имя Карла Готфрида, который старая мамаша Франке убедила полицию выдать молодому парикмахеру, который был помолвлен с ее дочерью.

В июне 1714 года Софи под именем Марбиц появилась в Эрцгебирге, горной цепи, отделяющей Саксонию от Богемии, и попрошайничала, переезжая с места на место, выдавая себя за безработного школьного учителя. Побродив некоторое время по городу, она сняла комнату у пекаря в Эльтерлейне. Вот тут-то впервые и возникло подозрение, что она была персоной более значительной, чем показывала. До ближайшего магистрата дошел слух, что там находится таинственный незнакомец с лентой и звездой какого-то ордена, и он немедленно отправился туда, чтобы навести справки, но обнаружил, что у Софи нет ни ленты, ни ордена, и что в ее документах по всей форме указано, кто и что она такое. В это время она заболела в доме булочника, и мужчина, возможно, тронутый слухами о ней из-за границы, был готов выдать ей аванс в размере 6 или 7 фунтов стерлингов. Выздоровев, она покинула деревню, где была больна, и переехала в другую, где поселилась у другого пекаря по имени Фишер, которому помогала в его ремесле или упражнялась в игре на охотничьем рожке.

Именно это развлечение привело ее в беду. Возможно, она не знала, что рожок был зарезервированным инструментом, на котором не могли играть люди низменного происхождения.

В то время, когда Фолькмар забрал ее из тюрьмы и увез в своем экипаже в свой особняк, у нее не было ни гроша, она была в поношенном черном пальто, плохо заштопанных чулках и с волосами, в которых очень не хватало пудры.

До сих пор ее окружение принадлежало к низшим классам; она превосходила их по образованию, морали и характеру и в какой-то степени навязывалась им. Они признавали в ней неопределенное достоинство и тихую сдержанность, с неоспоримым превосходством в достижениях и общем тоне ума, и это они приписывали ее принадлежности к значительно более высокому классу общества.

Теперь же она внезапно оказалась в других условиях жизни, в которых никогда раньше не бывала; но она не потеряла головы; она сохраняла ту же осторожность и сдержанность и ни разу не выдала своего невежества, чтобы вызвать подозрение, что она не была той, за кого ее упорно считали люди. Она была достаточно проницательна, чтобы ни словом не скомпрометировать себя, и впоследствии, когда предстала перед судом, настаивала на том, что ни разу не утверждала, что она кто-то другой, а не оружейник Карл Марбиц. Другие воображали, что она принц, но она ни словом не поощряла их в этом заблуждении. Это, без сомнения, было правдой, но она принимала предлагаемые почести и подарки, сделанные ей под этим ошибочным впечатлением, без попытки открыть глаза обманутым на их собственную глупость.

Возможно, это было больше, чем от нее можно было ожидать. "Глупость, — сказал клоун в "Двенадцатой ночи", — разгуливает по светилу, подобно солнцу; она сияет повсюду" — а что такое дураки, как не естественная добыча умных?

Софи была больна, доведена до крайней нищеты, нуждалась в хорошей пище, новой одежде и крове; ей предлагали все, даже навязывали. Была ли она призвана отвергнуть их? Она думала, что нет.

Теперь, когда у Фолькмара под крышей поселился предполагаемый принц, он открыл свой дом для всех соседей и пригласил всех знакомых джентльменов, за исключением фон Гюнтеров. Он подарил принцу плащ из алой ткани, расшитый золотом, новую шляпу, подарил ему лошадь,

наполнил его кошелёк и снабдил его теми самыми сапогами, в которых столетие спустя казак вошел в Париж.

Хозяин и хозяйка дома обращались к ней "Ваше высочество" и "Ваша светлость", и они пытались поцеловать ей руку, но она отмахнулась от этих проявлений подобострастия, сказав: "Оставим это — мы будем относиться друг к другу как к обычным людям". Однажды Фолькмар лукаво спросил ее: "Что бы сказал твой августейший отец, если бы узнал, что ты здесь?"

"Он был бы удивлен", - вот и весь ответ, который удалось вытянуть из нее. Однажды в газете появилась информация о том, что наследный принц делал в Париже со своим наставником и сопровождающими. Фолькмар указал ей на это, подмигнув, сказав: "Не думай, что меня можно обмануть подобными попытками обмануть общественность".

По утрам, когда псевдопринц выходил из спальни, за дверью стоял герр Фолькмар со шляпой в руке и кланялся. Однажды, предлагая ей понюшку табаку из золотой *табатьерки*, он заметил, что ее взгляд остановился на ней; он сразу же сказал: "Раньше это принадлежало Кенигсмарку".

"Тогда, - ответила она, - на нем будут двойные инициалы. "А" означает "Аврора".

Итак, рассуждал Фолькмар, откуда его гостю было знать скандальную историю Августа I и прекрасной Авроры Кенигсмарк, матери знаменитого французского маршала, если он не принадлежал к королевской семье Саксонии?[14] Он не учел, что о судебном скандале говорят повсюду и у всех на устах. Затем он подарил ей табакерку. Затем он купил для нее набор серебряных тарелок для обложки, а также заказал ленту и бриллиантовую звезду, потому что человек такого высокого ранга не должен был появляться без украшения! Как впоследствии сказала девушка на суде, ей стоило только намекнуть на желание чего-либо, и оно тут же исполнялось. Хозяин несколько утомил ее политическими рассуждениями; он желал произвести впечатление на свою знатную гостью, какой он политический гений, и про себя решил стать премьер-министром Саксонии вместо павшего Байхлингена, который, как говорили, заработал на государстве столько денег, что мог купить целое княжество, и который, действительно, отчеканил медаль со своим гербом, увенчанным княжеской короной.

Но честолубие Фолькмара шло дальше. Как уже говорилось, у него была дочь — скромница Джоанна; какая великолепная возможность была в руках коварных родителей! Если юный принц проникнется привязанностью к Джоанне, он, несомненно, добьется, чтобы император присвоил ей звание принцессы, и таким образом Фолькмар увидит свою Джоанну королевой Польши и курфюрстиной Саксонии. Он и фрау Фолькмар были слишком хорошими людьми, чтобы замышлять заполучить для своей дочери такое место, какое старый Кенигсмарк занимал при правящем государе. Кроме того, Кенигсмарк была всего лишь создана графиней, а кто будет стремиться стать графиней, когда она могла бы стать королевой? и фаворитка, когда, хорошо разыграв свои карты, она могла бы стать законной женой?

Итак, пожилая пара швырнула Джоанну на голову своего гостя и сделала все возможное, чтобы опутать его. Тем временем фон Гюнтеры пылали завистью и яростью. Они сомневались в том, что фолькмары поселили Наследного принца у себя, не больше, чем сами фолькмары. Вся округа стекалась на приемы, даваемые в его честь в Хетцдорфе; только фон Гюнтеры не допускались. Но фон Гюнтер встретил таинственного незнакомца на одном или двух ответных

празднествах, устраиваемых дворянами, которых принимали в Хетцдорфе, и он смело воспользовался одним из таких случаев, чтобы пригласить его высочество нанести ему визит в его "маленьком поместье"; и, что было больше, чем он ожидал, предложение было принято.

На самом деле Апиш, который дважды сбегал от брака, снова был смущен нежностью Джоанны и честолюбием родителей.

Ужас фолькмаров не поддается описанию, когда их гость сообщил им, что собирается нанести визит ненавистным соперникам.

Софи увезли в карете фон Гюнтера, слуги нарядили ее по этому случаю в новые ливреи, и она была принята и угощена лучшими гостями Егерхофа. Здесь же были приготовлены подарки; среди прочего, серебряную скатерть для стола подарила ей дочь хозяина, которая вышла замуж за майора и надеялась, что взамен ее муж дослужится до генерала.

Ее водили смотреть королевский замок Августусбург, и здесь возникают небольшие расхождения в показаниях относительно наблюдения, которое она сделала в часовне, где, как оказалось, не было органа. На суде утверждалось, что она сказала: "Я должна заказать орган", но она положительно поклялась, что сказала: "Орган должен быть предоставлен". Ее также отвезли в особняк герцога Гольштейнского в Вайсенбурге, где она купила одну из его лошадей, то есть согласилась взять ее и позволила хозяевам найти деньги.

Визит к фон Гюнтерам не продлился и десяти дней, а затем она снова вернулась к фолькмарам, к их несказанному восторгу. Почему она оставалась в Егерхофе так недолго, не выясняется. Возможно, она находилась там больше из страха разоблачения, чем в Хетцдорфе. Теперь, когда фолькмары вернули ее к себе, они не выпускали ее из виду. Они приставили к ней двух слуг в ливреях; они заверили ее, что ее отсутствие так подействовало на Джоанну, что девушка только и делала, что плакала и отказывалась есть. Они начали настаивать в интересах своей дочери на объявлении о намерениях и на том, чтобы были начаты переговоры с императором о получении для нее титула принцессы Священной Римской империи в качестве предварительного условия для бракосочетания.

Софи Апиш поняла, что ей снова придется удирать, чтобы избежать обручального кольца, и огляделась в поисках подходящей возможности. Но от наблюдения фолькмаров было никуда не деться, они были встревожены, как бы их гость снова не отправился к ненавистным фон Гюнтерам.

Для фолькмаров было бы лучше, если бы они держали "принца" под менее пристальным наблюдением и позволили ему преуспеть в его попытках сбежать. Это было бы им на руку во многих отношениях.

Прошло две или три недели, а лошадь, купленная у герцога Голштинского, так и не была отправлена. На самом деле герцог, когда ему сообщили об этом, был озадачен. Он знал, что наследный принц был в Париже и не мог посетить его конюшни, и пообещал купить его лошадь. Поэтому он навел справки, прежде чем согласиться расстаться с лошадью, и пузырь сразу же лопнул. Полиция прибыла в Хетцдорф, чтобы арестовать претендентку и доставить ее в Августусбург, где она была заключена в тюрьму до суда. Это было в феврале 1715 года. В тюрьме у нее случился апоплексический удар, но она поправилась. В 1716 году суд Лейпцига вынес ей приговор, согласно которому она должна быть публично изгнана из страны. То есть ее

отправляли из города в город и пороли на рыночной площади каждого, пока не отправили за границу. Учитывая, что у нее был insult, король заменил приговор поркой наедине и тюремным заключением по усмотрению его величества.

Похоже, что тюремщик Вальдхайма, тюрьмы, в которую она была отправлена, не подвергал ее жестокому обращению. Ей выделили отдельную комнату, она обедала за столом тюремщика, продолжала носить мужскую одежду и была веселой, послушной и довольной. В 1717 году и она, и ее отец обратились к королю с просьбой о дальнейшем смягчении приговора, но в этом было отказано. Тюремные власти дали ей наилучшие показания за хорошее поведение, пока она находилась в их руках.

В том же 1717 году несчастный Фолькмар предъявил претензии на алый плащ, который, по его словам, моль могла съесть, если его не надеть кому—нибудь на спину, золотую табакерку, серебряные ложки, тарелки, вилки, лошадь, часы и различные другие вещи, которые он подарил Софи, будучи вынужденным сделать это ложными заверениями. Лошадь, а также тарелка, звезда, табакерка, пальто и сапоги - все это было изъято в качестве вещественных доказательств до суда над ней. Вопрос о том, может ли герр Фолькмар вернуть подарки, был трудноразрешимым, и его пришлось передавать из одного суда в другой. Постановление суда от января 1722 года требовало представления дополнительных доказательств, прежде чем кошелек, пальто, ботинки и т. Д. Могли быть возвращены Фолькмару, то есть через *семь* лет после того, как они были переданы на хранение Суду. Лошадь, должно быть, к этому времени съела больше, чем ее стоимость, а шерсть, должно быть, потеряла всякую ценность из-за поедания молью. Судебные разбирательства обошлись дорого, и затем Фолькмар отказался от своей попытки вернуть предметы, переданные фальшивому принцу.

Но уже задолго до этого, указом от октября 1717 года, Софи Апицч была освобождена. Она вышла из тюрьмы наполовину в мужском, наполовину женском костюме и в этом платье поступила на службу к булочнику в Вальдхайме; и мы больше ничего о ней не слышим, вышла ли она замуж и когда умерла.

СНОСКИ:

[13] Август Сильный был королем Польши и курфюрстом Саксонии.

[14] Аврора В. Кенигсмарк впала в немилость в 1698 году — вероятно, тогда же была продана золотая табакерка. Она умерла в 1728 году.

Peter Nielsen.

29 апреля 1465 года скончался Генри Стрейнджебьерг, епископ Рибе в Дании, пробыв на этом престоле всего десять лет. За несколько дней до его публичной кончины Капитул Собора вознес официальную молитву о его выздоровлении, но в глубине души каноники с нетерпением ждали его отъезда. Следует понимать, что епископ не был недостойным занимателем престола Лиафдага Мученика — напротив, он был человеком образцового поведения; и не потому, что он

был суров в своем правлении — напротив, он был снисходительным прелатом. Причина, по которой, когда была произнесена официальная молитва о его выздоровлении, она была нейтрализована частным ходатайством о его отстранении, заключалась исключительно в следующем — его отстранение открыло перспективу продвижения по службе.

Кафедральный капитул Рибе состоял из пятнадцати каноников и декана или проректора, все люди семейные, образованные и высокоморальные. Еще до того, как врачи покачали головами над ложем больного Генриха Стрейнджебьерга, по всему Рибе было известно, что на вакантный трон претендуют четыре кандидата. Конечно, было невозможно избрать более одного человека; но поскольку избрание полностью и бесконтрольно находилось в руках Капитула, каноник вполне мог извлечь пользу из выборов, не будучи сам избранным. Епископы назначали на многие бенефиции, и тогда не существовало закона, запрещающего множественность. Новоизбранный прелат, если у него есть искра благодарности, должен вознаградить тех верных людей, которые сделали его епископом.

В 16:00 29 апреля дыхание покинуло тело Генри Стрейнджебьерга. В 16:15 члены Ордена потирали руки и вздыхали с облегчением. Но Томас Ланге, декан, потер руки и вздохнул с облегчением десятью минутами раньше, а именно в 4 часа дня, потому что он стоял у постели умирающего епископа. В 3:25 пополудни нервы Томаса Ланге подверглись сильному потрясению, поскольку в больном человеке проявился проблеск возвращающейся жизни, и в течение нескольких минут он действительно боялся, что может выздороветь. В 4.10 пополудни архидьякон Хартвиг Юэль, стоявший за дверью епископа, был замечен бегущим по коридору с раскрасневшимися щеками. Через замочную скважину он услышал, как декан воскликнул: "Слава Богу!" - и когда он услышал это благочестивое восклицание, он понял, что все страхи перед восстановлением епископа закончились. Только в 4.20 пополудни Олаф Петерсен узнал об этом. Олаф стоял на коленях в соборе, в часовне Святого Ламберта, желтой часовне, как ее называли, погруженный в молитву, поэтому новость дошла до него только через пять минут после начала Капитула, через двадцать минут после освобождения Престола. Олаф Петерсен был очень святым человеком; он был серьезным и искренним. Превыше всего он желал благополучия Церкви и развития религии. Он был аскетом, отказывал себе в пище, сне и одежде, расточал милостыню и свои богослужения. Он видел мирскость, своекорыстие, жажду наживы и почестей, которые владели его собратьями, и он был убежден, что для спасения христианства в Рибе необходимо одно - его собственное избрание на престол.

Другими кандидатами двигали эгоистичные интересы. Его заботила только истинная религия. Провидение поступило бы явно несправедливо, если бы не позаботилось о его честности и не вмешалось, чтобы вручить ему митру. Он был полон решимости не использовать недостойных средств для ее получения. Он не давал никаких обещаний, не предлагал взятку — то есть своим коллегам-каноникам, но он пообещал серебряный подсвечник святому Ламберу и подкупил святую Гертруду, чтобы она вмешалась и обеспечила паломничество к ее святыне.

Мы упомянули только трех кандидатов. Четвертым был Джеп Мундельструп, старый и дружелюбный человек, который не выдвигался сам, но был выдвинут своими друзьями, которые считали его достаточно податливым, чтобы приспособить к их целям.

Джеп был, как уже было сказано, стар; он был настолько стар, что считалось (и надеялись), что в случае избрания его пребывание на этом посту будет весьма кратким. Через четыре или пять лет — при благоприятных обстоятельствах, таких как переменчивая зима, сырая весна с

восточными ветрами, — он может уйти из жизни еще раньше и оставить митру свободным для новой схватки.

Короли Дании больше не выдвигали своих кандидатур на Престолы, не присылали в *Капитул конгрегаций*. Их даже не назначали на Канонизацию. Следовательно, у каноников все было в значительной степени по—своему, и им нужно было учитывать только две вещи, чтобы руководствоваться своим решением, - благо Церкви и их собственные мелкие интересы. Выражение "благо Церкви" требует комментариев. "Благо Церкви" было мотивом, единственным признанным мотивом, по которому Капитул должен был действовать. Практически, однако, этого мотива не существовало. Это была просто фигура речи, используемая для прикрытия эгоистичных амбиций.

Из этой общей характеристики мы должны, однако, исключить Олафа Петерсена, который действительно ставил во главу угла благо Церкви, но тогда это благо, по его мнению, было неразрывно связано с его собственной судьбой. Он был человеком, сделавшим религию живой реальностью. Он был человеком, вернувшим Церковь к первобытной чистоте. Он не мог закрывать глаза на тот факт, что ни один из каноников, кроме него самого, ни на грош не заботился о духовных вопросах; поэтому он пожелал, чтобы митра легла на его собственное чело.

Конклав, на котором должны были состояться выборы, был назначен на вторую половину того дня, когда должен был быть похоронен Генри Стрейнджбьерг, и похороны должны были состояться так скоро, как это соответствовало приличиям.

Все время между смертью и похоронами каноники носились друг к другу по домам и обратно, агитируя за голоса избирателей.

Один только Олаф Петерсен воздерживался от агитации, он проводил все свое время в посте и молитве, настолько он заботился о благополучии Церкви и продвижении истинной религии.

Наконец —Бум! Бум! Бум! Большой колокол на башне собора созывал Капитул в зал конклава. Каждый каноник был на своем месте, пятнадцать каноников и проректор, всего шестнадцать. Было ясно, что проректор, хотя и председатель, заявит о своем праве голоса и воспользуется им, проголосовав за себя. Было постановлено, что все голосования должны быть открытыми по двум причинам: во—первых, чтобы победивший кандидат мог знать, кто подставил ему свои плечи, на которые можно опереться, и таким образом вознаградить эти плечи, возложив на них множество благодеяний, и, во-вторых, чтобы он мог знать, кто был его противниками, и таким образом мог исключить их из списка предпочтений. Каждый верил, что он будет на стороне победителя, никто не предполагал, что возможна другая альтернатива.

Кандидатов, как уже упоминалось, было четверо. Томас Ланге, декан, принадлежавший к хорошей, хотя и небогатой семье. Он занимался бизнесом до того, как принял сан, и принес с собой в Церковь практическую сметку и деловые привычки. Он хорошо распорядился ресурсами Ордена и даже увеличил его доход за счет покупки трех ферм и поместья.

Второй кандидат, Хартвиг Юэль, был членом могущественной дворянской семьи. Его брат был при дворе и высоко ценился королем Кристианом. Его избрание удовлетворило бы короля. Хартвиг Юэль был архидьяконом.

Третьим кандидатом был старый добрый Джеп Мундельstrup; а четвертым был представитель аскетической религиозной партии, которая также была партией реформ, Олаф Петерсен.

Декан, естественно, был председателем. Прежде чем занять кафедру, он объявил о своем намерении голосовать. Были предложены четыре кандидата и проведены голосования.

Декан пронумеровал 4.

Хартвиг Джуэл пронумеровал 4.

Джеп Мундельstrup под номером 4.

Олаф Петерсен пронумеровал 4.

Более того, каждый кандидат голосовал за себя.

Что было делать? Орден сидел молча, оглядываясь по сторонам и глядя в лица друг другу.

Затем достопочтенный Джеп Мундельstrup, которому помогали те, кто сидел рядом с ним, поднялся на ноги и, опираясь на свой посох, пробормотал следующее обращение: "Мои преподобные братья, совершенно без моего желания и не для удовлетворения каких-либо моих амбиций мое имя было выдвинуто в качестве кандидата на вакантную митру Святого Престола в Рибе. Я стар и немощен. Вместе с патриархом Иаковом я могу сказать: "Немногочисленными и злыми были дни в годы моей жизни". и я недостоин такой великой чести. Злыми были мои дни, потому что у меня было только мое каноническое звание и одна жалкая жизнь, которая поддерживала меня; и есть удобства, которых я желал бы в старости, но я не могу себе позволить. Мое здоровье не в порядке. Я уклоняюсь от ответственности и трудов епископства. Если я сниму свою кандидатуру, я уверен, что успешный кандидат не забудет мои немощи и те возможности, которые я предоставил для его избрания. Я отказываюсь баллотироваться, и в то же время, чтобы не показалось, что я выступаю в оппозиции к трем моим превосходным собратьям, я также отказываюсь голосовать ". Затем он сел под всеобщие аплодисменты.

Здесь произошло неожиданное упрощение дела. Декан и Хартвиг Юэль бросали добрые, даже нежные взгляды на тех, кто ранее голосовал за Йер, Олаф Петерсен поднял глаза к небу и помолился.

Снова были проведены голосования, и снова председатель заявил о своем праве голоса.

Когда их взяли, они стояли так:

Декан, 5 лет.

Hartwig Juel, 5.

Олаф Петерсен, 5 лет.

Что было делать? И снова члены Ордена сидели молча, потирая подбородки и бросая украдкой взгляды друг на друга. Заседание было отложено на следующий день в тот же час.

Последующие часы были потрачены на переговоры между несколькими партиями и попытки, предпринятые двумя первыми по совместительству, заставить Олафа Петерсена снять свою кандидатуру. Но Олаф был слишком добросовестным человеком, чтобы сделать это. Он

чувствовал, что спасение душ зависит от того, сумеет ли он остановить чуму, как Финеас со своим кадилом.

Бум! Бум! Бум! Соборный колокол снова созывал конклав в Здание капитула.

Прежде чем перейти к делу, декан, как председатель, обратился к выборщикам. Он был красноречивым человеком и в трогательных словах объяснил им серьезность возложенного на них долга, важность того, чтобы думать только о благополучии Церкви, и ответственность, которая ляжет на них, если они выберут недостойного прелата. Он призвал их тоном, вибрирующим от пафоса, отбросить от себя все своекорыстные мысли и руководствоваться только совестью. Затем он сел. Снова были проведены голосования. Джек Мандельструп снова качает головой и отказывается голосовать. При подсчете голосов они остались такими.

Thomas Lange, 5.

Hartwig Juel, 5.

Олаф Петерсен, 5 лет.

Тут встрепенулся декан, сильно покраснев, и сказал: "В самом деле, это нелепо! Мы должны продолжать этот фарс? Некоторые из братьев должны уступить ради общего блага. Я бы с радостью снял свою кандидатуру, если бы не одно соображение. Вы все знаете, что мирские дела Престола пришли в замешательство. Наш покойный превосходный прелат не был деловым человеком, и имело место отчуждение, недоедание и разграбление церковных земель, что я отметил с беспокойством и что я желаю исправить. Вы все знаете, что у меня есть одно хорошее качество: я деловой человек, разбираюсь в ведении бухгалтерского учета и внимательно слежу за финансовыми интересами земель Ордена. Крайне важно, чтобы землями Престола занимался такой практичный человек, как я, поэтому я не снимаю свою кандидатуру, но поэтому только...

Затем вскочил Хартвиг Джуэл и сказал: "Очень хорошо сказал преподобный декан, этот фарс не должен продолжаться. Некоторые должны уступить, если епископ должен быть избран. Я бы с радостью снял свою кандидатуру, если бы не одно маленькое обстоятельство. Я держу в руках письмо, полученное сегодня утром от моего брата, который сообщает мне, что его всемилостивейшее величество король Кристиан выразил моему брату надежду на то, что я буду избран. Вы, мои преподобные братья, все знаете, что мы живем в критическое время, когда крайне необходимо поддерживать тесные, сердечные отношения между Церковью и государством. Поэтому в политических интересах Престола, но только в этих интересах, я не могу снять свою кандидатуру".

Затем все взгляды обратились на Олафа Петерсена. Его лицо было бледным, губы плотно сжаты. Он встал и, наклонившись вперед, твердо сказал: "Финансовые и политические интересы Престола для меня ничто, его духовные интересы превыше всего. Небеса мне свидетели, у меня нет личных амбиций носить митру. Я знаю, что это повлечет за собой изнурительный труд и ужасную ответственность, от которой я уклоняюсь. Тем не менее, видя, что это период в истории Церкви, когда своекорыстие и коррупция проникли в ее вены и отравляют ее кровь, видя, что если не произойдет возрождения религии и не будет предпринята попытка реформы внутри Церкви, последуют такие потрясения, которые свергнут ее, следовательно, и только поэтому я чувствую, что не могу отказаться от своей кандидатуры".

"Очень хорошо", - сказал декан резким тоном. "Нам ничего не остается, как проголосовать еще раз. Теперь, по крайней мере, перед нами стоят ясные вопросы, касающиеся мирских, политических и духовных интересов Церкви ". Голосование было проведено снова и осталось таким образом.

Мирские интересы, 5.

Политические интересы, 5.

Духовные интересы, 5.

Здесь был тупик. Было ясно, что стороны разделились и ни одна не уступит.

После десятиминутной паузы Джепу Мундельструпу снова помогли подняться на ноги. Он оглядел Главу моргающими глазами и несколько раз открыл и закрыл рот, прежде чем заговорил. Наконец он сказал дрогнувшим голосом: "Мои преподобные братья, мне ясно, что моя отставка скорее усложнила, чем помогла делу продвинуться вперед. Не думайте, что я собираюсь продлевать свою кандидатуру, *это* не так, но я собираюсь сделать предложение, к которому, я надеюсь, вы внимательно отнесетесь. Если мы будем продолжать в том же духе, мы никого не изберем, и тогда его Величество, да благословит его Бог, вмешается и выдвинет свою кандидатуру".

"Слушайте, слушайте!" - кричат приверженцы Хартвига Юэля.

"Я ни на минуту не претендую на то, что кандидат от его Величества не окажется превосходным епископом, но я действительно боюсь, что выдвижение кандидатуры короной стало бы созданием опасного прецедента".

"Слушайте! слушайте!" от приверженцев Олафа Петерсена.

"В то же время следует иметь в виду, что временное благополучие Престола должно быть передано в руки кого-то, кто знаком с состоянием, в котором им было позволено пребывать".

"Слушайте! слушайте!" от приверженцев Томаса Ланге.

"Я бы предложил, поскольку никто из нас не может согласиться, передать решение судье".

Всеобщее волнение, шепот и встревоженные взгляды.

"Как нам заполучить человека, сразу знакомого с положением в епархии, и при этом не партизана?" - спросил декан.

Посреди Роджер-Хит есть убогая маленькая деревушка, отрезанная от общения с миром, в которой живет священник по имени Питер Нильсен, находящийся на излечении, человек, который ни с кем здесь не связан, не принадлежит, я полагаю, к неблагородной семье, и, следовательно, семейные интересы не могли бы так или иначе повлиять на него. У него репутация проницательного делового человека, некоторые поместья Церкви находятся на Роджер-Хит, и он знает, как с ними обращались, и я всегда слышал, что он хороший проповедник и неутомимый приходской священник. Пусть он будет судьей. Я не могу вспомнить никого другого, кто не был бы партизаном".

Предложение было настолько экстраординарным и неожиданным, что члены Капитула сначала не знали, что об этом думать. Кто такой этот Питер Нильсен? Никто не знал о нем ничего большего, чем то, что сказал Джеп Мундельструп, и считалось, что он в значительной степени опирался на свое воображение при составлении фактов. Действительно, он был наименее известным человеком среди епархиального духовенства. Оспаривалось, был ли он хорошим проповедником. Кто его слышал? никто. Правда ли, что он не был джентльменом по рождению? Никто не знал, к какой семье он принадлежал. За неимением какого-либо другого выхода из тупиковой ситуации, в которой оказался Капитул, все согласилось с тем, что выбор епископа для Риббе следует доверить Питеру Нильсену из Рогера.

В тот же день, действительно, сразу после роспуска собрания, насколько это было возможно, один из каноников вскочил на коня и ускорился в Роджер-Хит.

Деревня Ро или Раа-агер, буквально грубое или бесплодное поле, находилась на мертвой равнине сэнди-хит, которая занимает такую большую часть центра и западного побережья Ютландии и которая носит разные названия, такие как Рандбелл-Хит и Варде-Мур. Во многих местах это просто болота, где вода залегает и застаивается. В других местах это сухие песчаные пустоши, поросшие жесткой травой и несколькими редкими кустарниками. Сама деревня состояла из одной улицы, застроенной коттеджами, крытыми дерном, со стенами, построенными из того же материала, из щелей между блоками пробивались вереск и трава. Церковь была немногим более величественной, чем лачуги. В ней не было башни и колокола. Рядом с церковью находился дом священника.

Каноник слез со своего коня; он скакал быстрее, чем обычно, и ему было жарко. Он провел рукавом по лицу и лысине, а затем перекинул уздечку через столб ворот.

В дверях пасторского дома стояла невысокая, полная, румянолицая и темноглазая женщина с двумя маленькими детьми, дергавшими ее за юбку. Это была Марен Груббе, экономка пастора, по крайней мере, таково было ее официальное назначение. Она много лет проработала в Рогере вместе с Питером Нильсеном и, как считалось, управляла им так же, как крупным рогатым скотом, свиньями и домашней птицей в глебе. Из-за ее спины выглядывал лохматый мальчик лет восьми с очень грязным лицом и хитрыми глазами.

Каноник встал и посмотрел на женщину, потом на детей, а женщина и дети встали и посмотрели на него.

- Это дом священника Питера Нильсена? - спросил он.

- Вы, конечно, хотите его видеть? - спросила экономка.

- Я приехал из Риббе, чтобы повидаться с ним по епархиальным делам.

- Войдите, - коротко сказала экономка. "Его преподобия в данный момент нет в доме, он в церкви, выполняет свои обязанности".

- Это ложь! - крикнул грязный мальчишка сзади. - Папа в свинарнике, ставит ловушку для крыс.

- Придержи язык, Йенс! - воскликнула женщина, отвесив мальчику подзатыльник, от которого он упал. Затем, обращаясь к канонику, она сказала: "Присаживайтесь, а я пойду в церковь за ним".

Она вышла из дома с двумя младшими детьми, которые цеплялись за ее юбки, кувыркались, поднимались на ноги, кувыркались, кукарекали и визжали.

Когда она вышла из дома, грязный мальчишка выпрямился на полу, подмигнул Канонику, скрючил пальцы и сказал: "Следуй за мной, и я покажу тебе Папу".

Лысый священнослужитель встал и, ведомый мальчиком, прошел в заднюю комнату, через маленькое окошко которой он увидел свинарник, и там, без пальто, в заляпанных бриджах и синем шерстяном ночном колпаке, по щиколотки в грязи, был приходской священник, занимавшийся установкой крысоловки. Снаружи, во дворе, свиньи наслаждались свободой. Из-за угла неторопливо вышла экономка со спутниками. "Вот, пэры! - сказала она. - За вами идет почтенный джентльмен из собора".

- Тогда, - сказал пастор, медленно поднимаясь, - ты, Марен, держись подальше от посторонних глаз и особенно будь осторожна, чтобы не выпустить на свет отродий. Их присутствие открывает дверь для неправильного толкования".

Каноник прокрался обратно на свое место, вытер пот со лба и подумал про себя, что Капитул отдал выбор главного пастора в очень странные руки. Противный маленький мальчик начал хихикать и шмыгать носом одновременно. "Ты видел папу? Папа читал там свои молитвы".

"Кто ты?" - сухо спросил священнослужитель у ребенка.

"Я Йенс", - ответил мальчик.

"Я знаю, что ты Йенс, я слышал, как твоя мать называла тебя так. Я предполагаю, что этот человек - твоя мать".

"Это моя мать, но папа - это не мой папа".

"О, Йенс, мальчик, Йенс! Истина превыше всего. *Magna est veritas et praevalerebit.*" Вошел преподобный Питер Нильсен, чистый, в сутане и широкополой шляпе на голове.

"Дети, которых вы видели, - сказал Петер Нильсен, - это племянники моей достойной экономки Марии Груббе. Она благотворительная женщина, а поскольку ее сестра очень бедна и у нее большая семья, моя Марен, я имею в виду мою экономку, берет на себя часть расходов.[\[15\]](#)

- Это большое бремя для вас, - сказал каноник.

Питер Нильсен пожал плечами. "Одевать нагих и давать пищу голодным - это дела милосердия".

- Я вполне понимаю, вполне, - сказал каноник.

— Я только упомянул об этом, - продолжал приходской священник, - чтобы вы не подумали...

- Я вполне понимаю, - сказал каноник, прерывая его поклоном и благосклонной улыбкой.

- А теперь, - сказал Питер Нильсен, - я к вашим услугам.

После этого Каноник раскрыл своему изумленному слушателю суть своей миссии. Пастор внимательно слушал, склонив голову и положив руки на колени. Затем, когда его посетитель закончил говорить, он сунул левую руку в карман брюк и достал полную пригоршню семян каррауэя. Он положил немного в рот и начал жевать, после чего вся комната наполнилась ароматом каррауэя.

"Я люблю это семя", - спокойно сказал священник, переворачивая зерна в руке пятью пальцами правой руки. "Это полезно для желудка и прочищает мозги. Насколько я понимаю, у нас три вечеринки?"

"Именно, есть имя Олафа Петерсена, ограниченного, бескомпромиссного человека, очень строго относящегося к морали духовенства; есть также имя декана Томаса Ланге, амбициозного и интригующего священнослужителя; и, наконец, имя архидьякона Хартвига Юэля, одного из самых дружелюбных людей в мире".

- И вы сильно склоняетесь к последнему?

"Я знаю - как ты мог это обнаружить? Джуэл не из тех, кто забывает друга, оказавшего ему услугу".

"Вот видите! - воскликнул Питер Нильсен. - Видите преимущество жевания семян каррауэя. Три минуты назад я ничего не знал и не помнил о Хартвиге Юэле, но теперь я припоминаю, что пять лет назад он проезжал через Роагер и оказал мне честь воспользоваться таким скудным гостеприимством, какое я смог оказать. Я снабдил его и его четырех слуг и шесть лошадей припасами. Благослови меня господь! эффективность каррауэя поразительна! Теперь я могу вспомнить все, что происходило. Я вспоминаю, что у меня был только свиной пудинг, который я мог предложить архидьякону, его капеллану и слугам, и они съели все, что у меня было. Я помню также, что у меня был небольшой бочонок эля, который я открыл для них, и они выпили все до дна. Чтобы быть уверенными!— У меня был ящик овса, и лошади съели все до зернышка! Я знаю, что архидьякон сожалел о том, что у меня в церкви нет колокола, и обещал прислать мне его. Он также заверил меня, что камня на камне не оставит от меня, пока не добьется для меня лучшего и более прибыльного лечения. Я даже отослал ему в подарок кусок бекона, но из обещаний ничего не вышло. Мне следовало подарить ему бушель каррауэя. Вы действительно не имеете представления о бедности этой жизни. Сейчас я не могу предложить вам никакой другой еды, кроме гречневого бульона, поскольку в доме у меня нет мяса. Я могу напоить вас только водой, поскольку у меня нет пива. Я не могу даже снабдить вас маслом и молоком, поскольку у меня нет коровы".

"Даже корову!" - воскликнул каноник. "Я действительно благодарен вам за то, что вы так откровенно поговорили со мной. Я и понятия не имел, что ваше лечение было таким плохим. То, что архидьякону не следовало выполнять обещания, которые он вам дал, объясняется забывчивостью. Действительно, уверяю вас, за последние пять лет я неоднократно видел, как Хартвиг Юэль хмурил брови и восклицал: "Что-то меня беспокоит. Я дал обещание и не могу вспомнить его. Это лежит на моей совести, и у меня не будет покоя, пока я не вспомню и не оправдаю это". Это очевидный факт".

"Дайте ему пригоршню каррауэя", - настаивал приходской священник.

— Нет, он все вспомнит, когда я поговорю с ним без помощи каррауэя.

- Есть одна вещь, которую я могу вам предложить, - сказал Питер Нильсен, - кружка укропной воды.

"Укропная вода! что это?"

"Его делают из моркови. Его дают младенцам, чтобы у них сохранялось молоко. Взрослым полезно заставить их вспомнить о своих обещаниях".

- Мой дорогой добрый друг, - сказал каноник, вставая, - ваши требования будут выполнены завтра. Я вижу, у вас здесь отличное пастбище для овец. У тебя они есть?

Приходской священник покачал головой.

- Жаль. Однако это можно исправить. До свидания, положитесь на меня. *Qui pacem habet, se primum pacat.*"

Когда каноник ушел, Питер Нильсен, проводивший его до двери, обернулся и увидел позади себя Марен Груббе.

- Послушайте, пэры! - заговорила экономка, подталкивая его локтем. - Что все это значит? Что это была за латынь, которую он сказал, уходя?

"Моя дорогая, добрая Марен, - ответил священник, - он процитировал поговорку, известную нам, священнослужителям. У алтаря находится маленькая металлическая пластинка с нарисованным на ней крестом, и это называется Рах, или Мир. Во время мессы священник целует его, а затем передает своему помощнику, который, в свою очередь, целует его и передает таким образом всем присутствующим. Латынь означает это: "Пусть тот, у кого есть Рах, благословит себя им, прежде чем раздавать из своих рук", и означает не что иное, как "Благотворительность начинается дома", или, выражаясь еще смелее, "Берегись числа I."

"Послушайте, - сказала экономка, - вы были слишком умеренны, пэры, вы недостаточно заботились о Номере I. Предоставьте следующего посетителя мне. Не сомневаюсь, что декан пришлет к вам то же самое, что сегодня прислал архидьякон.

- Как хочешь, Марен, но оставь детей на заднем плане. Милосердие, которое не мыслит зла, - редкая добродетель.

На следующее утро рано утром к дому священника прибыла повозка, нагруженная ломтями бекона, копченой говядиной, бочкой отличного эля, бочонком кларета и несколькими мешками пшеницы. Едва его разгрузили, как прибыла пара дойных коров; полчаса спустя прибыло стадо овец. Питер Нильсен удовлетворительно распорядился всем, что касалось дома и глеба. Его глаз блеснул, он потер руки и сказал себе со смешком: "Тот, кто благословляет, благословляет в первую очередь себя".

Утром к дверям дома подъехал всадник. Марен прижалась носом к маленькому окошку гостевой комнаты и внимательно оглядела прибывшего, прежде чем впустить его. Затем она кивнула головой и прошептала священнику, чтобы тот исчез. Мгновение спустя она открыла дверь и впустила в комнату плотного краснолицего священнослужителя.

- Преподобный пастор дома? - спросил я. - Я пришел повидаться с ним по важному делу. - спросил он, кланяясь Марен Груббе.

- В настоящий момент он занят с больной прихожанкой. Он будет здесь через четверть часа. Перед уходом он передал, что если ваше преподобие прибудет до его возвращения...

- Что? Меня ждали!

- Достопочтенный архидьякон вчера прислал депутацию повидаться с моим хозяином, и он счел вероятным, что делегация от самого преподобного декана прибудет сегодня.

- В самом деле! И так, Хартвиг Юэль опередил нас.

- Некоторое время назад Хартвиг Юэль был у моего хозяина с визитом и пообещал ему пару коров, стадо овец, немного эля, вина, пшеницы и так далее, и он воспользовался случаем, чтобы прислать все это нам.

- В самом деле! У Хартвига Юэля отличная практика.

"Томас Ланге, без сомнения, исправит промедление".

- Хм! а Олаф Петерсен, он прислал?

- Его депутация, несомненно, прибудет завтра или даже сегодня днем.

Каноник сложил руки на своем обширном животе и пристально посмотрел на Марен Габбе. Она была одета в свое лучшее платье. Ее щеки сияли, как кварендонские яблоки, такие же красные и лоснящиеся; полные здоровья — с угрозой вспыльчивости, точно так же, как раскаленное небо предвещает бурю. Ее глаза были темными, как терн, и смотрели так же пронизательно. Несмотря на все это, она была старше средних лет, но зрелой и сильной.

Толстый каноник сидел и молча смотрел на нее, крутя большими пальцами, как маленькой ветряной мельницей, над своим брюшком. Она также скромно сидела, положив руки на колени, и смотрела ему прямо и твердо в лицо.

- Я тут подумал, - сказал каноник, - как хорошо смотрелись бы серебряные цепочки на этой шее и кулон на этой пышной груди.

- Золото смотрелось бы лучше, - сказала Марен и снова закрыла рот.

— И малиновый шелковый платок...

- Сойдет, - перебила экономка, - для той, кто и не мечтает о малиновой шелковой юбке.

- Совершенно верно. Пауза, и ветряные мельницы возобновили работу. Вскоре в задних помещениях слышались визги. Один из детей упал и ушибся.

- Кошки? - спросил Каноник.

- Кошки, - ответила Марен.

"Совершенно верно", - сказал каноник. "Я люблю кошек".

- Я тоже, - сказала Марен.

Затем поднялся шум. Дверь распахнулась, и в комнату ввалился маленький Йенс с одним ребенком на руках, другой цеплялся за задник его панталон. Эти же предметы одежды принадлежали преподобному Питеру Нильсену, пока не износились, когда по просьбе Марен их отдали ей и укоротили в длину для Йенса. По длине они соответствовали. Пояс действительно был под мышками, но ноги были не слишком длинными. По ширине и вместимости они не были сокращены.

"Я не могу с ними справиться, мама", - сказал мальчик. "Бесполезно заставлять меня нянчиться. Кроме того, я хочу увидеть незнакомца."

- Эти дети, - сказала Марен, твердо глядя в лицо канонику, - называют меня матерью, но они отпрыски моей сестры, чей муж пропал прошлой зимой в море. Бедняжка, у нее осталось четырнадцать детей, а я...

Она прижала фартук к глазам и заплакала.

"О, благородное милосердие!" - восторженно воскликнул толстый священник. "Ты — я все это вижу - ты взял на себя заботу о маленьких сиротах. Вы жертвуете своими сбережениями ради них, ваше время отдано им. Эмоции переполняют меня. Как их зовут?"

"Каттс".

-Кошки?

"Джон Каттс, маленькая Кристин и Сиссели Каттс".

- И достойный пастор помогает поддерживать этих бедных сирот?

- Да, несмотря на его бедность. И теперь, когда мы подошли к этому вопросу, позвольте мне спросить вас, не поразила ли вас низость этого пасторского дома. Могу вас заверить, в нем нет ни одной приличной комнаты, наверху комнаты открыты до самых стропил, без потолка.

- Моя достойная женщина, - сказал каноник, - я позабочусь об этом сам. Поверьте, если настоятель станет епископом, он позаботится о том, чтобы дома его лучшего духовенства были приведены в надлежащий вид".

- Я бы предпочла, чтобы ремонт начался немедленно, - сказала Марен. "Когда декан станет епископом, ему будет о чем подумать, и он может забыть о нашем приходском доме".

- Мадам, - сказал посетитель, вставая, - они будут казнены немедленно. Когда я вижу милосердие, проявляемое в этом скромном жилище как пастором, так и экономкой, я чувствую, что оно требует немедленного признания".

Затем вошел Питер Нильсен и сказал: "У меня недостаточно коровников. Также нужны овчарни".

"Они будут воздвигнуты".

Затем Каноник подхватил маленькую Кирстен и маленькую Сиссель и расцеловал их грязные личики. Сияющее лицо Марен убедило каноника в том, что дело Томаса Ланге выиграно благодаря Марен Груббе.

Он взял приходского священника за руку, пожал ее и тихо сказал: "*Qui pacem habet, se primum pacat*. Ты понимаешь меня?"

- Совершенно верно, - с улыбкой ответил Питер Нильсен.

На следующее утро рано утром в Рогер прибыла партия каменщиков из Риббе, готовых снести старый дом священника и построить другой, более просторный. Пастор обсудил планы с мастером-каменщиком, предложил изменения и расширения, а затем, усмехнувшись, пробормотал себе под нос: "Это превосходное высказывание, *Qui pacem habet, se primum pacat*". Затем, подняв глаза, он увидел перед собой аскетичного священника с ввалившимися глазами и бледным лицом.

- Я Олаф Петерсен, - представился вновь пришедший. "Я подумал, что лучше всего приехать и повидаться с вами самому; Я думаю, что вам следует представить истинное состояние Церкви, и что вам следует подумать о духовном благополучии бедных овец в загоне Риббе и дать им главного пастора, который будет заботиться об овцах, а не о шерсти".

"У меня уже есть отара овец", - холодно сказал Питер Нильсен. "Мне ее прислал Хартвиг Юэль".

"Я думаю, - продолжал Олаф, - что тебе следует подумать о постройке духовного здания".

- Я собираюсь построить новый дом священника, - сухо сказал Питер Нильсен. - Томас Ланге позаботился об этом.

"Епископ, необходимый для этой епархии, - продолжал Олаф Петерсен, - должен сочетать безвредность голубя с мудростью змеи".

- Если он это сделает, - грубо сказал Нильсен, - он будет наполовину лжецом, наполовину дураком. Давайте наберемся мудрости, это то, чего мы сейчас хотим; и одна из первых максим мудрости в Церкви и государстве гласит: *Qui pacem habet, se primum pacat*. Ты берешь меня?"

Олаф вздохнул и покачал головой.

"Вы видите этот план?" - спросил Питер Нильсен. "Я собираюсь построить на этом месте хлев, в котором хватит места для дюжины быков. У меня всего две коровы; стойла для двух лошадей - у меня нет ни одной; сарай для перевозки фургонов - у меня нет колесного транспорта. У меня будут новые комнаты, и мне не придется ставить в них мебель. Так вот, чтобы запасти и обставить ферму и дом священника, потребуется много денег. У меня во всем мире нет и ста шиллингов. Что мне делать? Человек, который хочет стать епископом Риббе, должен позаботиться о благополучии одного из самых влиятельных, образованных и высокоморальных священников в епархии и сделать все возможное, чтобы обеспечить ему комфорт. Прежде чем выбрать корову, мы осматриваем ее, ощупываем, исследуем все ее части; прежде чем купить лошадь, мы рассматриваем зубы, исследуем копыта и пробуем ветер. Когда мы выбираем епископа, мы, естественно, пробуем то, из чего он сделан, если он либеральный, щедрый, открытый, дружелюбный. Вы понимаете меня?"

Олаф вздохнул, и капли холодного пота выступили у него на лбу. Внутри шло состязание. Симония была смертным грехом. Был ли привкус симонии в том, чтобы преподнести подарок человеку, в чьих руках находился выбор главного пастыря? Он опасался этого. Но тогда — разве цель иногда не оправдывает средства? Когда эти вопросы возникли у него в голове и отказались

отвечать, к его ногам упало что-то тяжелое. Его рука теребила кошелек, и в волнении он отстегнул его от пояса и позволил ему выскользнуть из пальцев. Он не смотрел вниз. Казалось, он не заметил своей потери, но ушел, не сказав больше ни слова, с опущенной головой и беспокойной совестью. Когда он ушел, Питер Нильсен поклонился, взял мешочек, пересчитал в нем золотые монеты, рассмеялся, потер руки и сказал: "Тот, кто благословляет, благословляет в первую очередь себя".

На следующий день у ворот пасторского дома стояли носилки, и из них с большим трудом, поддерживаемый на руки двумя слугами, вышел престарелый Джеп Мундельструп. Он вошел в комнату для гостей, и ему предоставили место. Отдышавшись, он сказал, протягивая свиток пергамента настоятелю Роджера: "Вы не забудете, что помоему предложению выбор епископа был оставлен за вами. Вы в большом долгу передо мной. Если бы не я, вас бы не посетили и не опросили декан, архидьякон и Аскет ни лично, ни их представители. Пожалуйста, помните, что я был номинирован, но, видя, что предлагалось так много других, я снял свое имя. Я думаю, вы согласитесь, что это проявило большое смирение и отказ от чести. В наши мирские, эгоистичные дни такой пример заслуживает внимания и награды. Я стар и, возможно, не гоюсь для исполнения служебных обязанностей, но я думаю, что со мной следует считаться; хотя я официально снял свою кандидатуру, я не уверен, что отказался бы от митры, если бы на меня надавили. В любом случае, было бы комплиментом предложить это мне, и я мог бы отказаться от этого. *Qui pacem habet, se primum pacat*. Вы не пожалеете об ответной любезности.

* * * * *

Бум! Бум! Бум! Соборный колокол созывал всех жителей Рибе в собор, чтобы присутствовать при назначении епископа. Весь Райб откликнулся на призыв.

Собор стоит на холме, называемом Горой Лилий, но высота холма настолько мала, что не защищает собор от затопления, а весенний прилив с северо-западным ветром, как известно, затопляет и город, и собор, оставляя рыб на священном полу. Церковь построена из гранита, кирпича и песчаника; первоначально контраст, возможно, был разительным, но погода размыла цвета, превратив их в уродливые коричнево-серые. Башня высокая, узкая, без шпиля. Она напоминает квадратную линейку, поставленную торцом вверх; она слишком высока для своего основания. Величественная церковь ранней архитектуры с трансептами и хорами на их пересечении с нефом, увенчанным куполом, и небольшой полукруглой апсидой за ними для алтаря. Неф был переполнен, каноники занимали партеры в своих пурпурных накидках с малиновой каймой; пурпурных, потому что это был капитул собора; с малиновой каймой, потому что основатель престола был мучеником. Пятнадцать человек и декан, всего шестнадцать, были на своих местах. На ступенях алтаря, в апсиде, в центре, сидел Питер Нильсен в своей старой, поношенной сутане, без стихаря. С левой стороны от алтаря стоял богато украшенный скульптурой епископский трон, а на сиденье была возложена усыпанная драгоценными камнями митра, через подлокотник была перекинута золотая риза, а к спинке опирался пастырский посох из позолоченного серебра, инкрустированный драгоценными камнями.

Когда прозвучала последняя нота колокола, декан поднялся из-за стола и, подойдя к апсиде, поклялся перед небом, всей паствой и Питером Нильсеном, что он готов подчиниться решению упомянутого Питера, сына Николаса, приходского священника Рогера. Аминь. За ним последовал архидьякон, затем каждый из каноников до последнего.

Затем была отслужена месса, во время которой человек, в чьих руках находилось состояние престола, преклонил колени с бесстрастным выражением лица и сложил руки.

В заключение он вернулся на свое место, ему поднесли распятие, и он поцеловал его.

Мгновение тревожного молчания. Момент для принятия решения настал. Некоторое время он сидел, уставившись в землю, затем перевел взгляд на встревоженное лицо декана и, дав им на минуту задержаться на нем, внимательно посмотрел на Хартвига Юэля, затем на Олафа Петерсена, который был смертельно бледен и трясся, как осиновый лист. Затем он долго смотрел на Джепа Мундельструпа и внезапно поднялся на ноги.

В этот момент в соборе, возможно, было слышно падение булавки.

Он сказал, и его голос был отчетливо слышен всем присутствующим— "Я был вызван сюда с моей бесплодной пустоши, в этот город, из бедной деревушки, этими достойными и преподобными отцами, чтобы выбрать для них прелата, который будет одновременно заботиться о мирском и духовном благополучии Престола. Я скрупулезно рассмотрел заслуги всех тех, кто был представлен мне в качестве кандидатов на митру. Я нахожу, что только в одном человеке все необходимые качества сочетаются в должной пропорции и степени — не в Томасе Ланге, - голова декана упала на грудь, - и не в Хартвиге Юэле, - архидьякон откинулся на спинку кресла;- и не в Олафе Петерсене, - указанный человек издал слабый крик и упал на колени, — и не в Джепе Мундельструпе, - а во мне. Поэтому я назначаю Питера, сына Николаса, обычно называемого Нильсеном, викария Рогера, епископом Риббе, двадцать девятым по происхождению от Лиафдага мученика. *Qui pacem habet, se primum pacat.* Аминь. Тот, кто должен благословлять, благословляет в первую очередь самого себя".

Затем он сел.

На мгновение воцарилась тишина, а затем разразилась буря. Питер сидел неподвижно, уставившись в землю, неподвижный, как скала, о которую набегают волны и разбиваются в пену.

Так получилось, что двадцать девятым епископом Риббе стал Питер Нильсен.

СНОСКА:

[15] В Норвегии, Дании, Швеции и Исландии церковное безбрачие никогда не соблюдалось до Реформации. Время от времени епископы издавали официальные запреты, но они, как правило, игнорировались. Духовенство вступало в брак открыто и неприкрыто.

Принц-чудотворец Гогенлоэ.

В 1821 году большой интерес в Германии, да и во всей Европе, вызвало сообщение о чудесах исцеления, творимых принцем Леопольдом Александром Гогенлоэ-Вальденбург-Шиллингсфюрстским в Вюрцбурге, Бамберге и других местах. Чудесам вскоре пришел конец,

ибо по прошествии следующего года о его необычайных способностях больше ничего не было слышно.

В то время, как и следовало ожидать, его заявления о том, что он чудотворец, горячо оспаривались и столь же горячо утверждались. Были представлены доказательства того, что некоторые из его чудес были подлинными; были выдвинуты встречные доказательства, сводящие их на нет.

Вся история внезапного обретения принцем Гогенлоэ славы и быстрого исчезновения одновременно любопытна и поучительна. В баденской деревне Виттигхаузен в начале нынешнего века жил крестьянин по имени Мартин Мишель, владевший фермой и находившийся в довольно зажиточном положении. Согласно одному источнику, ему было пятьдесят, согласно другому - шестьдесят семь лет, когда он познакомился с принцем Гогенлоэ. Этот крестьянин, несомненно, был набожным, бесхитростным человеком. В юности у него был перелом, но в ответ на постоянную и искреннюю молитву он утверждал, что был полностью исцелен. Затем некоторое время он молился за других страждущих, и ходили слухи, что он совершил несколько чудесных исцелений. Он решительно и искренне отверг все претензии на высшую святость. Излечение, по его словам, зависит от веры пациента и силы Всемогущего. Самые торжественные обещания были даны в Евангелии тем, кто просил с верой, и все, что он делал, - это действовал в соответствии с этими евангельскими обетованиями.

Правительство быстро вмешалось, и полиция запретила Мишелю больше творить чудеса молитвой, верой или любыми другими средствами, кроме признанной фармакопеи.

Он не получал платы за свои исцеления ни деньгами, ни натурой, но пользовался случаем, чтобы с их помощью внушить своим пациентам долг молитвы и действенность веры.

Каким-то образом он познакомился с принцем Александром Гогенлоэ, и принц был заинтересован и взволнован услышанным, а также очевидной искренностью этого человека. Несколько дней спустя принц был в Вюрцбурге, где навестил принцессу Матильду Шварценберг, семнадцатилетнюю девушку-калеку, которая уже провела полтора года в Вюрцбурге под присмотром врача-ортопеда Гейне и хирурга Текстора. Она обращалась к лучшим врачам Вены и Парижа, и случай был признан безнадежным. Затем князь Шварценберг отправил ее на лечение к Гейне. Она была так сжата, с подтянутыми к телу коленями, что не могла ни стоять, ни ходить.

Принц Гогенлоэ впервые встретился с ней за обедом 18 июня 1821 года, и вид ее искаженного лица наполнил его жалостью. Он обдумал ее дело и связался с Мишелем, который по его вызову приехал в Вюрцбург. Поскольку Вюрцбург находится в Баварии, распоряжения баденского правительства на него не распространялись, и крестьянин мог свободно проводить там свои эксперименты.

Принц Александр навестил принцессу в десять часов утра 20 июня, взяв с собой Мишеля, но оставив его вне дома, во дворе. Тогда принц Гогенлоэ заговорил со страдающей девушкой о силе веры и упомянул о чудесах, сотворенных молитвами Мишеля. Она заинтересовалась, и принц спросил ее, не хотела бы она испытать силы Мишеля, предупредив ее, что этот человек ничего не сможет сделать, если у нее не будет полной веры в милосердие Божье. Принцесса выразила свое горячее желание попробовать новое средство и завершила своего

допрашивающего, что у нее есть необходимая вера. После этого он подошел к окну и сделал крестьянину знак подняться.

То, что следует далее, будет передано собственными словами принцессы, из ее отчета, написанного день или два спустя: "Крестьянин опустился на колени и помолился по-немецки громко и отчетливо, и после своей молитвы он сказал мне: "Во Имя Иисуса, встань. Вы целы и можете как стоять, так и ходить!" Затем крестьянин и принц вышли в соседнюю комнату, и я поднялся со своего ложа без посторонней помощи, во имя Бога, здоровым и невредимым, и так продолжается по сей день".

Был опубликован гораздо более полный и детальный отчет о происходящем, вероятно, написанный гувернанткой, которая присутствовала при этом; но поскольку он анонимный, нам нет необходимости интересоваться им.

Весть о чудесном выздоровлении распространилась по городу; доктор Гейне, услышав об этом, прибежал в дом и застыл в безмолвии, пораженный увиденным. Принцесса спустилась по каменной лестнице в сад, но заколебалась и, вместо того чтобы выйти в сад, вернулась наверх, опираясь на руку принца Гогенлоэ.

На следующий день был день Тела Христова. Волнение в городе было огромным, когда бедную калеку, которую больше года видели, как ее сажали в карету и выносили из нее в церковь, довезли до церкви пешком, а оттуда прогулялись по дворцовым садам.

На следующий день она посетила больницу Юлиуса, благородное учреждение, основанное одним из епископов Вюрцбурга. 24-го она нанесла визит принцессе Лихтенштейн, герцогу Арембергскому и принцу Баарскому, а кроме того, посетила проповедь принца Гогенлоэ в приходской церкви Хо. Ее выздоровление было полным.

Теперь, на первый взгляд, ничто не кажется более убедительно доказанным, чем это чудо. Давайте, однако, посмотрим, что сказал по этому поводу доктор Гейне, который наблюдал за ней в течение девятнадцати месяцев. Мы не можем процитировать его отчет полностью, поскольку он длинный, но мы рассмотрим основные моменты в нем: "Принцесса Шварценбергская попала ко мне на лечение в конце октября 1819 года с несколькими аномалиями грудной клетки, искривлением позвоночника, ребер и т.д. Более того, она не могла подняться на ноги из сидячего положения, и не выносила такого подъема; но это не было следствием порока развития или слабости системы, поскольку сидя или лежа она могла свободно двигать конечностями. Она жаловалась на острую боль, когда ее помещали в любое другое положение, а когда ее заставляли принимать угол в 100 °, ее агония становилась настолько сильной, что ее конечности нервно подрагивали, и наступал частичный паралич, который, однако, прекратился, когда она вернулась в свое обычное согнутое положение.

"Принцесса потеряла способность передвигаться, когда ей было три года, и схватки были результатом нарывов на пояснице. Ее возили во Францию и Италию, и в Париже она зашла так далеко, что могла передвигаться по комнате на костылях. Но по возвращении в Вену в 1813 году у нее случился рецидив, и с тех пор она не могла ни стоять, ни передвигаться. Ее положили мне на руки, и я смастерил приспособление, с помощью которого угол, под которым она лежала, постепенно увеличивался, и ее положение постепенно менялось с горизонтального на вертикальное. В то же время я манипулировал с ней почти ежедневно и к концу апреля прошлого года имел удовольствие видеть, как она занимает угол в 50 °, не жалуясь на

страдания. К концу мая был достигнут дальнейший прогресс, и она смогла принять вертикальное положение, упираясь ногами в землю, но поддерживая свое тело, и оставаться в этом положении в течение четырех или пяти часов. Более того, в этой ситуации я заставил ее проделать все движения при ходьбе. Конечности в любом положении сохраняли свою естественную мышечную силу и движения, и сокращение было просто нервным расстройством. Я не пытался заставить ее ходить без поддержки, потому что не стал бы этого делать, пока не был бы полностью уверен, что такое испытание не причинит ей вреда.

"30 мая я снова навестил ее после того, как в течение нескольких дней не мог из-за легкого недомогания навестить своих пациентов. Затем ее гувернантка сказала мне, что принцесса добилась больших успехов. Она лежала под углом 80 °. Гувернантка встала в изножье дивана, протянула руки к принцессе и, подняв ее в вертикальное положение, сказала мне, что это делалось несколько раз в последнее время за время моего вынужденного отсутствия. Пока она стояла таким образом, я заставил принцессу поднимать и опускать ноги и проделывать все движения при ходьбе. Сразу же по возвращении домой я приступил к работе над устройством, которое позволило бы ей ходить без риска упасть и пораниться. 19 июня вечером я сказал принцессе, что установка почти закончена. На следующий день, чуть позже 10 часов утра, я навестил ее. Когда я открыл ее дверь, она поднялась со стула, на котором сидела, и направилась ко мне короткими, несколько неуверенными шагами. Я поклонился в знак радости и благодарности Богу.

В этот момент в комнату вошел джентльмен, которого я никогда раньше не видела, и воскликнул: "Матильда! у вас была вера в Бога! - ответила принцесса. - У меня была и есть сейчас полная вера. Джентльмен сказал: "Ваша вера спасла и исцелила вас. Бог помог вам". Тогда я начал подозревать, что действовало какое-то странное влияние, и что происходило что-то, о чем я не подозревал. Я спросил джентльмена, что все это значит. Он поднял правую руку к небу и ответил, что молился и думал о принцессе в то утро на мессе, и что принц Валлерстайн был посвящен во все происходящее. Я был озадачен и поражен. Затем я попросил принцессу снова прогуляться. Она так и сделала, вскоре после того, как я ушел, и только тогда я узнал, что незнакомец был принцем Гогенлоэ.

"В следующем месяце, 21 июля, ее тетя, принцесса Элеонора Шварценбергская, приехала с тремя сестрами принцессы Матильды, чтобы забрать ее и отвезти обратно к отцу. Ее Высочество оказала мне честь, посетив меня вместе с принцессами на второй день после их приезда, чтобы поблагодарить меня за усилия, которые я приложил, чтобы вылечить принцессу Матильду. Перед их отъездом доктору Шеферу, который лечил ее в Ратисбоне, герру Текстору и мне было разрешено осмотреть принцессу. доктор Шефер обнаружил, что состояние грудной клетки значительно улучшилось с тех пор, как она побывала в моих руках. Я, однако, увидел, что ее состояние ухудшилось с тех пор, как я видел ее в последний раз 20 июня, и было решено, что принцесса будет занимать свою раскладушку ночью, а днем носить стальное устройство для поддержки, которое я смастерил для нее. В то же время доктор Шефер недвусмысленно заверил ее и принцессу, ее тетю, что под моим руководством пациентка восстановила способность ходить до 19 июня".

Этот отчет придает излечению другой оттенок и показывает, что оно никоим образом не было чудотворным. Вмешались принц и крестьянин и вырвали честь вылечить принцессу у доктора, которому она по праву принадлежала.

Прежде чем мы продолжим, было бы неплохо сказать несколько слов об этом принце Александре Гогенлоэ. Семья Гогенлоэ получила свое название от голого возвышенного плато во Франконии. Примерно в начале 16 века он разделился на две ветви; старшая - Гогенлоэ-Нойенштайн, младшая - Гогенлоэ-Вальденбург.

Старшая ветвь имеет свои ответвления — Гогенлоэ-Лангенбург, которому принадлежит также графство Глейхен; и ответвления Гогенлоэ-Эринген и Гогенлоэ-Кирхберг. Вторая главная ветвь Гогенлоэ-Вальденбург имеет также свои боковые ответвления, такие как Гогенлоэ-Бартенштейн и Гогенлоэ-Шиллингсфюрст; последняя из них католическая.

Принц Леопольд Александр родился в 1794 году в Купферцелле, недалеко от Вальденбурга, и был восемнадцатым ребенком принца Карла Альбрехта и его жены Юдифи, баронессы Ревички. Его отец так и не стал правящим принцем из-за умственной отсталости, и Александр потерял его, когда ему был год. Он получил церковное образование у бывшего иезуита Риэля и пошел в школу сначала в Вене, затем в Берне; в 1810 году он поступил в епископальную семинарию в Вене, а в 1814 году закончил богословское образование в Эльвангене. Он был рукоположен в сан священника в 1816 году и отправился в Рим.

Доктор Вольф, отец сэра Генри Драммонда Вольфа, в своих "Путешествиях и приключениях", которые на самом деле являются его автобиографией, говорит (том i, стр. 31):

"Вольф покинул дом графа Штольберга 3 апреля 1815 года и отправился в Эльванген, и там снова встретил старого ученика из Вены, принца Александра Гогенлоэ-Шиллингсфюрста, впоследствии столь прославившегося своими чудесами, свидетелями которых были так много людей самого высокого ранга и интеллекта, что Вольф не осмеливается высказать о них определенное мнение. Но Нибур рассказывает, что папа сам сказал ему, говоря о Гогенлоэ в насмешливой манере: "*Questo far dei miracoli!*" *Этот человек творит чудеса!*

"Возможно, лучше всего будет сделать небольшой набросок жизни Гогенлоэ. Он был прекрасен. Он был отдан под руководство Вока, священника римско-католического прихода в Берне. Однажды в воскресенье он был приглашен на ужин с Воком, своим наставником, к испанскому послу. На следующий день в испанском посольстве поднялся большой шум из-за того, что была украдена мантия для мессы, серебряная чаша и все ее принадлежности. Об этом было объявлено в газете, но ничего не удалось обнаружить, пока Вок не отвел принца Гогенлоэ в сторону и не сказал ему: "Принц, признайся мне: не ты ли украл ряссу для мессы?" Он сразу же признался в этом и сказал, что использовал его каждое утро, практикуясь в служении мессы в своей комнате, что было правдой ". (Это было, когда Гогенлоэ был двадцать один год.)

"Впоследствии его отправили в Тырнау, в духовную семинарию в Венгрии, откуда он был исключен из-за легкомыслия. Но, поскольку он был князем, капитул Ольмюца в Моравии избрал его титулярным каноником собора; тем не менее, император Франциск был слишком честен, чтобы подтвердить это. Вольф научил его ивриту в Вене. У него не было особых способностей к языкам, но его разговоры о религии иногда были очень очаровательными; а иногда он разражался самыми неприличными речами. Он был рукоположен в сан священника, и Сайлер[16] произнес проповедь в день своего рукоположения, которая была опубликована под названием "Священник без упрека". В тот же день были собраны деньги на строительство римско-католической церкви в Цюрихе, и собранные деньги были переданы принцу Гогенлоэ

для перечисления приходскому священнику Цюриха. Цюрих (Мориц Майер); но деньги так и не дошли до места назначения. Вольф однажды видел его у постели больных и умирающих, и его речи, увещевания и обращение с этими больными людьми были удивительно прекрасны. Когда он поднимался на кафедру, чтобы проповедовать, можно было представить, что видишь святого Средневековья. Его набожность была пронзительной и требовала тишины в церкви, где собралось 4000 человек. Однажды Вольф зашел к нему, и Гогенлоэ сказал ему: "Я никогда не читал никакой другой книги, кроме Библии. Я никогда не заглядываю в книгу проповедей кого-либо другого, даже в проповеди Сэйлера." Но Вольф после этого услышал его проповедь, и вся проповедь была скопирована с одной из проповедей Сайлера, которую Вольф прочитал только накануне.

"При всех его недостатках Гогенлоэ нельзя обвинить в скупости, поскольку он отдает каждый полученный им фартинг, возможно, даже тот, который получен нечестным путем. Позже они встретились в Риме, где Гогенлоэ жил у иезуитов, и там, как говорили, он сочинил латинскую поэму. Вольф, зная, что он неспособен на такое, смело спросил его: "Кто автор этого стихотворения?" Гогенлоэ сразу признался, что оно написано священником-иезуитом. В то время мадам Шлегель писала Вольфу: "Принц Гогенлоэ - это человек, который борется с небесами и адом, и небеса одержат победу вместе с ним". Гогенлоэ собирался стать епископом в Риме, но, основываясь на своих предыдущих знаниях о нем, Вольф протестовал против его посвящения. Несколько князей, среди них посол Кауниц, приняли в этом случае сторону Гогенлоэ; но дело было расследовано, и Гогенлоэ покинул Рим, так и не став епископом. В своем протесте против этого человека Вольф заявил, что претензии Гогенлоэ на звание каноника Ольмюца были ложными; что его исключили из семинарии Тырнау; что иногда он говорил как святой, а в других - как распутник".

А теперь давайте вернемся в Вюрцбург и посмотрим на результат лечения принцессы Шварценберг. Люди, которые однажды видели, как бедную калек сажали в карету и везли в церковь, а день или два спустя видели, как она шла в церковь и в сад, и которые ничего не знали об операциях доктора Гейне, пришли к выводу, что это чудо, и приписали его заслугу не только крестьянину Мишелю, но и принцу Гогенлоэ.

Полиция немедленно направила принцу официальное письмо с просьбой сообщить, что он сделал, по какому праву вмешался и как действовал. Он ответил, что ничего не делал, вера и Всевышний сотворили чудо. "Мгновенное излечение принцессы - это *факт*, который невозможно оспорить; это было результатом живой веры. Это правда. Это случилось с принцессой согласно ее вере". Крестьянин Мишель теперь отошел на задний план и был забыт, а принц выступил вперед как исполнитель чудесных исцелений. Реставрация принцессы Шварценберг вызвала огромный ажиотаж, и пациенты устремились в Вюрцбург со всей страны в поисках здоровья к принцу Александру. Местные газеты публиковали удивительные подробности его успешных исцелений. Слепые видели, хромые ходили, глухие слышали. Среди выздоровевших глухих был Его королевское высочество наследный принц Баварии, три года спустя король Людвиг I., дед покойного короля Баварии. К сожалению, у нас нет точных подробностей этого лечения, но в письме наследного принца, написанном вскоре после этого, просто говорится, что он слышал *лучше*, чем раньше. Весна 1821 года была очень сырой, и примерно 20 июня установилась сухая жаркая погода. Поэтому вполне возможно, что смена погоды имела отношение к этому лекарству. Однако мы ничего не можем сказать наверняка по этому поводу, поскольку никаких данных опубликовано не было, лишь сообщение о том, что

наследный принц обрел слух по молитве принца Гогенлоэ. Вот несколько более достоверных случаев, приведенных герром Шарольдом, очевидцем; он был членом городского совета и секретарем.

"Принц обедал в полдень с генералом фон Д. Все входы в дом с двух улиц были заблокированы сотнями людей, и они сказали, что он уже исцелил четырех человек, искалеченных ревматизмом в этом доме. Я тут же убедил себя, что один из этих случаев был именно таким, как сказано. Пациенткой была молодая жена рыбака, у которой была искалечена правая рука, так что она ничего не могла ею поднять или как-либо использовать; и вдруг она смогла поднять тяжелый стул, рука которого до сих пор была бессильна, и поднять его. Она вернулась домой, заливаясь слезами радости и благодарности.

Тогда принца попросили перейти в другой дом, на другом конце города, и он согласился. Там он нашел много парализованных людей. Он начал с бедняка, левая рука которого была совершенно бесполезной и негнущейся. После того, как он спросил его, обладает ли он совершенной верой, и получил удовлетворительный ответ, принц помолился, сложив руки и закрыв глаза. Затем он поднял коленопреклоненного пациента и сказал: "Пошевели рукой". Плача и дрожа всеми членами тела, мужчина сделал, как ему было велено; но поскольку он сказал, что повиновался с трудом, принц снова помолился и сказал: "Теперь пошевели рукой снова". На этот раз мужчина легко подвигал рукой вперед, назад и поднял ее. Излечение было полным. Столь же успешным он был и в следующих двух случаях. Одним из них была жена портного по имени Ланзамер. "Чего ты хочешь?" - спросил принц, обливаясь потом. Ответ: "У меня был паралитический инсульт, и я потерял способность управлять одной стороной своего тела, так что не могу ходить без поддержки". "Встань на колени!" Но это могло быть осуществлено только с трудом, и это было скорее падение неподвижного тела, на которое было больно смотреть. Я никогда не видел лица, более полного выражения веры в четко очерченных чертах. Принц, глубоко тронутый, молился с большим рвением, а затем сказал: "Встань!" Добрая женщина, сильно взволнованная, не смогла этого сделать, несмотря на все свои усилия, без помощи своего мальчика, который плакал рядом с ней, и тогда ее хромая нога, казалось, хрустнула. Когда она встала на ноги, он сказал: "Теперь пройди по комнате без боли". Она попыталась сделать это, но преуспела с трудом, но лишь с небольшими страданиями. Он снова помолился, и исцеление было полным; она легко и безболезненно ходила взад и вперед и, наконец, вышла из комнаты; и мальчик, плача сильнее, чем раньше, но теперь от радости, воскликнул: "О мой Бог! мама может ходить, мама может ходить!" Пока это продолжалось, в комнату вошла пожилая женщина по имени Зиберт, жена переплетчика, которую привезли в носилках. Она страдала от паралича и непрекращающихся головных болей, которые не оставляли ее ни днем, ни ночью. Первая попытка вылечить ее потерпела неудачу. Второй приступ вызвал только приступ головной боли, еще более сильный, чем когда-либо, так что бедняжка едва могла удержаться на ногах или открыть глаза. Принц начал сомневаться в ее вере, но когда она заверила его в этом, он снова помолился с удвоенным усердием. И внезапно она исцелилась. Эта женщина вышла из комнаты, ведомая своей дочерью, и все присутствующие были полны изумления". Этот отчет был написан 26 июня. 28 июня герр Шарольд написал еще один отчет о других исцелениях, свидетелем которых он был; но достаточно и того, что уже приведено. То, что этот свидетель был убежден и искренен, видно из его описания, но насколько ценны его показания, мы не так хорошо знаем.

В том же году в Дармштадте была опубликована любопытная небольшая брошюра под названием "Das Märchen vom Wunder", в которой утверждалось, что она является результатом наблюдений врача, присутствовавшего на одном или двух из этих сеансов. К сожалению, брошюра анонимна, и это лишает ее большей части авторитета. Другим автором, критиковавшим подлинность чудес, был доктор Паулюс в своей "Квинтэссенции чудесного учения о Мишеле и Гогенлоэ", Лейпциг, 1822; но этот автор также писал анонимно и не утверждал, что видел какое-либо из исцелений. С другой стороны, Шарольд, доктор Онимус и два или три священника опубликовали свои показания в качестве свидетелей их подлинности и привели имена и подробности об исцеленных.

Те, кто нападал на принца и его исцелителей, макали свои ручки в желчь. Остается только добавить, что они не отразились на его характере ни в одном из тех соображений честности, которые бросал на него доктор Вольф.

Автор упомянутой выше дармштадтской брошюры говорит, что при его присутствии принца сопровождали два сержанта полиции, поскольку толпа, напиравшая на него, была настолько велика, что он нуждался в защите от ее давления. Он насмешливо отзывается о нем как о человеке, который проводил свое время за едой, курением и творением чудес, когда не спал, и говорит, что он был пухлым и красивым: "Восемнадцатилетнюю девушку, у которой были парализованы конечности, принесли из кареты к ногам пророка. После того, как он спросил ее, верит ли она, и молился около двенадцати секунд, он воскликнул скорее угрожающим, чем мягким голосом: "Ты исцелена!" Но я заметил, что ему пришлось трижды прокричать это в ухо испуганной девушке, прежде чем она сделала попытку пошевелиться, что было болезненно и огорчительно; и, кряхтя и поддерживаемая другими, она пробралась в тыл. "Тебе скоро станет лучше, только верь!" - крикнул он ей. Я, наблюдавший за происходящим, видел, как ее увезли такой же калекой, какой она появилась.

"Следующим пациентом был крестьянин пятидесяти восьми лет, калека на костылях. Без костылей он согнулся пополам и мог только шарк-нуть ногами по земле. После того, как принц задал обычные вопросы и помолился, он приказал коленопреклоненному мужчине встать, сняв с него костыли. Поскольку он не мог этого сделать, чудотворец казался раздраженным и повторил свой приказ сердитым тоном. Один из полицейских, стоявших сбоку, бросил: "Встать! во имя Троицы", - и поднял его на ноги. Мужчина казался сбитым с толку. Он действительно стоял, но согнувшись пополам, как и прежде, и пот струился с его лица, и выглядел он ничуть не лучше, чем раньше; но так как он пришел с костылями, а теперь стоял без них, раздались крики "Чудо!" и все столпились вокруг, чтобы поздравить беднягу. Сын помог ему уйти. "Имейте веру и мужество!" - крикнул ему принц; а полицейский добавил: "Только верьте и вотрите немного камфорного спирта!" Многие совали милостыню в руку мужчины, и он улыбался; это было расценено как знак его совершенного исцеления. Однако я увидел, что его колени были такими же негнушущимися, как и раньше, и что негодяй бросал тоскующие взгляды на свои костыли, которые у него отобрали, но он настоял на том, чтобы вернуть их. Никому не пришло в голову спросить, как потом обстояли дела с беднягой, и, действительно, вскоре после этого он умер.

Следующей поднялась глухая девушка восемнадцати лет. Чудотворец был весь в поту и, очевидно, измучен своей непрерывной молитвой день и ночь. После нескольких вопросов о продолжительности ее немощи принц помолился, затем осенил девушку крестом и, отступив от нее, стал задавать ей вопросы, на каждый поочередно несколько понижая тон; но она слышала

только те, которые произносились так же громко, как и до проведения эксперимента, и по большей части тупо смотрела на чудотворцу. Короче говоря, он объявил, что она исцелена. Вскоре после этого я отвел мать в сторону и поинтересовался результатом. Она заверила меня, что девочка слышит не лучше, чем раньше.

На ее место пришел совершенно глухой мужчина лет двадцати пяти. Результат был очень похож; но поскольку принц, приказывая ему удалиться исцеленным, сделал знак рукой удаляться, человек встал и ушел, и это было воспринято как доказательство того, что он услышал обращенный к нему приказ ".

Автор приводит другие случаи, свидетелем которых он был, ни один из которых не был иным, как неудачным, хотя все они были объявлены излечивающими.

29 июня принц совершил свое чудотворение во дворце в присутствии наследного принца и принца Эстерхази, австрийского посла, который направлялся в Лондон, чтобы присутствовать на коронации Георга IV. в июле. Попытки, вероятно, потерпели такой же большой провал, как и те, что описаны в дармштадтской брошюре. Принц был несколько обескуражен приглашением врачей, прикрепленных к больнице Юлиуса; он посетил это учреждение накануне и провел эксперименты над двадцатью пациентами, и ни в одном из них они не увенчались успехом. Подробные сведения о них были опубликованы в "Bamberger Briefe", № 28-33. Мы приведем лишь очень немногие:—

"1. Барбара Улен из Обершлейхаха, 39 лет, страдает водянкой. Принц спросил ее: "Ты искренне веришь, что тебе можно помочь и что тебе помогают?" Больная женщина ответила: "Да. Я решил покинуть больницу, где мне не сделали ничего хорошего, и обратиться за здоровьем к Богу и принцу". Он поднял глаза к небу и помолился; затем заверил пациентку в ее выздоровлении. Ее состояние быстро ухудшалось, вместо того чтобы улучшаться.

"7. Маргаретта Лелейн из Рандерсахера, 56 лет. Страдает водянкой из-за нарушения работы печени. Еще одна неудача. Вскоре после отъезда принца ее пришлось оперировать, чтобы спасти от удушья.

"10. Сюзанна Зеллнерин, 22-летняя служанка Aub, уже тринадцать недель находилась в больнице, страдая от режущих звуков в голове и глухоты. Принц, видя пылкость ее веры, воскликнул: "Сейчас ты увидишь, как быстро она выздоровеет!" Молитвы, благословения, как и прежде, и — как и прежде, никаких результатов.

"11. Джордж Форчхаймер, мясник, страдает ревматизмом. Одна нога неподвижна, и он может ходить только с помощью палки. Во время молитвы принца пациент плакал и всхлипывал и был глубоко взволнован. Принц приказал ему встать и идти без своей палки. Его попытки повиноваться были тщетны; он несколько раз падал на землю, хотя принц повторял над ним свои молитвы".

Приведенных примеров достаточно; ни один пациент в больнице не был вылечен им более успешно.

5 июля принц Гогенлоэ отправился в Бамберг, где его с нетерпением ожидали многие больные и легковверные люди. Бургомистр Хорнталь, однако, вмешался и запретил попытки творить чудеса

до тех пор, пока власти Байрута не будут проинформированы о его прибытии и пока не будет назначена комиссия из здравомыслящих людей и врачей, которые должны были принять к сведению предыдущее состояние каждого пациента, который был представлен к нему, и последующее состояние. Оказавшись в таком затруднительном положении, принц ничего не мог поделать; он потерпел столь же явную неудачу, как и в больнице Юлиуса в Вюрцбурге, и единственные случаи исцеления, о которых утверждалось, были среди разношерстной толпы на улице, которой он дал благословение с балкона своего жилья.

Обнаружив, что в Бамберге нет гения, он принял приглашение посетить бани Брюкенау, и оттуда до недоверчивых жителей Бамберга и Вюрцбурга дошла весть о том, что по молитвам принца были совершены необычайные исцеления. Поскольку, однако, у нас нет подробностей на этот счет, мы можем опустить их.

Гогенлоэ, у которого и в мыслях не было прятать свой свет под спудом, составил подробный отчет о более чем сотне методов лечения, которые, по его утверждению, сработали, засвидетельствовал их свидетелями и отправил этот драгоценный документ папе римскому, который, обладая здравым смыслом, не обратил на это внимания; по крайней мере, не обратил внимания общественности, хотя, вероятно, он сделал резкий выговор в частном порядке, поскольку Гогенлоэ очень быстро потерял сознание.

Из Брюкенау принц отправился в Вену, но там его приняли неблагоприятно, поэтому он уехал в Венгрию, где жили родственники его матери. Хотя к нему обращались больные люди, которые слышали о его славе, он больше не предпринимал прямых попыток исцелить их. Он, однако, раздал им карточки, на которых были указаны день и час, и написанную молитву, и призвал их усердно молиться о выздоровлении в указанный день и в указанный час, и пообещал помолиться за них в то же время. Но и это было прекращено, поскольку оказалось безрезультатным, и Гогенлоэ вернулся к тихой, ненавязчивой жизни. Благодаря семейным интересам он был назначен каноником Гроссвардейна, а в 1829 году дослужился до настоятеля кафедрального собора. Его способности проповедника надолго превзошли его способности творить чудеса. Он проводил время в добрых делах и в написании небольших руководств по набожности. В 1844 году он был хиротонисан титулярным епископом Сардики *in partibus*, то есть без кафедры. Он умер в Везлау, недалеко от Вены, в 1849 году. Мы далеки от того, чтобы предполагать, что Гогенлоэ был сознательным лицемером. Он явно был человеком с ограниченными умственными способностями, очень тщеславным и не склонным к суждениям. Мы не должны слишком полагаться на скандальные сплетни доктора Вольфа. Вероятно, тщеславие Гогенлоэ подверглось суровой проверке в 1821 году, когда и Римский престол, и весь мир объединились, чтобы дискредитировать его чудеса; и у него хватило здравого смысла принять вердикт.

СНОСКА:

[16] Иоганн М. Сайлер был известным бывшим проповедником-иезуитом, в настоящее время профессором Ландсхутского университета, впоследствии епископом Ратисбонским. Он умер в 1832 году.

Телеграф-Улитка.

Писатель хорошо помнит, как в детстве испытывал благоговейный трепет, смешанный со страхом, с которым он наблюдал за таинственными движениями телеграфа, установленного на церковных башнях во Франции вдоль всех главных дорог.

Многие красивые башни были испорчены этими отвратительными сооружениями. Там были огромные руки, похожие на руки ветряной мельницы, покрашенные в черный цвет и соединенные суставами, чтобы описывать в воздухе множество кабалистических знаков. Действительно, движения были похожи на извивания какого-то чудовищного паука.

Гланвил, писавший в середине XVII века, говорит: "Для тех, кто придет после нас, покупка пары крыльев для полета в самые отдаленные регионы может быть таким же обычным делом, как сейчас пара сапог для путешествия. *И общаться на расстоянии от Индии с помощью симпатичных средств передвижения*, может быть, для будущих времен будет таким же обычным делом, как для нас - литературная переписка". Далее он замечает: "Античность не поверила бы в почти невероятную мощь наших пушек и с таким же хладнокровием отнеслась бы к чудесам телескопа. В них мы все осуждаем античное недоверие. И, вероятно, у потомков будет столько же причин жалеть нас. Но те, кто знаком с усердными и изобретательными усилиями истинных философов, ни в чем не будут отчаиваться".

В 1633 году маркиз Вустерский предложил схему телеграфирования с помощью знаков. Другая, но похожая схема была предложена в 1660 году французом Амонтоном. В 1763 году мистер Эджворт построил для своего частного использования телеграф между Лондоном и Ньюмаркетом. Но именно в 1789 году Оптический телеграф получил практическое применение во Франции — изобретателем был Клод Шапп. Когда он был мальчиком, он изобрел средство связи с помощью сигналов со своими братьями на расстоянии двух-трех миль. Он проложил первую линию между Лиллем и Парижем стоимостью около двух тысяч фунтов стерлингов, и первым посланием, отправленным по ней, было сообщение о взятии Лилля Конде. Это привело к строительству множества подобных линий, сообщаящихся друг с другом с помощью станций. Некоторое представление о скорости, с которой отправлялись сообщения, можно составить из того факта, что в Париже потребовалось всего две минуты, чтобы воспроизвести знак, установленный в Лилле на расстоянии 140 миль. На этой линии было 22 станции. Возражения против этой системы заключались в том, что она была бесполезна ночью и в дождливую погоду. Французская телеграфная система состояла из одной главной балки—регулятора, на конце которой были два более коротких крыла, так что она образовывала букву Z. Регулятор и его флажки можно было поворачивать различными способами, делая всего 196 знаков. Иногда регулятор стоял горизонтально, иногда перпендикулярно.

В 1795 году лорд Мюррей представил в Англии флаг другой конструкции, состоящий из двух рядов по три восьмиугольных флага, вращающихся вокруг своей оси. Это дало 64 различных знака, но имело дефект в том же пункте, что и у Чаппе. Бедняга Чаппе был так расстроен из-за того, что его притязания на изобретение телеграфа были оспорены, что в 1805 году утопился в колодце.

Помимо того, что оптический телеграф был парализован темнотой и бурей, им было очень трудно управлять в гористой и лесистой местности, и там требовалось большое количество станций.

После того, как Земмеринг открыл в Мюнхене в 1808 году средство передачи сигналов с помощью гальванического тока, получаемого разложением воды, а Шиллинг в Канштадте и Ампер в Париже (1820) добились дальнейших успехов в науке электрологии, а Эрстед установил отклонение магнитной стрелки, стало казаться, что времена громоздкого и уродливого оптического телеграфа прошли. Была открыта новая сила, хотя масштабы и применимость этой силы не были известны. Гаусс и Вебер в 1833 году предприняли первую попытку создать электрический телеграф; в 1837 году Уитстон и Морзе использовали иглу и заставили телеграф печатать свои сообщения. В 1833 году телеграф Гаусса и Вебера вытеснил оптическое устройство на линии между Тревом и Берлином. Первая линия в Америке была проложена от Вашингтона до Балтимора в 1844 году. Первая попытка телеграфирования с подводной лодки была предпринята в Портсмуте в 1846 году, а в 1850 году был проложен кабель между Англией и Францией.

Именно в этом году, когда умы людей были взволнованы удивительной силой гальванического тока и открылась широкая перспектива его будущей пользы для людей, когда, действительно, широкая публика очень мало понимала об этом принципе и была в состоянии принять почти любое научное чудо, в Париже появился авантюрист, который взялся установить сообщение между всеми частями света без затрат и трудностей на прокладку кабелей связи. Линия, проложенная через ла-манш в 1850 году, была не очень успешной; она несколько раз ломалась, и ее приходилось восстанавливать заново, а в 1851 году восстанавливать заново. Если он не отвечал при передаче сообщений через такую узкую полосу воды, можно ли было использовать его для трансатлантической телеграфии? *Presse*, респектабельная парижская газета, возглавляемая известным журналистом мсье де Жирарденом, решительно ответила: "Нет". Средство связи не следовало искать в цепочке. Гуттаперчевая оболочка разлагалась под водой, и когда рассол попадал на провода, кабель становился бесполезным. Телеграф Чаппе был заменен электрическим телеграфом, который хорошо отвечал на суше, но на пути его использования для связи между местами, разделенными поясами морей или океанов, стояли фатальные препятствия. Более того, это была сложная система. Современная наука стремится к упрощению; и всегда обнаруживалось, что ключ к разрешению трудностей, которые ставили в тупик изобретателей прошлого, находится у них в руках. Электрический телеграф, безусловно, был более совершенным, сложным и дорогим, чем оптический. Был ли это такой решительный шаг вперед в этом? Да — в некотором смысле. Им можно было пользоваться в любое время дня и ночи. Но было ли сказано последнее слово в телеграфии, когда она была изобретена? Совершенно определенно, что нет.

Наряду с электричеством и земным магнетизмом была признана другая сила, смутно ощущаемая, полная полезность которой также была неизвестна, — животный магнетизм. Почему бы не использовать эту силу как средство передачи сообщений?

Мсье Жюль Алликс после длинной прелюдии в *La Presse* в статье, подписанной им самим, объявил, что французский изобретатель мсье Жак Туссен Бенуа (де л'Эро) и его коллега по

работе галльского происхождения, живущий в Америке, мсье Биат-Кретьен, изобрели "новую систему универсального взаимодействия мыслей, которая действует мгновенно".

После длинного вступления на истинно французском языке *rhodomontade*, прослеживающего прогресс человечества от публикации Евангелия до 19 века, М. Алликс продолжил: "Открытие ММ. Бенуа и Биат зависят от гальванизма, земного и животного магнетизма, а также от естественной симпатии, то есть основой общения является своего рода особая симпатическая жидкость, которая состоит из объединения гальванических, магнитных и симпатических токов посредством процесса, который будет кратко описан. И поскольку различные флюиды различаются в зависимости от органических или неорганических тел, из которых они происходят, необходимо далее заявить, что силы или флюиды, объединяемые здесь, - это: (а) земной гальванический ток, (b) животное-симпатический ток, в данном случае полученный от *улиток*, (с) адамический или человеческий ток, или животное-магнетический ток в человеке. Следовательно, чтобы кратко описать основу новой системы взаимодействия, нам придется назвать эту силу "*Гальвано-земная-магнетическая-животная и адамическая сила!*" Разве это не похоже на восхитительный научный фокус-покус Жюль Верна? Поверит ли читатель, что это было написано добросовестно? Это было, без сомнения, написано совершенно добросовестно. Характер *La Presse*, журналиста месье Жюль Алликса, не допустил бы мистификации, умышленно совершенной над общественностью. Мы цитируем номер газеты за 27 октября 1850 года.

"Согласно экспериментам, проведенным М. Бенуа и Биат, кажется, что улитки, с которыми однажды контактировали, всегда находятся в симпатическом общении. При разделении от них отделяется разновидность жидкости, проводником которой является земля, которая развивается и разматывается, так сказать, подобно почти невидимой нити паука или шелкопряда, которая может почти бесконечно разматываться и растягиваться в пространстве без разрыва, но с той существенной разницей, что нить эскарготической жидкости невидима так же полностью, а пульсация вдоль нее такая же быстрая, как у электрической жидкости.

"Но, - могут возразить с некоторым правдоподобием, - если допустить существование в улитках этой симпатической жидкости, будет ли она расходиться от них во всех направлениях по аналогии с электрическими, гальваническими и магнитными жидкостями, если между ними не будет установлен какой-либо проводник?" На первый взгляд, это возражение имеет некоторый вес, но, несмотря на все это, оно скорее показное, чем серьезное ". Решение этой трудности в высшей степени абсурдно. Мы должны подвести итог.

Сначала первооткрыватели гальванического тока считали необходимым установить обратный провод, чтобы замкнуть круг, пока не было обнаружено, что этого достаточно, чтобы соединить два конца провода с землей, когда сама земля завершит круг. Под землей нет видимой линии между концами, но течение завершает круг по ней. Более того, невозможно представить себе две точки, не установив в идее линию между ними, действительно, согласно определению Евклида, прямая линия - это то, что равномерно проходит между ее крайними точками, а прямая - это длина без ширины или субстанции. Итак, если мы представим себе двух улиток, мы проведем линию между ними, несущественную линию, но все же линию, по которой может проходить симпатический ток. "Теперь, ММ. Бенуа и Биат с помощью воздушных шаров в атмосфере " без сомнения установили, что видимая осязаемая линия связи необходима только тогда, когда она поднята над землей.

Следовательно, не остается ничего, что следовало бы рассматривать, кроме средств, аппарата, посредством которого осуществляется передача мысли.

"Это устройство состоит из квадратного ящика, в котором находится вольтовая батарея, металлические пластины которой, вместо того чтобы накладываться друг на друга, как в батарее Volta, расположены по порядку, прикрепленные к отверстиям, образованным в колесе или круглом диске, который вращается вокруг стальной оси. Металлические пластины, используемые Volta, Бенуа и Биат заменили другими в форме чашек или круглых тазиков, изготовленных из цинка, обтянутых тканью, пропитанной раствором сульфата меди, которая удерживается на месте с помощью медного лезвия, приклепанного к чашке. На дне каждой из этих чаш с помощью композиции, которая будет приведена в настоящее время, закреплена живая улитка, чье симпатическое влияние может объединяться и сплетаться с гальваническим током, когда колесо ворса приводится в движение, а вместе с ним и прилипшие к нему улитки.

"Каждый гальванический резервуар опирается на тонкую пружину, так что он может реагировать на любое незначительное движение. Итак, очевидно, что для такого устройства требуется соответствующее устройство, расположенное так, как было описано, и содержащее в себе улиток, совместимых с улитками в другом устройстве, так что убывающая вибрация может передаваться от одной точной точки в одной из куч к точной точке в другой и дополняющей куче. Когда эти диспозиции усвоены, остальное следует как само собой разумеющееся. Г-жи Бенуа и Биат прикрепили буквы к колесам, соотнося одну с другой, и при каждом сочувственном прикосновении к одному из них прикасаются к другому; следовательно, с помощью этого средства легко, естественно и мгновенно, передавать идеи на огромные расстояния, указывая буквы, к которым прикасаются улитки. Описываемый аппарат по форме напоминает морской компас, и чтобы отличить его от него, его называют *пасилалино*—*симпатическим компасом*, что одновременно описывает его действие и способы действия".

Но кто были эти изобретатели, Бенуа и Биат-Кретьен? Начнем с последнего. Как Понтопидон в своей "Истории Норвегии" возглавляет главу "О змеях" и говорит: "Таких нет", так и мы можем сказать о месье Биат-Кретьене: такого человека не было; по крайней мере, он никогда не поднимался на поверхность и его не видели. Очевидно, его существование было в такой же степени галлюцинацией или порождением фантазии месье Бенуа, как миссис Харрис была порождением воображения миссис Бетси Гэмп. Конечно, ни один Биат-Кретьен не был известен в Америке как первооткрыватель.

Жак Туссен Бенуа (де л'Эро) был человеком, с юности посвятившим себя тайным наукам. Его занятия магией и астрологией, месмеризмом и электричеством вскружили ему голову. Вместе с искренним желанием продолжить учебу и настоящей верой в нее к этому добавилась определенная приправа негодяйства.

Однажды Бенуа, который каким-то образом познакомился с месье Триа, основателем и управляющим парижским спортивным залом для занятий спортом, пришел к Триа и сказал ему, что он сделал открытие, которое заменит электрический телеграф. Директор был человеком здравомыслящим, но малообразованным и уж точно не обладал научными познаниями. Поэтому он был совершенно неспособен отличить истинную науку от ложной. Бенуа говорил убежденно и увлекал слушателя своим энтузиазмом.

"Что необходимо для конструкции машины?" - спросил мсье Триа.

- Только два или три куска дерева, - ответил Бенуа.

Мсье Триа отвел его в свою столярную мастерскую. "Ну вот, мой друг, - сказал он, - у тебя есть дрова и человек, который тебе поможет".

М. Триа сделал больше. Будущий изобретатель мгновенной передачи мыслей был бездомным и голодным. Управляющий снял для него жилье и ссудил ему деньги на развлечения. Бенуа принялся за работу. Он использовал великое множество кусков дерева и отнимал у плотника добрую часть его времени. Понадобились и другие вещи, а также дерево, вещи, которые стоили денег, и деньги были найдены М. Триа. Так прошел год. По истечении этого времени, которое было потрачено за счет его защитника, Бенуа не добился никакого результата. Было очевидно, что, обращаясь к М. Однако он стремился не столько сконструировать уже изобретенную машину, сколько посвятить себя своим любимым занятиям. Директор потерял терпение. Он отказался предоставить дополнительные средства. Затем Бенуа объявил, что машина готова.

Эта машина, для изготовления которой он попросил два или три куска дерева, представляла собой огромные подмости из балок длиной в десять футов, поддерживавших описанную месье Алликсом электрическую батарею, в чашах которой через равные промежутки времени находились несчастные улитки, приклеенные ко дну чаш каким-то клеем. Это был пасилалино-симпатический компас. Он занимал один конец квартиры. На другом конце был второй, точно такой же. В каждом было двадцать четыре улитки, симпатизирующие алфавиту. Эти бедные животные, приклеенные ко дну цинковых чашек маленькими капельками медного купороса, стекавшими по стенкам чашек с намокшей ткани, положенной на них, чувствовали себя неуютно и, естественно, пытались убежать. Они высунулись из своих панцирей и высунули рога, нащупывая какое-нибудь удобное место, по которому можно было бы ползти, и соприкоснулись с деревом, на котором были нарисованы буквы. Но если им попадалась капля раствора сульфата меди, они поспешно возвращались в свои раковины.

По идее, две машины должны были быть установлены в разных комнатах, но в квартире, где жил Бенуа, не было второй свободной комнаты, поэтому он был вынужден установить обе напротив друг друга. Это, однако, было совершенно несущественно, как он объяснил тем, кто посетил лабораторию. Улитки не учитывали пространство. Если бы один находился в Париже, а другой - у антиподов, передача мыслей по их симпатическому току была бы такой же полной, мгновенной и эффективной, как в его комнате на *трузье*. В доказательство этого Бенуа взялся переписываться со своим другом и коллегой по работе Биат-Кретьеном в Америке, который сконструировал аналогичный аппарат. Он уверял всех, кто приходил посмотреть на его изобретение, что ежедневно общается с помощью улиток со своим отсутствующим другом. Когда машина была закончена, изобретатель не спешил показывать ее в рабочем состоянии; однако М. Триат настаивал на том, чтобы она показала себя с лучшей стороны. Он сказал, и в том, что он сказал, был резон, что демонстрация пасилалинического телеграфа до того, как он будет усовершенствован, наведет на след других, которые могли бы, имея в своем распоряжении больше средств, опередить его и таким образом лишиться плодов его трудов. Наконец, он пригласил М. Триата и М. Алликса, как представителей влиятельного журнала, 2 октября посмотреть на аппарат в рабочем состоянии. Он заверил их, что с 30 сентября он находился в постоянной переписке с Биат-Кретьеном, который, не пересекая моря, будет помогать в экспериментах, проводимых в Париже в среду, 2 октября, в квартире месье Бенуа.

В назначенный день мсье Триат и мсье Алликс были в назначенном месте. Первый сразу же возразил против положения двух компасов, но был вынужден удовлетвориться причиной, приведенной оператором. Если они не могут находиться в разных комнатах, то, по крайней мере, в квартире должно быть сделано разделение с помощью занавески, чтобы оператор на одном компасе не мог видеть его на другом. Но сделать это было непреодолимо трудно, поэтому г-ну Триа пришлось отклонить и это возражение. Г-на Жюль Алликса попросили присмотреть за одним из компасов, в то время как изобретатель стоял на помосте, управляя другим. Г-н Алликс должен был передать сообщение, прикоснувшись к улиткам, которые представляли собой буквы, образующие слова, подлежащие передаче, после чего соответствующая улитка на аппарате г-на Бенуа должна была высунуть свои рожки. Но, под тем или иным предлогом, изобретатель все время перебегал от одного аппарата к другому, так что было не очень сложно, при небольшом руководстве, воспроизвести на своем анимированном компасе буквы, переданные мсье Жюлем Алликсом.

Передача, более того, была не такой точной, как следовало бы. Мсье Жюль Алликс прикоснулся к улиткам в таком порядке, что получилось слово *гимназа*; Бенуа на своем компасе прочел слово *гимназа*. Затем мсье Триа, заняв место изобретателя, отправил слова "*божественный люмьер*" мсье Жюлю Алликсу, который прочел на своем компасе "*божественный люмьер*". Очевидно, у улиток была плохая орфография. Более того, все это было фарсом, и переписка, какой бы она ни была, была вызвана непрерывными переходами изобретателя от одного компаса к другому под предлогом наблюдения за механизмом двух аппаратов.

Затем Бенуа пожелали связаться со своим американским другом, который находился по другую сторону Атлантики, опережая свой компас. Он передал ему сигнал быть начеку. Затем он прикоснулся живой улиткой, которую держал в руке, к четырем улиткам, которые соответствовали буквам названия Биат; затем они стали ждать ответа из Америки. Через несколько мгновений бедные склеенные улитки начали беспорядочно высовывать свои рожки, и, соединив буквы вместе, с некоторым приспособлением получился *Cestbien*, который при разделении и добавлении апострофа получился *C'est bien*.

Мсье Триа был сильно сбит с толку. Он считал себя обманутым. Но не мсье Алликс. Он был настолько полностью удовлетворен, что 27 октября появилась статья, вышедшая из-под его пера, которую мы процитировали. Затем М. Триат отправился к изобретателю и прямо сказал ему, что он отзывает у него свою защиту. Бенуа умолял его не бросать это дело до тех пор, пока телеграф не будет усовершенствован.

- Послушайте! - сказал г-н Триа. - Для вас нет ничего легче, чем заставить меня изменить мое намерение. Пусть один из ваших компасов будет установлен в моем спортивном зале, а другой - в соседней квартире. Если это кажется чрезмерным, то пусть между ними будет нарисован простой экран, и воздержитесь ли вы от прохождения между ними, пока продолжается эксперимент. Если при этих условиях вам удастся передать хотя бы одно слово с одного аппарата на другой, я буду выплачивать вам тысячу франков в день, пока ваши эксперименты будут успешными".

Затем г-н Триа посетил г-на де Жирардена, который заинтересовался этим вопросом, наполовину поверил в него и, соответственно, открыл колонки *La Presse* статьей г-на Алликса. Г-н де Жирарден пожелал присутствовать при решающем эксперименте, и г-н Триа с радостью пригласил его присутствовать. Он предложил еще тысячу франков, лишь бы компасы работали. "Мой план таков, - сказал месье де Жирарден. - Если изобретение Бенуа увенчается успехом, мы найдем *Иверский сад* и заставим Бенуа проводить свои эксперименты публично. Это принесет нам гораздо больше, чем две тысячи франков в день.

Бенуа с видимой готовностью согласился на все условия; но еще до того, как наступил день эксперимента, после того, как два больших помоста были перенесены в гимнастические залы, он исчез. Однако впоследствии его несколько раз видели в Париже, очень худого, с жадными беспокойными глазами, очевидно, частично невменяемого. Он умер в 1852 году!

Увы Бенуа. Он умер на несколько лет раньше. Немного позже, и он, возможно, стал бы важной фигурой в великом нашествии повального увлечения переворачиванием столов, которое вскоре после этого захлестнуло Европу и вскружило многим головы не только за столами.

Графиня Герлиц.

Одной из самых странных и ужасных трагедий этого столетия было убийство графини Герлиц; и оно вызвало огромный интерес в Германии как из-за высокого положения несчастной дамы, так и из-за тайны, связанной с ее смертью, и потому, что обвинение в ее убийстве лежало на ее муже, графе Герлице, камергере великого герцога Гессенского, тайном советнике, человеке не только состоятельном, но и высокопоставленном, с безупречной репутацией. Была еще одна причина, по которой это дело вызвало всеобщий интерес: разгадка оставалась загадкой целых три года, с 1847 по 1850 год.

Граф Герлиц был мужчиной сорока шести лет, большим фаворитом при дворе и прекрасной внешности. В 1820 году он женился на дочери тайного советника Плитта. У них не было детей. Графине было сорок шесть лет, когда произошло ужасное событие, о котором мы собираемся рассказать.

Граф и графиня жили в своем особняке на Неккарштрассе в Дармштадте — большом, роскошном доме, красиво обставленном. Хотя муж и жена жили под одной крышей, они жили порознь. Она занимала второй этаж, а он - партер, или цокольный этаж. Они обедали вместе. Причиной недружелюбных условий, в которых они жили, был тот факт, что графиня была богата, ее семья имела гражданское происхождение и сколотила большое состояние на торговле. Ее отец был облагорожен великим герцогом, и она была его наследницей. У самого графа было не так уж много своего, и его жена бросила этот факт ему в лицо. Она любила рассказывать о "нищей знати", которая была вынуждена присматривать за дочерьми богатых бюргеров, чтобы те позолотили свои короны. Граф, возможно, был вспыльчив и усугублял ситуацию резкими репликами, но, по общему мнению, причиной отчуждения были ее скупость и горький язык.

В доме было всего четверо слуг — камердинер графа, кучер, слуга графини и кухарка.

Каждое воскресенье граф Герлиц обедал во дворце. В воскресенье, 13 июня 1847 года, он, как обычно, обедал за столом великого герцога. Как мы знаем из писем принцессы Алисы, жизнь при том дворе была простой. Часы были, как обычно в Южной Германии, ранними. Карета отвезла графа на обед во дворец в три часа дня, и он вернулся в ней домой на улицу Неккар в половине седьмого. Войдя, он спросил слугу графини, мужчину по имени Джон Штауфф, дома ли его жена, так как он хотел ее видеть. На самом деле, он принес с обеденного стола во дворец несколько макарон и конфет для нее, поскольку она была сладкоежкой, и он подумал, что такое внимание может ей понравиться.

Когда Джон Штауфф сообщил ему, что графиня дома, он поднялся по каменной лестнице. Стеклопанная дверь вела в приемную. Он протянул к ней руку и обнаружил, что она застегнута. Думая, что его жена спит или не хочет, чтобы ее беспокоили, он спустился в свою комнату, которая находилась под ее гостиной. Там он прислушался к ее шагам, намереваясь, услышав их, вернуться и преподнести ей конфеты. Поскольку он ничего не слышал, он вышел прогуляться. Было половина восьмого. Незадолго до девяти часов он вернулся с прогулки, надел халат и шлепанцы и попросил подать ему ужин - легкую трапезу, которую он обычно ел один в своей комнате, хотя и не всегда, потому что графиня часто присоединялась к нему. У нее было переменчивое настроение. Поскольку конфеты были у него в кармане, и он еще не мог преподнести их, он послал ее слугу Штауффа сказать ее светлости, что ужин подан и что ему будет очень приятно, если она почтит его своим присутствием. Штауфф вернулся через несколько минут и сказал, что графини нет дома. "Ерунда!" - сказал муж. "Конечно, она дома. Однако она может спать. Я пойду сам и найду ее. После этого он поднялся по лестнице и обнаружил, что стеклопанная дверь в прихожую, как и прежде, заперта. Он заглянул внутрь, но ничего не увидел. Он постучал, но ответа не получил. Затем он подошел к двери спальни, постучал, но безрезультатно; прислушался и не слышал ни звука. У графа был ключ от гардеробной; он открыл и вошел, а через нее прошел в спальню. Там было пусто. Постельное белье было убрано на ночь, но в остальном оставалось нетронутым. У него не было ключа от прихожей и гостиной.

Затем граф поднялся наверх, в прачечную, которая находилась на самом верхнем этаже и где также было несколько комнат. Графиня придирчиво относилась к кружевам и белью и часто ухаживала за ними сама, собственноручно вытачивая некоторые воротнички и оборки. Ее не было в прачечной. Очевидно, ее, как и сказал Штауфф, не было дома. Граф расспросил слугу. Намекала ли его хозяйка на свое намерение поужинать за границей? Нет, не намекала. Тем не менее, вполне возможно, что она отправилась к близким друзьям. Соответственно, он послал во дворец принца Витгенштейна и в дом советника фон Шторха, чтобы узнать, находится ли она в любом из них. Ее не видели ни в том, ни в другом месте.

Граф был озадачен, но всерьез не встревожился. Он велел Штауффу позвать слугу Шиллера и кучера Шембса, которые ночевали вне дома, а затем сходить за слесарем. Штауфф удалился. Вскоре прибыли камердинер и кучер, а следом и Штауфф, без слесаря, который, по его словам, был болен, а его слуга находился в таверне. Граф рассердился и отругал его. Затем кучер вышел и вскоре вернулся с учеником слесаря, которому тотчас же было поручено открыть запертые двери на верхнем этаже. Графини среди них не было. В то же время молодой человек почувствовал запах гари, но откуда он исходил, они не могли решить. Думая, что этот запах доносился из кухни на первом этаже, то есть этажом выше того, где жил граф, они атаковали дверь кухни, которая также была заперта. Ее там не было. Затем граф повел их в личную

гостиную графини. Пока только молодой слесарь заметил пожар, остальные не были уверены, почувствовали ли они какой-нибудь необычный запах или нет. Ключ подмастерья не подходил к замку прихожей графини, поэтому он побежал домой за другим. Затем граф вернулся в свою квартиру и, войдя в нее, сам почувствовал запах гари. Соответственно, он снова поднялся наверх и обнаружил, что кучер открыл железную дверцу печки в коридоре и что из нее валил густой едкий дым. Здесь мы должны дать объяснение. Во многих случаях фарфоровая печь в немецком доме не имеет отверстия в комнату. Она освещается снаружи через дверь в коридор. Несколько печей сообщаются одним дымоходом. Граф и его слуги выбежали во двор, чтобы посмотреть, не идет ли из трубы дым. Его не было. Затем они вернулись в дом. Ученик еще не вернулся. Посмотрев через стеклянную дверь, они увидели, что в комнате был дым. Раньше этого не замечали, потому что был вечер и сумерки. В тот же миг слуга графа Шиллер разбил зеркальное стекло, и сквозь разбитое стекло к ним потянулся дым.

Было половина одиннадцатого. Поиски заняли полтора часа. Расследование не велось с особой активностью; но, с другой стороны, не возникло никаких подозрений ни в чем, что могло бы вызвать тревогу. Если графиня была дома, она должна быть в гостиной. Из этой комнаты, должно быть, шел дым, который заполнял прихожую. Огонь должен быть внутри, и если графиня была там, ей грозила опасность задохнуться. Следовательно, поскольку ключей под рукой не было, двери следовало выломать немедленно. Этого сделано не было. Граф Герлиц отослал слуг. Штауффу он велел сбегать за трубочистом, а Шиллеру - за своим врачом, доктором Штегмайером. Кучер потерял голову и выбежал на улицу, крича: "Пожар! пожар!" Вошедшая жена Шиллера выбежала звать на помощь.

Граф остался один за стеклянной дверью; и там он оставался пассивным до прихода слесаря с ключами. Время было потрачено впустую. Ни один из ключей не открывал дверь, а дым все равно валил наружу. Тогда подмастерье выбил дверь ударом молотка. Он сделал это по собственной воле, без приказов графа. Это вспомнилось впоследствии. Тотчас же повалил густой, черный, тошнотворно пахнущий дым, преградивший вход тем, кто стоял снаружи.

Тем временем кучер и другие приставили лестницы к стене, одну к окну передней, другую - к окну гостиной. Зейтц, ученик, взбежал по лестнице и заглянул внутрь. В комнате было совсем темно. Он разбил два стекла в окне, и тотчас же голубое пламя заплясало вверх, охватило занавески, вспыхнуло желтым и огненным языком вылетело через разбитое окно. Зейтц, который, по-видимому, был единственным человеком, сохранившим присутствие духа, смело просунул руку внутрь и расстегнул клапаны, а затем, поймав горящие занавески, сорвал их и выбросил на улицу. Затем он выбросил из окна два стула, которые загорелись. Он не рискнул войти из-за дыма.

Тем временем кучер разбил оконные стекла в передней. Из-за этого по комнате прошел сквозняк, поскольку стеклянная дверь была взломана Зайцем. Дым рассеялся достаточно, чтобы можно было проникнуть в дверь гостиной. Эта дверь также оказалась запертой, и не только запертой, но и с вынутым из нее ключом, как это было с дверью в прихожую. Эта дверь также была распахнута, и тогда стало видно, что письменный стол графини охвачен пламенем. Это было все, что можно было различить с первого взгляда. Комната была полна дыма, и жара стояла такая сильная, что никто не мог войти.

Воду приносили в кувшинах и ведрах и выливали на пол. Поток воздуха постепенно рассеивал дым, и на полу возле горящего стола было замечено что-то белое. - Боже мой! - воскликнул граф. - Вот она лежит!

Графиня лежала на полу рядом со своим письменным столом; белый предмет был ее чулками.

Среди вошедших был кузнец по имени Ветцелл; он бросился вперед, опрокинул ведро с водой на горящий стол, схватил мертвое тело за ноги и втащил его в прихожую. Затем он попытался поднять его, но оно выскользнуло у него из рук. На помощь ему пришел второй, с тем же результатом. Труп был похож на растопленное масло. Когда он схватил его за руку, плоть отделилась от кости.

Тело положили на циновку и таким образом перенесли в шкаф. Верхняя часть тела была сожжена дотла; одна рука обуглилась; на левой ноге был ботинок, другой был найден позже в другой комнате. Принесли еще воды, и огонь в гостиной был полностью потушен. Только тогда стало возможным осмотреть помещение. Пожар, по-видимому, возник в письменном столе или секретере графини; тело лежало перед столом, а рядом с ним стоял опрокинутый стул. Из гостиной дверь, которая была найдена открытой, вела в будуар. В этом будуаре было окно, выходившее на боковую улицу. В прихожей не было следов пожара. В гостиной сгорели только секретер и пол под ним. На шифоньере у стены стояли подсвечники, стеариновые свечи в них расплавились от жары в комнате и растеклись по шифоньеру.

В этой комнате также был диван, напротив двери, ведущей из прихожей, на некотором расстоянии от письменного стола и очага. В середине дивана зияла дыра четырнадцати дюймов в длину и шести дюймов в ширину, прожженная в кретоновом чехле, холсте под ним и в конском волосе под ним. Над стеной висело зеркало; это стекло было разбито и покрыто налетом, похожим на дым. Таким образом, было очевидно, что пламя на диване взметнулось достаточно высоко и раскалено, чтобы разбить зеркало и затемнить его.

Слева от входной двери висела веревка от звонка, сорванная и брошенная на землю.

За гостиной находился будуар. В нем стоял маленький угловой диван. Его крышка была прожжена в двух местах. Подушка сзади также была испещрена прожженными дырами. Над этим сиденьем на стене висела картина маслом. Она покрылась волдырями от высокой температуры. Рядом с ним стояла витрина, на которой стояли свечи; они также были найдены полностью оплавленными. В этом будуаре была найдена туфелька с правой ноги графини.

Если читатель вдумается в то, что мы описали, он увидит, что, должно быть, произошло нечто очень таинственное. Следы горения были обнаружены в трех разных местах — на диване, на секретере в гостиной и на угловом сиденье в будуаре. Было ясно также, что графиня побывала в обеих комнатах, потому что одна ее туфелька находилась в будуаре, другая - на ноге в гостиной. Кроме того, очевидно, она позвонила, призывая на помощь, и оборвала веревку звонка.

Еще одной очень важной и загадочной особенностью дела был тот факт, что обе двери были найдены закрытыми, а ключ не был найден ни при теле, ни где-либо еще в комнатах. Следовательно, графиня не запиралась сама.

Еще раз: —внешний вид трупа был необычным. Голова и лицо были сожжены дотла, особенно лицо, в меньшей степени затылок. Вся верхняя часть тела была обожжена, вплоть до нижних

ребер, и там следы горения полностью исчезли. Кроме того, пол был обожжен рядом с трупом, но не там, где он лежал. Тело защищало пол, на котором оно лежало, от огня.

Полиция была немедленно проинформирована о том, что произошло, и мировые судьи осмотрели место происшествия и свидетелей. Это было сделано предосудительно неэффективным образом. Первое высказанное мнение состояло в том, что графиня писала за своим письменным столом и подожгла себя, бегала из комнаты в комнату, пыталась позвать на помощь, позвонив в колокольчик, потерпела неудачу, упала и умерла. Для осмотра тела были вызваны трое медиков. Один решил, что это был случай самовозгорания. Второй - что это был не случай самовозгорания. Третий просто заявил, что она обгорела, но как возник пожар, он сказать не смог. Тщательного осмотра трупа не производилось. С него даже не сняли наполовину сгоревшую одежду. Оно не было вскрыто. Семейный врач подписал свидетельство о "смерти в результате несчастного случая", и через два дня тело было похоронено.

Только три или, в крайнем случае, четыре гипотезы могли объяснить смерть графини.

1. Она случайно загорелась, когда писала за своим столом.
2. Она умерла от самовозгорания.
3. Она была убита.

Действительно, существует четвертая гипотеза — что она покончила с собой; но это было слишком невероятно, чтобы принимать ее во внимание. Способ смерти был не из тех, которые можно примирить с идеей самоубийства.

Первой идеей было то, что в головах магистратов. Они были склонны к этому. Они не видели ничего, что могло бы помешать этому. Более того, граф был камергером при дворе, фаворитом государя и очень любимым принцами, а также человеком, которого все уважали. Несомненно, это было как-то связано с поспешностью и поверхностностью, с которой проводился допрос. Судьи хотели замять трагедию.

Небольшое рассмотрение показывает, что теория несчастного случая была несостоятельна. Свечи стояли на шифоньере, а на том месте, где горел костер, не было обнаружено никаких следов подсвечников. Более того, внешний вид секретера противоречил этой теории. Письменный стол состоял из опускающейся створки, на которой графиня писала и которую она могла закрывать и запирать на замок. Над этим столом было несколько маленьких ящичков, в которых хранились ее письма, квитанции по счетам и драгоценности. Под столом были ящики побольше. Верхние ящики сгорели не полностью; с другой стороны, нижние ящики сгорели полностью, и их дно и содержимое осыпались золой на пол под ними, который также был прожжен на глубину от полутора до двух дюймов. Таким образом, было очевидно, что секретер подожгли снизу. Более того, под ним было найдено больше древесного угля, чем можно было бы объяснить, предположив, что он упал сверху. Теперь следует помнить, что сгорела только верхняя часть тела. Графиня не подожгла себя, когда писала, и поэтому подожгла бумаги на столе. Это было невозможно.

Предположение о том, что она умерла от самовозгорания, также поддерживалось многими. Но достоверно подтвержденного случая самовозгорания не известно. Профессор Либих, когда его

впоследствии допрашивали по этому делу, заявил, что самовозгорание человеческого тела было абсолютно невозможно, и такую идею следует отнести к области мифов.

Таким образом, разумному человеку, взвесившему все обстоятельства, не оставалось иного вывода, кроме того, что графиня была убита. Поэтому разумный человек не мог прийти ни к какому другому выводу.

Высший суд города Дармштадт попытался замять это дело. За него взялась немецкая пресса. Это вызвало большой интерес и возмущение по всей стране. Было довольно недвусмысленно намекнуто, что дело было скандально замалчиваемо из-за ранга графа и близких отношений, в которых он состоял с королевской семьей. Газеты не побрезговали ничем иным, как намеком на то, что речь идет об убийстве и что убийцей был муж несчастной женщины. Некоторое подозрение, что так оно и было, по-видимому, закралось в головы слуг дома. Они вспомнили о его медлительности при входе в комнаты графини; о том, как долго он безрезультатно посылал за ключами и пробовал ключ за ключом, когда пинка ноги или удара молотка было бы достаточно, чтобы попасть в комнату, где она лежала. Было хорошо известно, что пара жила не в лучших отношениях. Чтобы сохранить видимость перед миром, они обедали, а иногда и ужинали вместе. Они редко встречались наедине, а когда все же встречались, то вступали в спор и обменивались громкими словами, которые слышали слуги.

Графиня была скупой, она неохотно отдавала мужу хоть что-то из своих денег. Однако годом ранее она составила завещание, пожизненно оставив все свое большое состояние мужу. Следовательно, ее смерть освободила его от домашних и денежных хлопот. На следующее утро после смерти он послал за агентом страховой компании, у которой были застрахованы мебель и другие вещи, и предъявил свой иск. Он потребовал, в дополнение к стоимости уничтоженной мебели, стоимость ожерелья из бриллиантов и жемчуга, которое настолько пострадало от пожара, что потеряло большую часть своей стоимости. Жемчуг был совсем испорчен, а бриллианты обесценились наполовину. Агент отклонил это требование, поскольку утверждал, что драгоценности не были включены в страховку, а граф воздержался от нажима.

Для графа ситуация в конце концов стала невыносимой. Он почувствовал, что его прием при дворе стал менее сердечным, друзья охладели к нему, а знакомые стали резкими. Он должен снять с себя обвинение, которое теперь тяготело над ним. Смерть графини наступила 13 июня 1847 года. 6 октября, то есть четыре месяца спустя, граф Герлиц предстал перед уголовным судом Великого герцога Дармштадта и предъявил пачку немецких газет, обвиняющих его в убийстве своей жены и поджоге комнаты, чтобы скрыть доказательства своего преступления. Поэтому он попросил о повторном открытии дела и повторном допросе свидетелей. За этим ничего не последовало. Суд колебался, стоит ли снова рассматривать дело и дискредитировать решение мировых судей, принятое в июне. И снова, 16 октября, граф повторил свою просьбу и пожелал, в случае отказа, чтобы ему и его адвокату был предоставлен доступ к протоколу допроса, чтобы они могли принять решительные меры для очищения репутации графа и наказания тех, кто обвинил его в чудовищном преступлении. 21 октября он получил ответ, "что его просьба не может быть удовлетворена, если он не представит таких дополнительных доказательств, которые показали бы Суду, что предыдущая экспертиза была дефектной".

25 октября граф представил Суду массу доказательств, которые, по его утверждению, существенно изменяют, если не полностью опровергнут вывод, к которому пришло предыдущее расследование.

Затем, наконец, было дано согласие; но разбирательство началось только в ноябре и затянулось до конца октября следующего года, когда в великом герцогстве был принят новый закон об уголовном судопроизводстве, все, что было сделано до этого, стало недействительным, за исключением предварительного расследования, и только 4 марта 1850 года, то есть только через *три года* после смерти графини, дело было тщательно рассмотрено и урегулировано. До обнародования закона от октября 1848 года все судебные процессы были частными, затем был введен суд присяжных и публичный.

Однако кое-что было сделано. В августе 1848 года, то есть более чем через год после похорон графини, тело было эксгумировано и передано на экспертизу. Затем были выявлены два факта. Череп графини был проломлен каким-то тупым предметом; и она была задушена. Состояние, в котором был найден язык, когда тело было впервые обнаружено, указывало на удушение, состояние челюстей при эксгумации доказывало это.

Таким образом, многое становилось вероятным. Убийца вошел в комнату, ударил графиню по голове, а когда это не убило ее, он задушил ее. Затем, по-видимому, как утверждалось, он сжег тело, а затем, прежде чем оно было съедено более чем наполовину, положил его рядом с секретером и, наконец, поджег секретер.

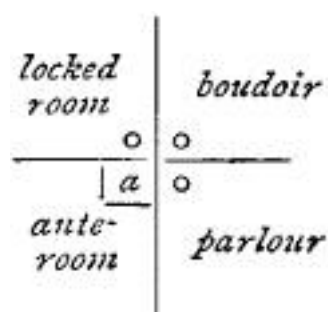
Он поджег письменный стол, чтобы навести на предположение, что графиня подожгла себя, когда писала за ним; и это был первый сделанный вывод.

То, что имела место борьба, вытекало из нескольких обстоятельств. Вербка звонка была сорвана. Вероятно, в тот воскресный вечер, когда раздался отчаянный звонок о помощи, в доме не было прислуги. Опрокинутое сиденье, казалось, указывало на то, что она была застигнута врасплох у письменного стола. Одна туфля валялась в будуаре. Борьба продолжалась, когда она выбежала из гостиной во внутренние апартаменты.

Только теперь можно было объяснить следы пожара на диване. Графиня укрылась сначала за одним, потом за другим, после того как была ранена, и ее кровь запятнала их. Убийца выжег следы крови.

Она убежала из гостиной в будуар, а оттуда надеялась скрыться через соседнюю дверь в угловую комнату, но дверь этой комнаты была заперта.

Следующим пунктом, который необходимо было установить, было место, где было сожжено ее тело.

В гостиной, будуаре и запертой угловой комнате были печи. Стены этих комнат сходились, и по углам стояли печи. Все они сообщались с помощью одной дымовой трубы. Все они обогревались через отверстие в прихожей, обозначенное *кака*, которое закрывалось железной дверью и было завешено гобеленом. Отверстие было достаточно большим, чтобы в него мог просунуться человек, а топка - достаточно большой, чтобы ее можно было использовать.

С тех пор, как было начато серьезное обследование, прошло много времени, и думать о том, чтобы найти следы сожжения тела в этом месте, было слишком поздно. С тех пор печи использовались каждую зиму. Однако обнаружили некоторые новые и удивительные свидетельства. В пять минут девятого вечера, когда произошла загадочная смерть, полковник фон Штокхаузен находился на противоположной стороне улицы, разговаривая с дамой, когда его внимание привлек густой черный дым, внезапно поваливший из трубы дворца графа Герлица. Разговаривая с дамой, он продолжал смотреть на столб дыма, не зная, горит труба или нет, и следует ли ему поднимать тревогу. Когда дама ушла от него минут через десять или четверть часа, он увидел, что дым перестал выходить из трубы. Соответственно, он пошел своей дорогой, не обратив внимания на дым.

До сих пор все улики свидетельствовали о том, что графиня была убита. Сделанный теперь вывод был таков: ее ударили по голове, гоняли из комнаты в комнату, истекающую кровью, поймали, задушили, затем бросили в топку печи над огнем, который поглотил ее лишь наполовину; снова вытащили и положили перед секретером, а секретер намеренно подожгли, и все следы крови были уничтожены огнем. То, что нечто подобное имело место, было очевидно. Кто это сделал, было не так ясно. Попытки графа оправдаться установили тот факт, что его жена была убита, но не доказали его невиновности.

Внезапно дело приобрело новый аспект благодаря инциденту, совершенно неожиданному и экстраординарному.

Результатом расследования дела о смерти графини Герлиц стало то, что решение о том, что она погибла случайно, принятое городскими магистратами, было отменено, и стало совершенно ясно, что она была убита. Кем убит, было не так ясно.

Расследование продвинуло вывод еще дальше. Она была не только убита, но и ограблена.

Мы уже описывали письменный стол графини. Под откидной крышкой были выдвижные ящики, а другие, поменьше, скрывались за ней, когда она закрывалась. В ящиках поменьше она хранила свои письма, счета, инвестиционные чеки и драгоценности. Среди последних было жемчужное и бриллиантовое ожерелье, которое, по ее желанию, можно было продать, а деньги передать благотворительному учреждению. Ожерелье действительно было обнаружено серьезно поврежденным; но что стало с ее браслетами, брошками, кольцами, другими ее

шейными платками, серьгами? У нее также была цепочка из жемчуга, которую нигде не нашли. Все эти предметы исчезли. Никаких следов их не было найдено в золе под секретером; более того, ящики, в которых она их хранила, не были среди тех, что сгорели насквозь. В первом волнении и замешательстве, вызванном ее смертью, граф не заметил пропажи, а магистраты не сочли нужным поинтересоваться, было ли совершено какое-либо ограбление.

Теперь был установлен очень важный факт. Графиню ограбили и убили, вероятно, из-за ее драгоценностей. Следовательно, убийцей вряд ли мог быть граф.

Когда дело было возобновлено, по неоднократному требованию графа Герлица граф назначил "Дознавателя" для расследования дела, то есть официального исследователя всех обстоятельств; и 2 ноября 1847 года утром графу было передано уведомление, что "Дознаватель" посетит его особняк завтра и осмотрит как место убийства, так и слуг. Граф немедленно созвал своих слуг и приказал им быть в доме на следующий день, готовыми к осмотру.

В тот же день повариха по имени Маргарет Эйрих была занята на кухне приготовлением ужина для хозяина, который ужинал в 4 часа дня. В три часа на кухню зашел слуга Джон Стауфф и сказал поварихе, что ее хозяин хочет, чтобы в одной из верхних комнат разожгли огонь. Она отказалась идти, потому что была занята у плиты. Штауфф оставался там четверть часа, разговаривая с ней. Затем он сказал, что ему давно пора накрывать на стол к ужину, и она согласилась с этим замечанием, про себя удивляясь, почему он так долго медлил. Он взял тарелку с супом, заметил, что она не совсем чистая, и попросил ее вымыть. Затем она готовила соус на огне.

- Я помою его, если ты помешаешь соус, - сказала она. - Если я оставлю сковороду, соус подгорит.

Стауфф согласился, и она отправилась с тарелкой в раковину. За этим занятием она повернула голову и с удивлением увидела, что Штауфф держит в руке маленький флакончик и выливает его содержимое в соус.

Она спросила его, что он собирается делать; он отрицал, что что-либо делал, и женщина, проявив большое благоразумие, больше ничего не сказала, чтобы не дать ему подумать, что у нее возникли подозрения. Однако сразу же, как только он вышел из кухни, она осмотрела соус, увидела, что он обесцвечен, а попробовав, поняла, что вкус у него неприятный. Она вызвала кучера из экономку. Посоветовавшись, они решили, что этот вопрос требует дальнейшего расследования. Экономка взяла на себя приготовление соуса и отнесла его доктору Штегмайеру, семейному врачу, который сразу же сказал, что в него была подмешана зелень, и попросил сообщить в полицию. Это было сделано, соус проанализировали и обнаружили, что в нем содержится 15 с половиной зерен зелени, чего достаточно, чтобы отравить человека. После этого Штауфф был арестован.

Теперь мы видим, что покушение на жизнь графа было совершено в тот день, когда он объявил, что в его доме и среди его слуг будет проведено официальное расследование убийства.

Таким образом, Штауфф, очевидно, желал убрать графа с дороги до того, как будет проведено это расследование. В это самое время во Франции произошла ужасная трагедия, о которой писали все газеты. Герцог Праслинский убил свою жену, а когда его собирались арестовать, герцог отравился.

Хотел ли Штауфф, чтобы граф был найден отравленным в ту ночь, чтобы общественность могла прийти к выводу, что он покончил с собой, чтобы избежать ареста? Казалось бы, так.

Арест Джона Стауффа произошел 3 ноября 1847 года, через четыре с половиной месяца после смерти графини. Однако он был арестован только по обвинению в попытке отравления графа, а дальнейшее обвинение в убийстве графини было предъявлено ему только 28 августа 1848 года. Следует помнить, что тело убитой женщины не эксгумировалось и не исследовалось до 11 августа 1848 года — через восемь месяцев после возобновления расследования! Это действительно замечательно, что тайна была раскрыта и репутация графа была удовлетворительно подтверждена при такой медлительности судебного разбирательства. Еще один пример того, как глупо было устроено все это дело. Хотя Джону Стауффу было предъявлено обвинение в попытке отравления 3 ноября 1847 года, он не был допрошен по этому обвинению до 10 января 1849 года, то есть до тех пор, пока не провел четырнадцать месяцев в тюрьме.

Следует помнить, что веревка звонка в гостиной графини была сорвана. В высшей степени напрашивается на мысль, что именно здесь была отправная точка для расследования. Если колокол был сорван, он, должно быть, разнес по дому призыв о помощи. Кто был в доме в это время? Если кто-то был, почему он не откликнулся на призыв? Невообразимым было пренебрежение магистратов Дармштадта к первому допросу — они не навели справки. Только несколько месяцев спустя это дело было передано в суд.

В доме жили граф и графиня, кухарка, которая также выполняла обязанности горничной графини, Шиллер, камердинер графа, Шембс, кучер и личный слуга графини, Джон Штауфф. Из них Шиллер и Шембс не ночевали в доме.

13 июня, в день убийства, было воскресенье. Граф, как обычно, отправился в великокняжеский дворец в своей карете в 3 часа дня. Кучер вез его; Штауфф сидел на козлах рядом с кучером. Они оставили графа во дворце и вернулись домой. Им было приказано вернуться во дворец и забрать его в 6 часов вечера. По воскресеньям граф обычно проводил свой день в своих апартаментах, а графиня - в своих. В то утро, о котором идет речь, она спустилась к своему мужу с пачкой купонов, которые хотела, чтобы он обналичил для нее завтра. Он распорядился ее состоянием за нее. Сумма была небольшой, всего 30 фунтов стерлингов. В 2 часа дня она пошла на кухню, чтобы сказать повару, что может выйти на вторую половину дня, так как она никому не понадобится, и что она должна вернуться к 9 часам вечера

В три часа кухарка ушла. Кухарка увидела графиню и заговорила с ней, когда она уходила. Графиня была тогда частично раздета, и кухарка предположила, что она переодевается. Вскоре после этого Шиллер, камердинер графа, увидел ее и поговорил с ней. В то время она была наверху, в прачечной, раскладывала белье для стирки. Тогда на ней было утреннее хлопчатобумажное платье. Следовательно, она не оделась для выхода, как предполагала кухарка. В то же время карета выехала со двора дома и направилась во дворец. Это был последний раз, когда ее видели живой, если не считать Джона Стауффа и, если он не был убийцей, еще кого-то.

Примерно в четверть четвертого вернулась карета с Шембсом и Штауффом на козлах. Графа оставили во дворце. Кучер вывел своих лошадей, не распрягая их, и в половине четвертого отправился к себе домой, чтобы оставаться там до пяти часов, когда он должен был вернуться, запрячь лошадей и ехать обратно во дворец за графом. Через четверть часа после того, как кучер уехал, Шиллер вышел погулять со своим маленьким сыном.

Следовательно, в доме не было никого, кроме графини и Штауффа, и Штауфф знал, что в доме никого не было до пяти часов, когда Шембс возвращался в конюшни. Что произошло за это время?

В четверть пятого жена Шиллера пришла в дом с маленьким ребенком и чулком, который она вязала. Она хотела знать, поехал ли ее муж с мальчиком в Эберштадт, местечко примерно в четырех милях отсюда. Она подошла к задней двери. Она не была заперта, но, когда ее открыли, зазвенел колокольчик, как на двери магазина. Рядом с ней были две комнаты, одну занимал Шиллер, другую - Штауфф. Жена вошла в комнату мужа и обнаружила, что она пуста. Затем она вошла в комнату Штауффа. Там тоже было пусто. Она вернулась в прихожую и прислушалась. В доме все было по-прежнему. Она немного постояла, пока вязала и прислушивалась. Вскоре она услышала шаги, спускающиеся по задней лестнице, и увидела Штауффа в фартуке и с тряпкой для вытирания пыли в руке. Она спросила его, уехал ли ее муж в Эберштадт, и он ответил, что да. Затем она вышла из дома. Штауфф, однако, окликнул ее из окна, чтобы она поднесла к нему ребенка для поцелуя. Она так и сделала, а затем ушла.

Вскоре после пяти Шембс вернулся в конюшню, запряг лошадей и поехал во дворец, так и не повидавшись со Штауффом. Он не придавал этому значения, поскольку Штауфф обычно следовал за графом пешком, чтобы вовремя открыть дверцу кареты для графа. В этот раз Штауфф появился на своем посту в ливрее без четверти шесть. В половине седьмого оба вернулись со своим хозяином в дом на улице Неккар.

Соответственно, с половины четвертого до четверти пятого и с половины пятого до половины шестого Штауфф находился в доме наедине с графиней. Но с другой стороны, с четверти пятого до половины шестого она была совершенно одна, и вполне возможно, что убийство было совершено именно в это время. Следует помнить, что граф, вернувшись, поднялся вверх и постучал в дверь апартаментов графини, не дождавшись ответа. Вероятно, поэтому она тогда была мертва.

В семь часов кучер уехал, и Штауфф помог графу снять придворный обеденный костюм и облачиться в светлый костюм. Он пробыл с ним до половины восьмого, когда граф вышел прогуляться. Граф вернулся в половине девятого; следовательно, в течение часа Штауфф находился в доме наедине с графиней, вернее, с ее трупом.

Что происходило в течение этого часа? Здесь приводятся две независимые улики, которые помогают нам определить, что произошло. В пять минут девятого полковник фон Штокхаузен увидел столб черного дыма, выходящий из трубы дома; по его словам, он поднимался примерно на пятнадцать футов над трубой и был настолько плотным, что привлек его внимание, пока он разговаривал с дамой.

Примерно в четверть девятого дым прекратился.

Читатель, возможно, помнит, что окно внутреннего будуара выходило не на улицу Неккар, а в небольшой переулок. Прямо напротив жила вдова по имени Кекуле. В тот вечер, о котором идет речь, ее дочь Августа, восемнадцатилетняя девушка, вернулась с прогулки и поднялась наверх, в комнату, окно которой находилось как раз напротив, хотя и на несколько более высоком уровне, чем окно будуара. Выглянув из окна, Августа Кекуле, к своему изумлению, увидела в будуаре мерцающий свет, похожий на мерцающее пламя. Жалюзи были опущены, так что она ничего не могла разглядеть отчетливо. Однако она была встревожена и позвала своего двадцатилетнего брата Августа, и оба смотрели, как в комнате вспыхивает пламя. Они также позвонили своей матери, и все трое увидели, как он вспыхнул, затем уменьшился и погас. Было 8.15. При осмотре места было видно, что окно мисс Кекуле выходило в угол будуара, где диван был частично прожжен в нескольких местах.

Что означали эти два явления, дым и пламя? Очевидно, с половины восьмого до половины девятого убийца был занят сожжением тела и уничтожением огнем пятен крови на диванах. В это время в доме находился Джон Стауфф, и рядом с графиней, живой или мертвой, был только Джон Стауфф.

Теперь Штауфф был подвергнут допросу. От него потребовали отчета за проведенное время днем и вечером в воскресенье, 13 июня.

Он сказал, что после своего возвращения из дворца, то есть примерно в десять минут четвертого, он зашел в свою комнату на цокольном этаже и поел хлеба с сыром. Когда ему сказали, что жена Шиллера заявила, что видела, как он спускался вниз, он признался, что побежал наверх за тряпкой, чтобы смахнуть хлебные крошки со стола, за которым он ел. После того как женщина ушла, по его собственным словам, он оставался в своей комнате внизу до пяти часов, когда графиня вышла на верхнюю площадку лестницы и позвала его. Он поднялся наверх и нашел ее на самой верхней площадке; она зашла в прачечную, а он стоял в дверях, пока она разговаривала с ним и отдавала кое-какие распоряжения мяснику и пекарю. По его словам, на ней было черное платье из материи. Пока он разговаривал с ней, Шембс уехал за графом. Он дал точный отчет о том, что последовало за этим, вплоть до ухода графа на прогулку. После этого, по его словам, он написал письмо своей возлюбленной, а в восемь отправился ужинать в ресторан на открытом воздухе, где оставался до половины десятого. Он не смог представить свидетелей о ком-либо, кто видел его там и разговаривал с ним; но, конечно, из этого нельзя сделать много выводов из-за большого промежутка времени, с которого были взяты улики с места убийства. Таким образом, по его словам, в то время, когда из трубы поднимался дым, в доме никого не было, а пламя было видно в будуаре.

Если мы суммируем пункты, установленные в отношении убийства графини, мы увидим, насколько веские улики свидетельствовали против Штауффа.

На нее напали в ее комнате, и после отчаянной борьбы, которая продолжалась как в гостиной, так и в будуаре, она была убита.

Ее секретер был ограблен.

Ее тело было сожжено.

Пятна крови были стерты огнем.

Секретер был подожжен; и, по-видимому, тело убрали с того места, где оно было частично сожжено, и положили рядом с ним.

На все это, должно быть, ушло время. Это мог сделать только тот, кто знал, что у него есть время, чтобы осуществить это без помех.

Джон Стауфф дважды, днем и вечером, оставался дома один в течение часа, зная, что в течение этого времени его никто не потревожит.

Если его рассказ верен, убийство должно было быть совершено во время его краткого отсутствия в карете, а сожжение тела и поджог комнаты - когда он вышел приготовить себе ужин. Но — как мог убийца предположить, что он оставит дом открытым и без охраны в восемь часов? Было ли вероятно, что убийца и грабитель, убив графиню и забрав ее драгоценности в шесть часов, будет слоняться здесь до восьми, ожидая возможности вернуться на место своего преступления незамеченным, чтобы попытаться замаскировать его? более того, не зная, сколько у него будет времени для достижения своей цели?

Возможно, что это было сделано, но маловероятно.

Из нового источника поступили доказательства, которые помогли установить вину Штауффа.

6 октября 1847 года нефтяник Генри Штауфф из Оберомена, Гессен-Кассель, был арестован, потому что было обнаружено, что он избавлялся от нескольких ювелирных изделий, не имея возможности дать удовлетворительного отчета о том, где он их взял. Украшения состояли из куска расплавленного золота и нескольких брошей, браслетов и колец.

Генри Штауфф в юности был кузнецом, затем стал разносчиком, но в последние несколько лет, после смерти жены, он продавал ножи и был точильщиком ножей. Он был очень беден и не мог платить по своим расценкам. Однако в июле 1847 года его дела, казалось, наладились; он надел серебряные часы и получил лицензию на торговлю маслом и семенами. Когда он подал заявку на патент, бургомистр был удивлен и спросил его, как он может раздобыть акции для открытия бизнеса в своем бедственном положении. Вслед за этим Генри Штауфф открыл свой кошелек и показал, что в нем много серебра, а вместе с монетами было золотое кольцо, по—видимому, с драгоценным камнем.

Причиной его ареста стало то, что он предложил кусок золота серебрянику в Касселе. Это было настолько похоже на переплавку ювелирных изделий, что кузнец связался с полицией. При аресте Генри Штауфф сказал, что он был отцом четверых детей, двух сыновей и двух дочерей; что его сыновья, один из которых служил в армии, присылали ему деньги, что его дочь в Америке подарила ему драгоценности, и что золото, которое было у него несколько лет, было подарено ему вдовой, которая умерла. Серебряные часы, которые он купил во Франкфурте. У Генри Штауффа дома была дочь по имени Анна Маргаретта, которая часто получала письма из Дармштадта. На одном из этих писем не было марки, и поскольку она отказалась платить за него вдвое больше, оно лежало на почте, пока его не вскрыли и не вернули. Затем выяснилось, что оно датировано 29 сентября 1847 года и было от ее брата, Джона Штауффа. В нем просто содержалось обращение к ее отцу; оно было вскрыто; в нем содержался гневный упрек ему за то, что он не сделал того, что от него требовали, и немедленная отправка денег автору.

Возможно ли, что это имело отношение к утилизации драгоценностей?

7 июля, через три недели после смерти графини, Генрих Штауфф был в Дармштадте, где один сын, Якоб, служил в армии; другой, Джон, служил в семье Герлиц.

Это побудило магистратов Касселя связаться с судьями Дармштадта. 10 ноября Джона Штауффа допросили относительно его отца. Он сказал, что часто присылал ему деньги. Ему показали драгоценности и спросили, узнает ли он их. Он отрицал, что когда-либо видел их и отправил своему отцу.

Драгоценности были показаны графу Герлицу, и он сразу же опознал их как принадлежавшие его жене. Бывшая камеристка графини также опознала предметы. Граф и горничная утверждали, что эти предметы покойная леди всегда хранила в маленьких верхних ящичках своего секретера. Графиня была тщеславной и скупой и часто перебирала свои драгоценности. Она, конечно, пожалела бы о своих вещах, если бы их украли до 13 июня.

С тех пор эти предметы не крали, не находили среди пепла и не уносили тайком, поскольку на них не было следов пожара.

Здесь мы должны еще раз отметить экстраординарный характер разбирательства по этому делу. Предметы были идентифицированы и показаны Джону Стауффу 10 ноября 1847 года, но только через десять месяцев, 28 августа 1848 года, ему сообщили, что его подозревают в убийстве графини и в том, что он украл у нее эти украшения. Еще одна эксцентричность отправления правосудия в Дармштадте заключалась в том, что отцу Генриху и его сыну Джону было позволено свободно общаться друг с другом наедине, пока последний находился в тюрьме, и, таким образом, им было позволено вместе составить правдоподобный отчет об их поведении, с которым, однако, нам не нужно утруждать себя.

1 сентября 1848 года, на четвертый день после того, как Штауфф узнал, что ему предъявлено обвинение в убийстве графини, он попросил рассказать о том, что произошло на самом деле. Вот какой отчет он дал. Как видно, с того момента, как он узнал, что против него выдвинуто обвинение в убийстве, он изменил свою защиту.

Он сказал: "20 июня 1847 года" (то есть через неделю после убийства), "около десяти часов вечера, после того как граф поужинал и разделся, он принес мне шкатулку с драгоценностями и сказал, что отдаст ее мне, поскольку я был очень беден, и что это обеспечит моему отцу и мне комфортные условия. Затем я сказала графу, что не знаю, что делать с этими драгоценностями, после чего он посоветовал мне отправить их моему отцу и заставить его избавиться от них. Он сказал мне, что требует, чтобы я торжественно поклялся, что никому не расскажу о драгоценностях. Я спрятал коробку в чулок и спрятал ее в кустах на Бессунген-роуд. Позже я сказал моему брату Якобу, где они, и попросил его передать их моему отцу, когда он приедет в Дармштадт".

Когда Стауффа спросили, какую причину он может назвать для того, чтобы граф отдал ему драгоценности, он сказал, что граф видел, что он, Джон Стауфф, подозревал его в убийстве, и он назвал несколько обстоятельств, таких как наблюдение крови на носовом платке графа в вечер убийства, которые заставили его поверить, что граф виновен, и граф знал о его подозрениях.

4 марта 1850 года начался судебный процесс над Джоном Стауффом по обвинению в убийстве графини, ограблении, поджоге и попытке отравить графа.

В то же время его отца, Генри Штауффа, и его брата, Джейкоба Штауффа, судили за сокрытие краденого. Судебный процесс завершился 11 апреля. Было заслушано 118 свидетелей; среди них был граф Герлиц, в невиновности которого больше не было сомнений.

Джону Стауффу в то время было двадцать шесть лет, следовательно, на момент убийства ему было двадцать четыре года. Он учился в школе в Оберохмене, где показал себя способным и умным учеником. В 1844 году он поступил на службу в великокняжескую армию, а в мае 1846 года стал слугой в доме Герлицев в качестве лакея графини. В своем полку он вел себя хорошо; его считали отличным слугой, и оба, и хозяин, и хозяйка, доверяли ему. Довольно любопытно, что осенью 1846 года он выразил желание горничной графини, "чтобы и графиня, и ее связка драгоценностей, браслеты и все остальное были сожжены в одной куче".

Когда горничная услышала о смерти графини в следующем году, "Ах!" - воскликнула она. "Теперь желание Штауффа исполнилось в точности".

Он любил поговорить о религии и пользовался среди своих сослуживцев репутацией набожного человека. Однако он был по уши в долгах и общался с женщинами с дурным характером. На протяжении всего судебного разбирательства он сохранял самообладание, губы его были сжаты, лицо побледнело, без признаков волнения. Но человек, который мог бы стоять в стороне, не выказывая эмоций при вскрытии гроба своей любовницы, при виде полусгоревших, полуразложившихся останков своей жертвы, должно быть, обладал незаурядной способностью к самоконтролю. Во время судебного процесса он, казалось, был полон решимости показать, что он человек определенной культуры; он демонстрировал непринужденность в манерах и вежливость по отношению к судьям, присяжным и адвокатам. Он никогда не перебивал свидетелей, а когда допрашивал их, делал это разумно и сдержанно. Он часто наблюдал за публикой, особенно за женщинами, которые присутствовали в большом количестве, наблюдая за воздействием доказательств на их умы. Когда, как это иногда случалось, происходил какой-нибудь нелепый инцидент, он смеялся над ним так же искренне, как самый невинный зритель.

Присяжные единогласно признали его "виновным" по всем пунктам обвинения. Они единогласно вынесли вердикт "виновен" в отношении его отца и брата. Генри Штауфф был приговорен к шести месяцам тюремного заключения; Джейкоб Штауфф - к заключению под стражу на три месяца, а Джон - к пожизненному заключению. В то время в Гессене не могла применяться смертная казнь.

3 июня он был доставлен в каторжную тюрьму Мариеншлосс. 1 июля он обратился к великому князю с просьбой о его добровольном помиловании, поскольку он был невиновен в преступлениях, за которые был приговорен. Апелляция была отклонена. Затем он заявил о своем намерении сделать полное признание. Он попросил о встрече с графом. Он называл себя кающимся с разбитым сердцем, желающим искупить искренним признанием как можно больше зла.

Мы передадим его признание его собственными словами.

Когда в пять часов я пошел объявить графине, что собираюсь отправиться во дворец, я обнаружил, что стеклянные двери в прихожую и в гостиную открыты, и я вошел через них. Я не нашел графиню в ее гостиной, шторы в которой были задернуты. Не было ее и в будуаре. Я увидел, что дверь в маленькую угловую комнату приоткрыта, и предположил, что она там. Крышка ее стола была опущена, так что я увидел маленькие ящички, в которых, как я знал, она хранила свои ценности, доступные моей руке. Возможность делает вора. Я не смог устоять перед искушением обогатиться этими драгоценными предметами. Я открыл один из ящичков, достал золотой браслет, один с золотой филигранью, два бронзовых, пару золотых сережек, золотую брошь и тройную цепочку из бус или римского жемчуга; и положил в карман эти изделия, которые впоследствии достались моему отцу и, по большей части, были переплавлены.

Большинство этих вещей лежало в своих футлярах. В этот момент графиня появилась на пороге своего будуара и бросилась ко мне. Я не помню, что она воскликнула; страх за последствия и стремление помешать графине поднять шум и позвать на помощь и тем самым добиться моего ареста преобладали в моем сознании, и я думал только о том, как бы мне спастись. Я схватил ее за шею и прижал большие пальцы к ее горлу. Она отчаянно сопротивлялась. Мне пришлось приложить все свои силы, чтобы удержать ее. После пяти-семи минут борьбы ее глаза закрылись, лицо стало фиолетовым, и я почувствовал, как ее конечности расслабились.

"Когда я увидел, что она мертва, меня охватил ужас. Я позволил телу упасть, в результате чего голова ударилась об угол левой стенки секретера, и из-за этого образовалась рана, которая начала кровоточить. Затем я побежал и запер обе двери, спрятал то, что взял, в своей постели и вышел из дома. По пути во дворец я зашел в таверну Фрея и выпил три бокала вина. Я боялся, что слишком поздно прибуду во дворец, куда, однако, явился в половине шестого. Граф вернулся только в половине седьмого, так как обед в тот день длился несколько дольше обычного.

"Когда граф поднялся наверх, чтобы повидать свою жену и отнести ей что-нибудь вкусненькое, что он захватил с собой со стола, я несколько не встревожилась, потому что знала, что он постучит и уйдет, если не получит ответа. Так он и сделал. Он спустился вниз, не смутившись, и заметил, что ему показалось, будто графиня ушла. В половине восьмого он вышел из дома. Тем временем я обдумывал, что делать, и составил свой план. Теперь мне представилась возможность, и я поспешил привести ее в исполнение. Мой план состоял в том, чтобы уничтожить все следы моего поступка огнем и покончить с собой, если мне помешают.

Поскольку погода стояла прохладная, граф развел огонь в своей печи. Я принес все еще тлеющий уголь, собрал щепки пихты и другие горючие материалы, а также спички и поднялся с ними наверх. Только вино поддерживало меня в том, что я делал. Я поднял тело. Я поставил стул перед открытым письменным столом, усадил на него труп, положил одну руку на стол, голову положил на подлокотник, так что тело находилось в позе сна, опершись на откидную крышкустола. Я бросил раскаленный докрасна уголь под изголовье, насыпал на него спичек, бумаги и щепок; взял одну из горящих щепок и бросил ее на диван в будуаре; запер обе двери и выбросил ключи.

Потом я пошла к себе в комнату, развела огонь в печи и поставила шкатулки с драгоценностями на огонь. Огонь горел плохо, и в комнату проникал густой дым. Затем я увидел, что заслонка

закрыта. Я открыл ее, и дым повалил в трубу; это то, что увидел полковник фон Штокхаузен. В печке тоже было много пустых спичечных коробков, и они сгорели вместе с остальными.

Таково было признание Штауффа. Насколько оно правдиво, сказать невозможно. Он ничего не сказал о том, что шнурок звонка был сорван, ничего не сказал о дырах, прожженных в диване в гостиной. По мнению некоторых экспериментаторов, способ, которым он якобы сжег графиню, не объясняет внешний вид трупа.

Его целью было представить себя жертвой непреодолимого искушения - показать, что преступление было совершенно непреднамеренным.

Это было единственное оправдание, по которому он мог взывать к сочувствию и рассчитывать на смягчение приговора.

Это предложение было смягчено.

В 1872 году он получил добровольное помилование от великого князя при условии, что покинет страну и поселится в Америке. Таким образом, включая тюремное заключение до суда, он провел двадцать пять лет в заключении.

После освобождения он уехал в Америку, где, вероятно, находится до сих пор.

Восково-МедоваяЛуна.

В истории селенографии Джон Генри Мэдлер занимает выдающееся место. Он был самым первым, кто опубликовал большую карту лунной поверхности; и его карта была хорошей, очень точной и прекрасно выполненной, на четырех листах (1834-186). Для пояснения этой карты он написал книгу о Луне, озаглавленную "Универсальная селенография". Не удовлетворившись этим, он опубликовал вторую карту Луны в 1837 году, отражающую новые открытия.

Действительно, как астроном, Мэдлер был специалистом. Лорд Дафферин, находясь в Исландии, встретил немецкого натуралиста, который отправился на этот суровый остров в поисках мотылька. В природе тевтонских ученых не распылять свои интересы по многим отраслям естественной истории или другим занятиям, а сосредоточивать их на одном пункте. Мэдлер был сравнительно равнодушен к планетам, холоден к кометам и черств к притягательности туманностей. Что касается луны, то он был настоящим сумасшедшим.

Он умер в Ганновере в 1874 году в возрасте восьмидесяти лет, до конца наблюдая за Луной. Действительно, он предстал перед публикой как историк этой науки в работе, опубликованной в Брансуике за год до его смерти. Изучение астрономии больше, чем чего—либо другого, даже чем теологии, отрывает человека от мира и его интересов. Действительно, теология как наука имеет тенденцию выводить человека из себя и заставлять его лаять и огрызаться на своих собратьев, которые пользуются другими телескопами, кроме него самого; с астрономией дело обстоит иначе. Эта наука оказывает успокаивающее влияние на тех, кто ее изучает, так что Адамс и Леверье могут одновременно открыть Нептун, не сталкиваясь друг с другом нос к носу.

Астрономия, безусловно, заманчивая наука; поставьте астронома перед телескопом, и непреодолимое притяжение унесет его душу по трубе на небеса и оставит его тело без мирских интересов. Астроном - это обязательно математик, а математика - самое сложное и ошеломляющее изучение. "Гуманитарные науки", как называют классические исследования, выявляют человеческие интересы, они обязательно объединяют людей между собой, но математика отвлекает людей от всех интересов их собратьев. Последний мужчина, которого можно ожидать встретить влюбленным, последний мужчина, в жизни которого можно искать романтический эпизод, - это математик и астроном. Но как даже Цезарь кивает, так и астроном может впасть в уныние. Жизнь профессора Мэдлера не представляет особого живого интереса; но в ней был свой поэтический эпизод. Теперь, когда старого селенографа больше нет в живых, можно рассказать любопытную историю его ухаживания и женитьбы, не прибегая к нескромности.

Даже у самых прозаичных людей бывает время поэзии. Говорят, что лебедь поет только один раз — перед смертью. Деловой человек — биржевой маклер, управляющий страховой компанией, юрист, банкир, торговец скобяными изделиями, мясник, зеленщик, почтальон - все они переживали "момент", как назвал бы его Гегель, когда душа прорывается сквозь оболочку банальности и вульгарной рутины, исполняет свою соловьиную песню, а затем замолкает навсегда. Говорят, что есть определенные цветы, которым требуется много лет, чтобы распуститься, они раскрываются, источают поток благовоний и через час вянут. Так бывает со многими. Даже у астронома бывает время расцвета. Затем, после медового месяца, цветок увядает, песня умолкает, солнечный свет меркнет, и складки тумана обычного места становятся глубже, чем раньше.

Иван Тургенев, русский писатель, говорит о любви: "Это не эмоция, это болезнь, поражающая душу и тело. Оно развивается без правил, с ним нельзя считаться, его нельзя переоценивать. Оно овладевает человеком, не спрашивая разрешения, как лихорадка или холера. Он хватает свою добычу, как сокол голубку, и несет ее, куда пожелает. В любви нет равенства. Так называемая свободная склонность душ друг к другу - праздная мечта немецких профессоров, которые никогда не любили. Нет! из двоих любящих один - раб, другой - господин, и поэты не так уж неточно описали цепи любви".

Но любовь, когда она действительно овладевает мужчиной, приобретает некоторые черты, соответствующие его естественным привычкам. Флегматичный темперамент вряд ли можно назвать бурным, и человек сангвинической натуры не подвержен сильному влиянию расчетов материальных выгод. То, что вычисления должны стать составной частью многообразной сети увлечений математика, - это то, что мы могли бы предвидеть.

Будет интересно понаблюдать за немецким профессором, посвятившим себя самым суровым, абстрактным и сверхъестественным исследованиям, за появлением, течением и угасанием "болезни" любви. Мы почти верим, что этот случай настолько легко поддается анализу, что сама *бацилла* может быть обнаружена.

Однако, прежде чем мы перейдем к рассказу о любовном эпизоде профессора Мэдлера, мы должны сказать несколько слов о его предыдущей биографии.

Мэдлер родился в Берлине 29 мая 1794 года, в самый разгар месяца любви, хотя и на исходе. Он начинал жизнь школьным учителем, но в часы досуга погружался в более чистую атмосферу,

чем в классной комнате; он начал изучать звезды и обнаружил, что они ярче и интереснее, чем головы его учеников.

В 1828 году Уильям Бир, берлинский банкир, брат великого композитора Мейербера, еврей, построил небольшую обсерваторию в пригороде Берлина. Он познакомился с Мэдлером, у них была одинаковая любовь к звездам, и они стали близкими друзьями.

Пивз были одаренной семьей, разбегавшейся в разные стороны. Майкл, третий брат, был поэтом и писал трагедии, одна или две из которых время от времени появляются на экранах.

Результатом еженощных наблюдений за звездами стала статья о Марсе в оппозиции с рисунком поверхности, какой она виделась Бееру и Мэдлеру в телескоп первого.

Но Марс не допускал дальнейшего изучения, он больше не представлял проблем, которые они были способны решить, поэтому они посвятили себя Луне. Гурман существует от обеда до ужина, эта трапеза - кульминация его жизненной силы, в прошлом он впадает в инертность, безразличие, покой. Полнолуние было волнующим моментом в жизни Мэдлера, которая была разделена не на периоды по двадцать четыре часа, как день гурмана, а на лунные месяцы. Когда начала показываться луна, Мэдлер начал жить; его интерес, пульс его жизни участились по мере приближения полнолуния, затем пошли на убыль и он заснул, когда на небе не было лунного диска. С 1834 по 1836 год он издавал свою большую карту Луны и таким образом сделал себе имя. Но помимо этого, летом 1833 года он был нанят российским правительством в хронометрической экспедиции на Балтике.

Когда появилась его карта, прусское правительство сразу же назначило его помощником астронома в недавно построенной берлинской обсерватории. В 1840 году он стал профессором и был вызван возглавить обсерваторию и читать лекции по астрономии в Российском университете в Дерпте. Там он провел шесть лет, не изобилующих событиями. Он был неженат, равнодушен к женскому обществу и холоден, как его любимая луна. Он был так же одинок, так же далек от представлений о любви и супружестве, как Человек на Луне.

Наконец, однажды во время каникул он нанес долгожданный визит своему другу, селенологу, в Гронинген, университет Королевства Ганновер. Покуривая, попивая пиво и беседуя о кратерах и светящихся полосах на Луне со своим другом, который тоже был профессором, этот джентльмен вынул трубку изо рта, выпустил изо рта длинную спираль, а затем медленно произнес: "Кстати, профессор, вам известно, что у нас здесь, в этом королевстве, на самом деле не в Гренингене, а в городе Ганновере, есть дама, жена герра советника Витте, которая, как и вы, предана Луне; дама, которая проводит целые ночи на Луне". крыша ее дома смотрела на лик Луны через один конец — меньший — своего телескопа, наблюдая за всеми протуберанцами, измеряя их высоту и зондируя все полости. Действительно, утверждается, что она изучает лик и изменения луны гораздо внимательнее, чем черты лица и настроения своего мужа. Кроме того, утверждается, что когда светит луна, домашними обязанностями пренебрегают, обеды невкусные, горничные..."

"О, обеды! служанки! вам не нужно думать о них; всегда есть обеды и горничные, - презрительно сказал дерптский астроном, - но луну видят сравнительно редко. Луна должна быть в большом почете, когда она появится. Затем все должно быть принесено ей в жертву".

Доктор Мэдлер назвал луну не *она*, а *он*; однако мы пишем по-английски, а не по-немецки, поэтому меняем пол.

Королевский астроном Гронингенского университета продолжал, не заметив, что его прервали: "Фрау фон Витте потратила значительную часть денег своего мужа на приобретение самого большого телескопа, который только можно было приобрести, и построила для него обсерваторию с куполом, который вращается на пушечных ядрах, на крыше своего дома. В то время как герр фон Витте дремлет и храпит внизу, как обыватель, его просвещенная супруга находится наверху, изучая луну. Госпожа советница сделала больше, чем просто наблюдала за Луной, она сделала больше, чем вы и Пиво вместе взятые, с вашими картами — она смоделировала ее.

"Смоделировал это! — смоделировал луну! — в чем?"

"Из белого воска".

Лицо профессора Мэдлера вытянулось. Он приобрел большую известность не только в Германии, но и во всей Европе благодаря своим картам Луны. Здесь была неизвестная дама, такая же восторженная поклонница спутника, как и он сам, которая превзошла его. "Видите ли, - продолжал ганноверский профессор, - идея превосходна, предприятие колоссально. У вас есть постоянный сильный свет, вы заставляете восковую луну вращаться вокруг своей оси и самым удивительным и точным образом воспроизводите все фазы самой луны".

Это действительно была идея. Мэдлер посмотрел на свои руки, на пальцы. Смогут ли они смоделировать такой глобус? Вряд ли, у него были очень широкие грубые руки и толстые плоские пальцы, похожие на весла. Он внезапно встал.

"В чем дело? Куда ты идешь?" - спросил его друг.

- В Ганновер, к фрау Витте, посмотреть на восковую луну. Никакие уговоры не могли удержать его, у него была селенологическая лихорадка, он не мог спать, он не мог есть, он не мог читать, он должен был увидеть восковую луну.

А теперь, прошу вас, обратите внимание на искусство Купидона. Профессору было пятьдесят два года. Напрасно берлинские и дерптские девицы поднимали на него свои шапки. Ни светловолосая красавица саксонской расы с голубыми глазами не привлекла его внимания, ни смуглая русская с большими карими глазами и густыми черными волосами не привлекла его внимания. Его сердце было отдано холодной, целомудренной Диане. Для него это была обратная сторона истории об Эндимионе.

Он написал трактат о сокрытии Марса, описал пояса Сатурна, даже измерил свою талию. Венерой он пренебрег, и теперь Купидон собирался отомстить за оскорбление, нанесенное его матери. Был только один путь, которым можно было получить доступ к сердцу профессора. Бог Любви знал это и решил штурмовать цитадель по этой аллее. Доктор Мэдлер собственноручно упаковал свой чемодан так, как неженатые мужчины и абстрактно мыслящие люди упаковывают свои чемоданы. Он сложил всю свою одежду в кучу, хигглти-хигглти. Единственная капля благоразумия, которую он проявил, - это засунул горшочек с помидорами в чулок. Воротнички он засунул за голенища ботинок. Экземпляры его астрономических брошюр для презентации лежали слоями между его рубашками. Затем, поскольку сундук не закрывался, профессор

астрономии тяжело опустился на него, встал, затем снова резко опустился на него и повторял эту операцию до тех пор, пока пальто, брюки, белье, брошюры, щетки и гребни не были смяты в единую массу, и замок не защелкнулся.

Как только доктор Мэдлер прибыл в свою гостиницу в Ганновере, смахнул пыль с воротника пальто и покрутился перед *гарсоном*, который прошелся по нему бельевой щеткой, вращаясь, как луна, которую он любил, он отправился на поиски дома Витте. Ошибки быть не могло — с куполообразной обсерваторией на крыше.

Доктор Мэдлер стоял на площади, глядя на нее снизу вверх. Вид обсерватории тронул его; и теперь, каким бы суровым и сухим он ни был, слезы выступили у него на глазах, когда он подумал, что там, на этой возвышенной станции, восхитительная женщина проводила свои ночи в созерцании луны. Кем был Моисей на Фасге, созерцающий Землю Обетованную, кем был Симеон Столпник, бросивший вызов буре и холоду по сравнению с этим зрелищем?

Никогда прежде астроном не встречал представительницу слабого пола, которая хоть капельку интересовалась луной, *как луной*, а не для удобства освещения встреч влюбленных или для намека на валентинку. Это была героическая душа, которая воспарила, положительно воспарила над легкомыслием своего пола, та, кто стремилась соперничать с мужчинами в интеллекте и любви к научным исследованиям.

Профессор Мэдлер прислал свою визитную карточку и рекомендательное письмо от своего друга из Гронингена, и его сразу же впустили. У него сложился идеальный образ селенографической леди, высокой, измученной ночными дежурствами, с изогнутым лбом, большими ясными глазами. Он нашел ее маленькой толстой женщиной с лицом круглым и плоским, как у луны, ни в коем случае не бледным, а красным, как луна в тумане.

Дама была рада познакомиться со столь известным астрономом. Она произнесла ему красивые речи о его карте, в то же время давая ему понять, что карта - это все очень хорошо, но она знает кое-что получше. Затем она разразилась критикой его брошюр о Марсе и Сатурне, на которых, так получилось, он тогда сидел. Он положил по смятому экземпляру в каждый карман своего фрака в качестве подношения и теперь дважды комкал их. Затем она спросила его мнение об обращении и орбите кометы Бицы, которую видели в предыдущем году. Затем она перенесла его на недавно открытую Хенке планету Астрея; после этого она умчалась с ним к туманностям и попыталась разрешить их с его помощью. Затем они вместе устремились вниз через космос к солнцу и светящимся красным выпуклостям, которые можно наблюдать во время затмения. Еще один шаг, и они нырнули на землю, благополучно добрались до нее и обсуждали недавно установленный телескоп лорда Росса. Это было похоже на Данте и Беатрикс, с той разницей, что Мэдлер не был поэтом, а фрау Витте была замужней женщиной.

Профессору стало не по себе. Каким бы очаровательным ни был телескоп, каким бы восхитительным ни было солнце, какой бы чарующей ни была Астрея, все же луна, именно луна была тем, что он пришел обсудить, а восковая луна - тем, что он пришел увидеть.

Поэтому он применил все свое мастерство и с большим умением диалектики увел свою Беатрикс в другом раунде. Они обходили неподвижные звезды стороной, ныряли между вращающимися планетами и планетоидами, не встретив ни одной, избегали комет, держались подальше от туманной материи, и, наконец, он твердо посадил свою спутницу на Луну, а когда добрался туда, то обнял ее.

На ее слова о высокой оценке его лунной карты он ответил, выразив свое удивление по поводу ее знаний о нескольких кратерах и так называемых морях. Вскоре фрау Витте с улыбкой поднялась и сказала: "Герр профессор, мне, возможно, будет позволено продемонстрировать безделушку, над которой я работала много лет: независимую работу, которую я сравнила с вашей превосходной картой Селены, но не скопировала с нее".

Сердце доктора затрепетало, глаза заблестели, на щеках появился лихорадочный румянец.

Фрау Витте взяла ключ и направилась в свой кабинет, где распахнула шкаф красного дерева и выставила на всеобщее обозрение нечто, очень похожее на крышку для мяса. Это тоже она сняла, оно было сделано из тончайшего шелка, натянутого на раму, и выставлено на всеобщее обозрение — восковая луна.

Глобус был сделан из чистейшего белого пчелиного воска, он стоял на стальной игле, которая проходила сквозь него, и опирался на оси, так что глобус держался твердо, и его можно было легко заставить вращаться. Фрау Витте закрыла ставни, оставив открытым только одно отверстие, через которое мог проникать свет и падать на восковой шарик.

Доктор восхищенно воздел руки. Никогда еще он не видел ничего, что привело бы его в такой восторг. Поверхность шара подверглась самым изящным манипуляциям. Горы были сжаты в пики, впадины углублены на необходимую глубину, кратеры нанесены с необычайной точностью, штрихи обозначены вставками из другого окрашенного воска. Мрачная тень нависла над таинственным Морем Штормов.

Профессор Мэдлер вернулся в свой отель, обуреваемый эмоциями. Он спросил адрес некоего Роллмана, которого знал в прежние годы в Берлине, а ныне он был профессором Политехнической школы в Ганновере. Затем он бросился на поиски Роллмана. Профессор политехнического института был рад увидеть своего друга, но встревожен тем душевным состоянием, в котором он его застал.

"Что привело вас в Ганновер, дорогой профессор?" спросил он.

- Луна! луна! Я пришел за луной.

- Луна! Как это может быть? Она сияет над Дерптом так же ярко, как над нашими крышами в Ганновере.

- Я только что ее видел.

- Невозможно. Луна новолуние. К тому же, уже совсем рассвело.

- Новенькая! конечно, она новенькая. Сделана совсем недавно.

Профессор Роллман был озадачен.

— Луна, несомненно, стара как мир, и даже если мы определим возраст планеты в четыре тысячи лет...

- Мне не разрешалось прикасаться к ней, я едва дышал рядом с ней, - перебил Мэдлер.

"Мой дорогой коллега, что с вами такое? Вы— что вы говорите, видели, трогали, дышали на Луне? Расстояние Луны от земли составляет двести сорок тысяч миль.

— Не старая луна, я имею в виду другую.

"Другого, то есть никакого другого спутника у этого мира нет. Я хорошо знаю, что у Юпитера четыре спутника, два из которых меньше планеты Марс. Я знаю также, что Марс...

"Мой дорогой Роллман, есть еще один — здесь, в Ганновере".

"Я отказываюсь от этого, я не могу понять".

"Счастлив Ганновер обладать таким уникальным сокровищем, - продолжал взволнованный Мэдлер, - и такой женщиной, как фрау Витте".

- О! ее восковая луна! - сказал Роллманн со вздохом облегчения.

- О чем еще я мог говорить?

- Значит, вы это видели. Пожилая леди очень гордится своим выступлением.

"У нее есть основания гордиться этим. Это просто превосходно".

-И при виде этого ты чуть не лишился рассудка!

"Rollmann! что станет с этой моделью? Госпожа советница Витте не будет жить вечно. Она старая, опухшая и красная, и с ней в любой день может случиться апоплексический удар. Ее муж астроном?"

"О боже, нет! он считает астрономию таким же бесполезным занятием, как и астрологию. По его словам, это столь же дорогостоящее занятие".

-Милосердные небеса! Предположим, что она умерла раньше — у него была бы луна, и он был бы не в состоянии оценить это. Он может допустить, чтобы она покрылась пылью, засыпала кратеры и моря; возможно, снесет вершины гор. Он не должен этого получить".

- Ничего не поделаешь. Луна должна воспользоваться своим шансом.

"Этого не должно быть. Она *должна* пережить Советника.

— Если ты сможешь это устроить - что ж.

- Но— предположим, она переживет его, она не бессмертна. Когда-нибудь она должна умереть. У кого же тогда будет луна?"

- Я полагаю, ее дочь.

- Что дочь будет с этим делать? - спросил я.

"Растопите его для натирания полов воском".

Профессор Мэдлер издал крик ужаса.

- Этот предмет представляет неисчислимую научную ценность. У дочери нет мужа, умного человека, который удержал бы ее за руку?

- Дочь не замужем. Были какие-то разговоры о кандидате богословия...

Кандидат богословия! Эмбриональный пастор! Просто силы! Все эти люди - мракобесы. Он растопит луну, думая таким образом утвердить власть Моисея".

- Это ни к чему не привело. Она отстранена.

Профессор Мэдлер прошелся по комнате. Пот выступил у него на лбу. Он вытер лоб, на нем выступили новые капли. Внезапно он замер. "Роллманн, — сказал он глухим голосом, - я должен... я получу эту луну, даже если мне придется жениться на дочери, чтобы заполнить ее".

- Разумеется. Минна - приятная молодая леди.

"Minna! Minna! это ее имя? - спросил сбитый с толку профессор; затем, более хладнокровно, добавил: - Меня нисколько не волнует, как ее зовут. Я хочу не ее, а луну.

- Она уже не в расцвете ранней юности.

"Она - истощенный мир, шар из вулканического пепла".

"Она действительно чего-то стоит".

"Твердая — она из твердого воска — белого пчелиного воска".

— Если она станет твоей...

- Я буду показывать ее студентам на своих лекциях.

"Поскольку вы намного старше, необходимо будет предусмотреть некоторые меры на случай вашей смерти".

- Я оставлю ее в Дерптском музее с указанием хранителю не стирать с нее пыль.

- Мой дорогой профессор Мэдлер, я говорю о юной леди, *вас* с луны.

- Ах так! Я совсем забыла об обременении. Да, я выйду замуж за луну. Я буду повсюду носить ее с собой, сжимать в объятиях, самым тщательным образом оберегать от прикосновений сотрудников Таможни. Я добьюсь от императора указа о допуске ее беспрепятственно через границу.

-И Минна! - воскликнул я.

- Какая Минна? - спросил я.

"Юная леди".

- Ах вот как! Она ускользнула из моих расчетов. Она будет сторожить шкатулку, пока я сплю, а пока она спит, я буду стоять на страже.

- Будьте благоразумны, Мэдлер. Вы серьезно намерены предложить Минне Витте стать вашей женой?

"Если я не смогу достать луну другим способом".

- Но ты ее еще даже не видел.

- Какое это имеет значение? Я видел луну.

- И ты говоришь серьезно!

"У меня *будет* луна".

- Тогда, конечно, тебе придется сделать предложение.

-Я предлагаю!

- И, конечно, заняться любовью.

"Я занимаюсь любовью!"

Профессор Мэдлер побледнел. Он неподвижно стоял перед своим другом с носовым платком в руке и пристально смотрел.

- Я не имею ни малейшего представления, как это сделать.

- Ты должен попытаться.

- У меня нет опыта. Мне скоро пятьдесят три. С таким же успехом ты можешь попросить меня станцевать на трапеции. Это неприлично. Это совершенно неприлично".

- Тогда тебе придется обойтись без восковой луны.

"Я не могу обойтись без восковой луны".

- Тогда ничего не поделаешь, ты должен заняться любовью с прекрасной Минной и сделать ей предложение.

- Друг, - сказал российский-имперский-профессор-астрономии-Дерптского-университета, пожимая руку Роллманну. "Вы опытни в устройстве мира. Я жил в обсерватории и общался только с неподвижными звездами, вращающимися лунами и кометами. Скажи мне, как это сделать, и я буду повиноваться как агнец".

- Тебе придется вздохнуть.

"О! Я могу это сделать".

- И глазеть на леди.

"Глазастый! — когда набираешь пятьдесят три!"

"Выучи несколько стихотворных строк".

- Да, "Потерянный рай" Мильтона. Продолжай.

- Скажи юной леди, что твое сердце переполнено любовью.

"Поглощенный любовью, да, продолжай".

- Сожми ее руку.

"Я не могу! Что я не могу!" - ахнул профессор Мэдлер. "Посмотрите на мои бакенбарды. Они седые. Есть точка, за которую я не могу зайти. Роллман, почему бы мне не уладить все это с матерью и не позволить тебе ухаживать за юной леди от моего имени по доверенности.

- Нет, нет, ты должен сделать это сам.

- Я бы не ревновал. Учтите, мне нет дела до этой молодой девушки. Я хочу луну. К которому ты не должен прикасаться и на него нельзя дышать.

"Мой дорогой Мэдлер, мы с тобой обязательно будем приглашены на семейный ужин в воскресенье. После ужина мы прогуляемся по саду. Во время ужина обращайтесь внимание на мисс Минну и будьте внимательны к ней, подбадривайте ее сладкими словами. Когда мы посетим сад, я займусь матерью, пока Мефистофель занимается Мартой, а ты, веселый Фауст, будешь любезничать с Минной.

"Мой дорогой Роллманн! Мне не нравится это сравнение. Оно оскорбляет меня. Подумайте о моем возрасте, моих бакенбардах, моем положении в Дерптском университете, моей карте Луны на четырех листах, моей работе о затенении Марса".

"Обратите на меня внимание, если хотите получить свой восковой глобус. Фрау Витте, советник и я будем пить кофе в беседке. Ты просишь Минну показать тебе сад. Когда ты уедешь, я сразу же начну с матери, похвалю тебя и скажу, как хорошо ты обеспечен в Дерпте, восхваляю твои хорошие качества и дам ей понять, что ты претендуешь на руку ее дочери. Тем временем с энтузиазмом отстаивайте свое дело".

- С пылом! Я не смогу согреться.

"Подумайте о восковой луне! направьте свой восторг на это".

- Все это очень хорошо, - раздраженно сказал Мэдлер, - но вы забыли главное. Я знаю, что вы совершите ошибку. Вы просили руки дочери и ничего не сказали о луне.

"Не беспокойся".

- Но я обеспокоен. Было бы изряднымозорством, если бы я получил руку дочери вместо лика луны.

Я позабочусь о том, чтобы у тебя было то, что ты хочешь. Но луна не должна восходить над брачной сценой, пока не будут улажены предварительные приготовления. Я объясню старой леди, какая заслуга достанется ей, если ее луна будет выставлена и о ней прочтет лекцию в Дерптском университете такой выдающийся астроном, как вы. Тогда, будьте уверены, она подарит вам восковую луну вместе со своей дочерью".

- Очень хорошо, я сделаю все, что смогу. Только, кроме того, объясни мне весь процесс, чтобы я мог выучить его наизусть. Новичку это кажется таким же запутанным, как доказательство Эйлером биномиальной теоремы".

"Это очень просто. Будьте внимательны. Вы должны начать говорить о том очаровании, которое оказывает на вас семейная жизнь; затем вы говорите, что вид такого сплоченного домашнего хозяйства, в котором вы оказались, оказывает на вас глубокое влияние".

- Понятно. Вызывает отклонение в моем перигелии. Это отклонение поддается расчету, возбуждаемая сила поддается расчету, положение притягивающего тела поддается оценке. Я направляю свой телескоп в указанном направлении и обнаруживаю Минну. Выражаясь астрономически, я могу это понять".

- Но ты не должен *not* объяснять ей это астрономически. Раскрасьте в сияющие тона очарование домашнего очага, то есть печи. С грустью прикоснись к своему несчастному состоянию, к своему нелюбимому сердцу — ты обращаешь на это внимание или думаешь о луне?"

- Напротив, я думал о себе с планетарной точки зрения. Я понимаю, что жена - это спутник, вращающийся вокруг своего мужчины. Теперь я все понимаю. У Юпитера их четыре.

Вздыхните; пусть уголки вашего рта опустятся. Внесите, если можете, эмоциональную вибрацию в свой тон и скажите, что до сих пор жизнь была для вас школой, где перед вами ставились трудные задачи, а не домом. Здесь медленно покачайте головой, уроните слезу, если сможете, и скажите снова, тихим и волнующим голосом: "Не дом!" Теперь перейдем к поэзии. До сих пор, добавляете вы, вы смотрели в звездный свод...

- Это вообще не хранилище.

"Не бери в голову; скажи это. До сих пор вы смотрели на звездный свод в поисках своего рая и не мечтали, что небеса, полные мирных огней, призывно мерцают у ваших ног. Это поэтично, не так ли? Это должно увенчаться успехом".

- Совершенно верно, мне бы это никогда не пришло в голову.

- Тогда повернись и посмотри в глаза мисс Минне.

- А если предположить, что она смотрит в другом направлении?

- Она не будет. Леди всегда готова помочь спотыкающемуся любовнику преодолеть препятствия на пути признания. Она будет держать свой взгляд в напряжении, готовая встретиться с твоим.

- Продолжай.

"Сейчас ты подойдешь к розовому дереву. Ты должен остановиться там и помолчать. Тогда вы должны восхититься розами и попросить мисс Минну подарить вам одну из них.

- Но я не хочу никаких роз. Что я могу с ними сделать? Я остановилась в отеле.

- Не бери в голову, ты, *должно* быть, этого хочешь. Когда она выберет и предложит его..."

- Но, возможно, она этого не сделает.

- Ерунда! Конечно, она согласится. Тогда возьми розу, прижмись к ней губами и разразись восторгом.

"Простите, а как мне исполнять вознесения?"

"Подумай о восковой луне, парень. Воскликните: "О, если бы я мог прижать к своему сердцу прекрасную Минну, прекраснее этой розы, когда я прикрепляю этот цветок к своей петлице!"

- Мне ничего не говорить о восковой луне?

- Ни слова. Предоставьте это мне.

- Продолжай.

Тогда она в замешательстве опустит взгляд на гравий и пробормочет что-то невнятное. Надавите на нее, требуя "Да" или "Нет". Пообещайте уничтожить себя, если она скажет "Нет". Возьми ее за руку и сожми.

"Я должен сжать это? Примерно, какое давление на квадратный фут я должен приложить?"

- Тогда скажи: "Пойдем, пойдем к твоим родителям и получим их благословение". Дело сделано.

- А если предположить, что она скажет "Нет"?

Роллманн нетерпеливо притопнул. "Говорю вам, она не откажется теперь, когда кандидат богословия отказался".

"Что ж, - сказал профессор Мэдлер, - теперь, когда я принял решение, я должен согласиться с этим. Но, честное слово, как специалист по точному рассуждению, я понятия не имел о трудностях, через которые приходится проходить мужчинам, чтобы жениться. Да ведь расчет отклонений планет тут ни при чем. А у Гранд-Терка, как и у Юпитера, не один спутник!"

Через несколько месяцев после описанного выше случая профессор Мэдлер вернулся в Дерпт не один; с ним была фрау Профессоринн-Минна. В саду все прошло так, как и планировал Роллманн.

Луна и Минна, или, как вам угодно, Минна и луна, были в безопасности.

Когда профессор прибыл в Дерпт со своей женой, студенты устроили ему овацию в немецком стиле, то есть организовали факель-цуг, или факельное шествие.

Триста молодых людей, некоторые в белых шапочках, некоторые в зеленых, некоторые в красных, а некоторые в пурпурных, прошли маршем по улице во главе оркестра, неся факелы из скрученной пакли, пропитанные смолой, пылающие и дымящиеся, или, если быть более точным, дымящиеся и пылающие. За каждым корпусом следовали наемные дрошки, в которых сидели капитан и стюарды белого, красного, зеленого или фиолетового корпусов с поясами соответствующих цветов. За последним корпусом следовали слоны, по двое. Под слонами

подразумеваются не величайшие из четвероногих, а самые малоизвестные из учеников, те, кто не принадлежит ни к какому корпусу.

Вся процессия собралась перед домом Профессора, размахивала факелами и радостно кричала. Затем стеклянная дверь, ведущая на балкон, распахнулась, и на балконе появился профессор Джон Генри Мэдлер, ведя за собой свою жену. Астроном выглядел моложе, чем за последние двадцать лет. Его усы в свете факела казались не седыми, а рыжими. Глаза, больше не затуманенные созерцанием звезд, наполнились чувством. Выражение его лица больше не было выражением человека, озабоченного интегральным исчислением, а человека в экстазе. Он взмахнул рукой. Радостные возгласы мгновенно стихли. "Мои высокочтимые и вечно чтимые господа, - начал профессор, - этот момент никогда не забудется. Это посылает *фэпель-цуг* огненных эмоций по каждой артерии и вене. Высокочтимые и вечно-почитаемые господа, я не настолько горд, чтобы предполагать, что этот прием оказан мне одному. Это овация в честь моей горячо-любимой-и-всегда-остающейся-любимой-и-уважаемой супруги, фрау Минны Медлер, урожденной Витте, дочери выдающейся дамы, которая, как и я, занималась селенографией и любила селенологию. Высокочтимые-и-всегда-будут-уважаемы, господа, когда я объявляю вам, что я вернулся в Дерпт, чтобы подарить этому самому выдающемуся-и-всегда-становящемуся-еще-более-выдающемуся-университету одно из самых бесценных произведений искусства, которые когда-либо видел мир, памятник бесконечного терпения и точной наблюдательности; я имею в виду восковую луну; я уверен, мне достаточно сослаться на этот факт, чтобы вызвать ваш безграничный энтузиазм. Но, высокочтимые и вечно чтимые господа, позвольте мне заверить вас, что моя экспедиция в Ганновер принесла пользу не только выдающемуся Дерптскому университету, но и мне лично.

"Этот высоко-выдающийся-и-всегда-становящийся-еще-более-выдающимся университет теперь обогатился благодаря моему посредничеству луной из воска, но я —я, господа — простите мои эмоции, я также обогатился луной не из воска, а из меда. Восковая луна, джентльмены, да пребудет она неразтворенной до тех пор, пока существует очень-выдающийся-и-всегда-становящийся-еще-более-выдающимся Дерптский университет. Я уверен, джентльмены, что медовая луна, которой я был благословлен, продлится всю жизнь, по крайней мере, не исчезнет до тех пор, пока мы с Минной существуем".

Заговор курфюрстины.

Курфюрст Саксонии Фридрих Кристиан правил всего несколько недель, с 5 октября по 13 декабря 1763 года; на сорок первом году жизни он умер от оспы. Он никогда не отличался крепким здоровьем. Мать несчастного принца, Мария-Жозефа Австрийская, была чрезвычайно уродливой, но плодовитой дамой, чрезвычайно гордившейся своим габсбургским происхождением. Трое первых детей сменяли друг друга со значительной пунктуальностью, но двое первых, оба сына, рано умерли. Фредерик Кристиан был третьим. Курфюрстина за несколько месяцев до его рождения охотилась, когда раненый олень повернулся к ней, волоча за собой сломанные ноги. Это произвело сильное впечатление на ее разум, и когда родился ее сын, оказалось, что он инвалид на ноги. Его голова и руки были хорошей формы, но позвоночник был искривлен, а колени, по словам английского посла сэра Чарльза Уильямса,

были подтянуты к животу. Он не мог стоять, и его приходилось переносить с места на место. В возрасте двадцати пяти лет он был женат на Марии Антонии, дочери курфюрста Баварии, впоследствии императора Карла VII.

Его брат, Фрэнсис Ксаверий, был крепким парнем, как и его отец, и мать-курфюрстина очень старалась уговорить Фредерика Кристиана отказаться от своих притязаний в пользу брата и принять священный сан. Он отказался это сделать и затем женился на Марии Антонии в возрасте двадцати трех лет. Ее матерью также была австрийская принцесса Амалия, также примечательная своим уродством. Выбор не был счастливым, он привел к браку двоюродных братьев и кровному союзу, который был омрачен уродством и телесной немощью.

Мария Антония не только унаследовала уродство своей матери, но и была еще больше изуродована оспой. Она была невысокого роста, но обладала твердой волей и безграничными амбициями. Английским туристам она понравилась, они говорили, что она приложила все усилия, чтобы сделать Дрезденский двор приятным для них. Рексолл рассказывает о ней хорошую историю, которая демонстрирует определенную откровенность, чтобы не сказать грубость в ее разговоре — историю, которую мы не будем воспроизводить.

Она уже дала о себе знать при баварском дворе. Вскоре после смерти своего отца, в подражание Луизе Доротее, герцогине Готской, она основала "Орден дружбы, или Общество инков". Основание ордена состоялось в один прекрасный весенний день в гондоле на канале в Нимфенбурге. Ее брат, курфюрст Баварии, был избран членом, принц Фюрстенбергский был назначен канцлером и получил на хранение печать братства, надпись на которой гласила "Верные люди". Знаком ордена было золотое кольцо на мизинце левой руки с надписью "Орден дружбы—Мария Антония". Каждый член ордена носил имя, описывающее его характер или ту добродетель, которую он или она должны были представлять. Таким образом, канцлера называли "Солидным человеком".

Сэр Чарльз Уильямс говорит, что в первый же вечер своего появления в Дрездене она предприняла попытку занять положение, на которое не имела права, к большому неудовольствию короля Польши (Августа, курфюрста Саксонии).

В Дрездене она отдавала предпочтение искусству, особенно музыке и живописи. Она стала покровительницей семьи Менгс. Она пела, играла на фортепиано и действительно сочинила пару опер "Талестрис" и "Триумф фиделиты", и первая из них действительно была поставлена на сцене. Сэр Чарльз Уильямс в 1747 году писал, что, несмотря на ее профессию, согласно которой, по ее мнению, ни одна женщина не должна вмешиваться в государственные дела, он осмелился пророчествовать, что она будет править всей страной от имени своего несчастного мужа.

И он не ошибся. В тот момент, когда умер ее свекор, она положила руку на поводья. Она вряд ли встретила бы сопротивление со стороны своего мужа, он был не только калекой физически, но и умственно отсталым; он был дружелюбен, но слаб и невежествен. Сэр Чарльз Уильямс говорит, что однажды за столом он спросил, нельзя ли добраться до Англии по суше, *хотя* это был остров.

Фридрих Кристиан вступил на престол 5 октября 1763 года, и немедленно были отданы приказы об увеличении армии до 50 000 человек. Мария Антония стремилась стать королевой, и для этого она должна была добиться провозглашения своего мужа, как и его отца, королем Польши.

Она была в родстве со всеми дворами Европы, ее приятные манеры, ее энергия приобрели ее друзей во всех кругах. Она чувствовала себя вполне способной носить королевскую корону и написала во все суды, чтобы удовлетворить требования своего мужа, курфюрста, когда несчастный калека заболел оспой, перенес инсульт и умер 17 декабря. Оспа унесла его предка Иоанна Георга IV, и в том же столетии она стала причиной смерти его шурина Макса Иосифа Баварского и императора Иосифа I.

Он оставил после себя четырех сыновей, своего преемника Фридриха Августа и трех других принцев: Карла, любимца своей матери, Антония и Максимилиана Иосифа, третий из которых умер в том же году, что и его отец. Кроме того, у него было две дочери.

Смерть ее мужа стала серьезным ударом по честолюбию курфюрстины; ее старший сын, Фридрих Август, был несовершеннолетним, и бразды правления были вырваны из ее рук и переданы в руки дяди молодого курфюрста Ксавье, который был любимцем своей матери и в пользу которого его старшего брата убедили отказаться от своих притязаний. Ксавьер был назначен администратором Саксонии и исполнял обязанности такового в течение пяти лет.

Когда в возрасте восемнадцати лет Фридрих Август III пришел к власти, он старался выполнять свои обязанности с большим усердием и добросовестностью и не допускал никакого вмешательства. У него действительно были свои советники, но это были люди, которых он выбрал для себя из числа тех, кто прошел хорошую проверку и доказал, что им можно доверять.

Мать-курфюрстина во время правления принца Ксавьера пользовалась некоторой небольшой властью; теперь она внезапно оказалась лишенной ее до последней капли. Ее сын был слишком тверд и целеустремлен, чтобы допустить ее вмешательство. Угрюмая и неудовлетворенная, она покинула Дрезден и отправилась в 1769 году в Потсдам к Фридриху II, очевидно, чтобы нащупать путь к осуществлению плана, который уже формировался в ее беспокойном мозгу. Похоже, она не встретила никакого поощрения, и затем она отправилась в Италию, где посетила Рим в 1772 году и разыскала Менгса, чьи художественные таланты развивались под ее опекой.

Под управлением принца Ксавье вдовствующая курфюрстина получала доход в размере шестидесяти тысяч долларов; после того, как ее сын взошел на трон, ее удел был удвоен, более чем удвоен, поскольку ей было предоставлено 130 000 долларов, и вдобавок ее сын преподнес ей подарок в размере 500 000 долларов. Это ее не удовлетворило, поскольку она не имела ни малейшего представления о том, чтобы скроить свой сюртук в соответствии со своей тканью, она везде будет содержать великолепный двор. Более того, ее охватила лихорадка спекуляции. За год до того, как ее сын достиг совершеннолетия и пришел к власти, она построила большую хлопчатобумажную фабрику в Гроссенхайне, но поскольку это не приносило ей дохода и, к тому же, стоило ей денег, она была рада продать ее в 1774 году. Посетитель Дрездена почти наверняка знает баварскую таверну в конце моста, ведущего в Маленький Дрезден. Это таверна, ныне оформленная в средневековом стиле, с обшитыми панелями стенами, стеклянными панелями в окнах, старинным немецким стеклом и керамикой — даже со старинным немецким календарем, висящим на стенах, и с парой симпатичных баварских кельнеринок в костюмах, которые прислуживают посетителю. Там же по вечерам исполняют джодль баварские менестрели и играют на цитре.

Эта баварская таверна была основана матерью-курфюрстиней, которая считала, что саксонцы пьют недостаточно хорошего пива и должны питаться тем, которое варят на ее родине.

Но и эта спекуляция провалилась, и ее капитал в пятьсот тысяч долларов был израсходован до последнего фартинга, и, чтобы расплатиться с кредиторами, она была вынуждена заложить свое бриллиантовое ожерелье и остальные драгоценности. Это произошло в Генуе. Когда ей снова поступило пособие, она выкупила свои драгоценности, но в 1775 году была вынуждена снова заложить их в Риме. Не имея возможности расплатиться со своими долгами и испытывая нехватку денег, она неоднократно, но тщетно, обращалась к своему сыну.

Фридрих Август был, как и его отец, слабого телосложения и, более того, как он сам жаловался позже, в юности был одновременно избалован и заброшен; и из-за слабости он не смог подняться на высоту. Он не ходил пешком и не ездил верхом, а разъезжал в экипаже. В январе (1769), после того как он вступил на престол выборщиков, он женился на Амелии Августе Цвайбрюккенской, сестре Макса Иосифа, впоследствии первого короля Баварии. В то время ей было всего семнадцать.

Любимым сыном своей матери был Чарльз. В раннем возрасте этот принц был бодр и полностью владел своими конечностями, но когда ему исполнилось одиннадцать или двенадцать лет, он стал калекой и согнулся пополам, как его отец. Рексал говорит, что рядом с ним Скаррон сошел бы за красавца. Он был настолько слаб и парализован, что передвигаться мог только в кресле на колесиках. Он умер в 1781 году. Его старший брат, курфюрст, хотя и не был энергичным человеком, калекой не был.

Одним из приближенных матери-курфюрстины в Риме был маркиз Алоизиус Питер д'Агдоло, сын саксонского консула в Венеции, полковник лейб-гвардии и генерал-адъютант принца Ксавье, когда тот был администратором.

Агдоло посоветовал матери-курфюрстине собрать деньги, чтобы справиться со своими трудностями, продав ее сыну, курфюрсту, свои права на баварское наследство. У ее брата, Максимилиана Йозефа, не было детей, и ближайшим претендентом мужского пола на корону Баварии был пфальцграф Зульцбахский, имевший лишь отдаленное отношение. Таким образом, вполне возможно, что Бавария может перейти к сестре. Теперь, после смерти своего брата, вдовствующая курфюрстина Саксонии, несомненно, намеревалась выдвинуть свои претензии против любого дальнего родственника, происходящего от общего предка два столетия назад. Но сможет ли она добиться исполнения своего требования - это другой вопрос. Она могла бы продать его своему сыну, у которого были бы средства выдвинуть свои претензии силой оружия и золота. Это было в 1776 году. Мария Антония была в восторге от этого плана и сразу же поспешила в Мюнхен, чтобы привести его в исполнение, прихватив с собой все свои бриллианты, которые ей удалось выкупить из ломбарда.

Пока она была на пути в Мюнхен, Агдоло отправили в Дрезден, чтобы начать переговоры с ее сыном не только о передаче ее прав на Баварию, но и о закладывании ее бриллиантов ее сыну.

Ей срочно нужны были деньги, и в отчаянии она придумала дерзкий план, который позволил бы ей одновременно завладеть деньгами и сохранить свои права на Баварию. План был таков: как только она получила от курфюрста полную плату за отказ от своих притязаний в его пользу, она

внезапно решила объявить всему миру, что он вовсе не был сыном покойного курфюрста Фредерика Кристиана - что он был незаконнорожденным, тайно ввезенным во дворец и выдаваемым за сына курфюрста, подобно тому, как, согласно сплетням виггов, Яков Самозванец был тайно ввезен во дворец Якова II. на грелке и выдавался за представителя королевской крови, хотя он был низшего происхождения.

Таким образом, Фридрих Август объявил, что он не является отпрыском Саксонского дома, и избирательная корона перейдет к ее любимому сыну Карлу, который был калекой. Курфюрст не был уродом — свидетельство против его происхождения; Карл был раздвоен и искажен — он, безусловно, был истинным сыном покойного курфюрста и законным преемником.

Если Мария Антония добьется успеха, она будет править Саксонией от имени и через голову своего несчастного сына Карла, и ее права на Баварию не будут утрачены.

Прибыв в Мюнхен, она поделилась всем своим планом со своими фрейлинами. Она поделилась с ними своими надеждами, доверием к Агдоло, который уехал в Дрезден договариваться о продаже и который был полностью осведомлен о ее намерениях.

Агдоло, как знали все дамы, был большим негодяем. Принц Ксавьер назначил ему пенсию в шестьсот долларов в год, и у него было то, что он получал от матери-курфюрстины в качестве ее придворного. Он был женат на княгине Любомирской, вдове графа Рутовского, поссорился с ней, и они жили раздельно, но он без зазрения совести получал от оскорбленной жены ежегодное пособие. Всех этих источников дохода было недостаточно для покрытия его расходов, и никто из знавших его ни на минуту не сомневался, что он поддастся любой интриге, которая сулила бы ему богатство и положение. Заговор вдовствующей курфюрстины был рискованным, но в случае успеха его состояние было обеспечено.

В Дрездене он был хорошо принят курфюрстом, и Фридрих Август сразу же принял предложение своей матери. Он согласился выкупить отставку Марии Антонии в свою пользу в связи с ее притязаниями на аллодиальное наследство семьи в связи с исчезновением баварской избирательной палаты по мужской линии, выплатить все ее долги и найти сумму, достаточную для выкупа бриллиантов, которые, как было заявлено, все еще находились в залоге в Риме.

Мария Антония и ее наперсник, казалось, были накануне успеха, когда план был расстроен, причем с той стороны, где они и не подозревали об опасности. Среди придворных дам вдовствующей курфюрстины была одна, чье имя не разглашается, которая, по-видимому, питала пылкую страсть к Агдоло. Он, однако, не обратил на нее внимания и обратил свое внимание на другую даму. Гнев и ревность терзали сердце этой униженной красавицы, и когда мать-курфюрстина поделилась с ней своим планом, который она разработала, фрейлина увидела, что ей представился удобный случай уничтожить человека, который пренебрег ее чарами. Ей удалось раздобыть ключи от квартиры своей хозяйки и сделать расшифровку ее бумаг, в которой был подробно изложен весь план, а также копии ее писем Агдоло и писем маркиза к ней. Получив их, она сразу же отправила их — не курфюрсту Саксонии, а Фридриху II. в Берлин, который поддерживал тесные дружеские отношения с курфюрстом Саксонии. Она рассчитала правильно. Подобные известия, полученные при прусском дворе, произвели бы на Фридриха Августа гораздо более глубокое впечатление, чем если бы они были получены от нее, неизвестной и незначительной личности. Возможно также, что она знала о том, что ее любовница была в Берлине и там бросала намеки на что-то в этом роде, так что Фридрих II. я бы

сразу распознал в этом зрелом плане результат смутных намеков на коварство, имевшее место в Потсдаме несколько лет назад.

В Берлине все шло хорошо. Адольфус фон Земен, казначей избирательной комиссии, уже отправился в Мюнхен, снабдив себя необходимыми суммами. Он был уполномочен получить документ об отказе от наследства от вдовствующей курфюрстины, а также ее бриллиантовое ожерелье, которое тем временем должен был доставить специальный курьер из Рима. Мария Антония, со своей стороны, назначила советника Хьюальда своим полномочным представителем; она написала, чтобы сообщить, что он проведет все необходимые переговоры с казначеем Земеном и что бриллиантовое ожерелье прибыло и находится в его руках.

Агдоло получил приказ от курфюрстины-матери ни в коем случае не покидать Дрезден до середины сентября 1776 года, чтобы его отъезд не вызвал подозрений.

В поведении маркиза не было ничего примечательного, он совершенно открыто общался со старыми друзьями, часто появлялся при Дворе и был убежден, что находится в полной безопасности. Он ни в малейшей степени не осознавал, что за всеми его действиями следили и докладывали обо всем не по приказу курфюрста, а его собственной любовницы, которая регулярно получала отчеты от этого эmissара о поведении и действиях маркиза, так что она могла сравнить их с этим частным отчетом, присланным ей Агдоло, и таким образом убедиться, действовал ли он в ее интересах или вел двойную игру.

Эта хитрость с ее стороны не была удивительной, учитывая, каким человеком был Агдоло, и, как мы увидим, она принесла ей большое преимущество, но так, как она меньше всего ожидала.

Маркиз д'Агдоло нанес свой прощальный визит курфюрсту и получил разрешение отбыть. Фредерик Август не имел ни малейшего подозрения, что его мать играет нечестную роль, и, казалось, был искренне доволен ходом переговоров и сделал маркизу подарок.

15 сентября 1776 года Агдоло намеревался выехать из Дрездена, по возвращении в Мюнхен, и вечер перед отъездом провел в доме своего друга Фербера за игрой в карты. Он и не подозревал, что, пока он выигрывал за столом одну ставку за другой, самая крупная ставка из всех была проиграна. В тот вечер, пока он играл в карты, из Берлина со всей поспешностью прибыл курьер и потребовал немедленной личной встречи с курфюрстом, поскольку ему нужно было передать сообщение чрезвычайной важности от Фридриха II. Его впустили без промедления, и изумленному курфюрсту был подробно изложен весь заговор его матери.

"Оригиналы этих протоколов, - сказал курьер, - находятся в руках маркиза д'Агдоло, пусть он будет арестован, и произведите сравнение документов".

Тайный Совет был сразу собран, и документы, полученные от Фредерика II. были заложены до него. Члены совета единогласно проголосовали за арест маркиза, и исполнение указа было поручено генералу Шибеллу. Появление генерала Шибелла в доме Фербера не вызвало удивления. Это было место прибежища лучшего общества Дрездена; но когда генерал объявил, что прибыл произвести арест, у многих побледнели щеки.

"Именем его Светлости курфюрста, - сказал генерал, - я беру этого человека в плен", - и он положил руку на плечо Агдоло, который служил под его началом в Семилетнюю войну. Его сразу

же отвели в его собственное жилище, где были открыты его письменные столы и ящики, уже упакованные к отъезду, и изъяты все его бумаги. Той же ночью, под усиленной охраной, в 10 часов его перевезли в Кенигштайн. В этой мощной крепости и государственной тюрьме, расположенной на изолированной известняковой скале, остаток его жизни предстояло провести в заточении.

Но маркиз, подобно хитрому итальянцу, заранее подготовился к чему-то подобному, ибо среди его бумаг было найдено послание, адресованное им курфюрсту, раскрывающее весь заговор. Оно было без даты. Если бы обыск в его комнатах и обнаружение его бумаг были произведены раньше, курфюрст мог бы поверить, что этот человек действительно намеревался предать свою любовницу, но он отложил доставку сообщения слишком поздно.^[17]

Несколько дней спустя маркиз получил запечатанное письмо от курфюрста; в тюрьме с ним обращались без излишней суровости; пенсия ему не была отменена; и курфюрст, похоже, так и не решил окончательно, действительно ли Агдоло намеревался поставить его в известность о заговоре в последнюю минуту или продолжить осуществление плана по приказу своей любовницы.

Через несколько лет, когда у Агдоло начались боли в груди, ему разрешили ходить в бани Пирны под охраной. Его жена никогда не навещала его в тюрьме. Однако она умерла всего два года спустя, в 1778 году, в возрасте пятидесяти шести лет. Агдоло прожил двадцать три с половиной года и умер 27 августа 1800 года. Затем все его бумаги были отправлены Фридриху Августу III, который прочитал их, залился слезами и сжег.

Мы должны ненадолго вернуться в Мюнхен. Как только посланник матери-курфюрстины узнал об аресте Агдоло, он поспешил в Мюнхен на почтовых лошадях так быстро, как только мог лететь по дорогам. Мария Антония, услышав эту новость, сразу же приняла новые меры. В ту же ночь она велела Хьюальду убираться, и еще через полчаса он исчез вместе с бриллиантами.

На следующий день должно было быть завершено рассмотрение исковых заявлений. Мать-курфюрстина попросила казначея Земена отправиться в жилище ее советника Хьюальда, которого, как мы можем понять, нигде не было видно. Герр фон Земен был очень удивлен и сбит с толку, а вдовствующая курфюрстина изобразила крайнее возмущение и огорчение, обвинив своего полномочного представителя в том, что он украл у нее бриллианты, и сбежала с ними. Затем она слегла в постель и притворилась опасно больной. На следующий день до Земена дошла весть о том, что произошло в Дрездене, и вместе с этой новостью его отозвали. Она встретила с казначеем перед его отъездом и умоляла его арестовать и наказать Агдоло и Хьюальда, потому что, как она заявила, они вместе составили коварный заговор с целью ее ограбления и разорения.

Хьюальд отправился с драгоценностями во Франкфурт, где был остановлен и схвачен офицером Фридриха Августа, а 27 января 1777 года доставлен в Дрезден. Он был отправлен в Кенигштайн, но был освобожден в 1778 году.

В 1777 году умер курфюрст Баварии, но его сестра не смогла добиться какого-либо признания своих притязаний; и она умерла 23 апреля 1780 года, так и не помирившись со старшим сыном. В следующем году умер ее любимый сын, калека Чарльз.

СНОСКА:

[17] Предполагается, что это было содержимое пакета, адресованного Избирателю, содержимое так и не было раскрыто.

Suess Oppenheim.

Шестнадцатого декабря 1733 года Карл Александр, герцог Вюртембергский, торжественно въехал в Штутгарт. Это был яркий, хотя и короткий зимний день. Солнце лилось с безоблачных небес на заснеженные крыши старого города, а деревья замкового парка были покрыты инеем, словно драгоценными камнями. Улицы были увешаны гобеленами, малиновыми драпировками и венками из искусственных цветов. Крестьяне в причудливых костюмах стекались сюда со всей округи, чтобы приветствовать своего нового принца. На башнях старого замка развевались знамена герцогства и империи — для Вюртемберга три оленьих рога были разделены черными львами Гогенштауфенов. Герцог был немолод: ему перевалило за пятьдесят — возраст, когда мужчина берет верх над юношеской порывистостью и сожалеет о ранних неосмотрительных поступках, — возраст, в котором, если в мужчине есть что-то хорошее, он в расцвете сил.

Земля Вюртемберг - любимая и улыбающаяся земля. В период, о котором мы пишем, он был не таким обширным, как нынешнее королевство, но плодородным, облюбованным и назывался Садам Империи. В течение двадцати лет этим герцогством плохо управляли; жители подвергались жестокому угнетению со стороны некомпетентного герцога Эберхарда Людвига, или, скорее, его фаворитов. Страна была обременена долгами, казна была истощена. Он как бы пролежал под зимними заморозками двадцать и более лет, а теперь, хотя и зимним днем, засмеялся и расцвел, обещая весну.

И каждый порядочный вюртембергер имел право радоваться и гордиться новым герцогом, который штурмовал Белград под командованием принца Евгения и считался одним из самых храбрых, благородных и великодушных немецких князей своего времени.

Когда он проезжал по улицам Штутгарта, все восхищались его статной фигурой, густыми светлыми волосами, ниспадающими на плечи, ярким властным взглядом и приятной улыбкой на губах; каждый житель Вюртемберга махал шляпой, кричал и подпрыгивал от энтузиазма. Теперь, наконец, Сад Германии расцветет и будет плодоносить при столь благородном герцоге.

Но в той же процессии шел, а не ехал верхом, другой мужчина, на которого никто не обращал внимания, — красивый мужчина с темно-каштановыми волосами и пронизательными оливковыми глазами, желтоватым цветом лица и изящно очерченным греческим носом. У него был широкий лоб и хорошо изогнутые брови. Он был высоким, и в его лице и манерах было что-то благородное и повелительное. Но самой примечательной его чертой были глаза — яркие, нетерпеливые, вечно беспокойные.

Этому человеку, которого вюртембергцы не замечали, было суждено сыграть ужасную и трагическую роль в их истории — стать злым гением герцога и всей страны. Его звали Джозеф Зюсс Оппенгейм.

Мать Джозефа, Микаэла, еврейка, была женщиной необычайной красоты, единственным ребенком раввина Саломона из Франкфурта. Совсем юной она вышла замуж за раввина Исахара Зюсс Оппенгейма, певца. Джозеф родился в Гейдельберге в 1692 году и был ее ребенком от барона Георга из Хейдерсдорфа, солдата, отличившегося на турецкой войне, с которым она вела преступную интригу. От своего отца Джозеф Зюсс унаследовал величественную, почти военную выправку, а от матери - личную красоту.

Роман барона с прекрасной еврейкой закончился в 1693 году, когда он защищал замок Гейдельберг от французов. Он сдался после доблестной защиты; однако слишком рано, поскольку решение военного трибунала было вынесено в отношении него; и он был приговорен к смертной казни, но был помилован императором Леопольдом с потерей всех своих почестей и должностей, и он был изгнан из Империи.

У Зюсса была сестра, которая вышла замуж за богатого еврея из Вены, но последовала примеру своей матери в распущенности нравов и, растратив немалое состояние на расточительность, вернулась к матери и брату за содержанием. У него был брат, который стал важным лицом при дворе Дармштадта. Они жили в плохих отношениях друг с другом и постоянно вели друг с другом судебные тяжбы. Этот брат отрекся от иудаизма, принял крещение и принял фамилию Тауффенберг. Джозеф Зюсс был связан, или номинально связан, через Исахара, своего предполагаемого, хотя и не настоящего отца, с великой и богатой еврейской семьей Оппенгейм. Филиал, основанный в Вене, разбогател на контрактах для армии и был облагорожен. Один член потерпел неудачу, потому что император Леопольд I задолжал ему много миллионов долларов и не смог заплатить. Иосиф начал свою жизнь в конторе придворных банкиров и армейских подрядчиков своей семьи в Вене. Именно здесь он получил свои первые идеи о том, как можно собирать деньги с помощью лотерей, монополий и всевозможных поборов. Но хотя Джозеф был поставлен на путь, ведущий к богатству, в доме Оппенгеймов в Вене, он упустил там свой шанс и был уволен за какой-то проступок, подробностей которого мы не знаем.

Затем, с позором и горем, он приехал в Баварию, где некоторое время служил помощником парикмахера. Вероятно, под влиянием кого-то из Оппенгеймов Джозеф был представлен ко двору семьи Турн и Таксис, которая приобрела огромное состояние благодаря монополии почтового отделения. Оттуда он направился в канцелярию палатинского двора в Мангейме.

Это был период, когда немецкие принцы были одержимы страстью подражать великолепию и экстравагантности Людовика XIV. Каждый должен иметь свой Версаль, должен наводнять свой двор чиновниками и содержать армии в блестящей и броской форме.

Германия и по сей день изобилует обширными и великолепными дворцами, по большей части в плачевном состоянии, если не сказать разрушенными. Дома нашей английской знати ничто по сравнению с дворцами мелких князьков, графов и баронов.

Чтобы построить эти особняки, а когда они были построены, заполнить их чиновниками и слугами, содержать свои армии и удовлетворять жадность своих любовниц, эти немецкие князья нуждались в большом количестве денег и были готовы оказать благосклонность любому человеку, который мог помочь им их получить — показать, где искать новые финансовые источники. Использовались всевозможные новые методы налогообложения, вызывавшие горькие насмешки угнетенных. Табачную монополию называли налогом на нос; ее считали деспотичной только те, кто нюхал табак и курил; и, возможно, печать на бумаге - только те, кто

писал; но клеймо на ботинках, наложенное одним из маленьких принцев, касалось всех, кроме тех, кто ходил босиком.

Джозеф Зюсс ввел в пфальце бумажную марку. Он не изобретал эту пошлину, которая была введена в другом месте; но он получил концессию самозванца и продал ее субфактору за 12 000 флоринов, а деньги вложил в спекуляцию монетами Гессен-Дармштадта. Все мелкие немецкие князья в то время чеканили свои монеты, вплоть до таких жалких государств диаметром в несколько миль, как Вальдек, Фульда, Хехинген и Монфор; а Германия была переполнена фальшивыми деньгами и лишена золота и серебра. Зюсс в своих странствиях досконально изучил тайны этой отрасли бизнеса. Он не только досконально разбирался в практической части дела — чеканке монет, — но и в том, где находились самые дешевые рынки, на которых можно было приобрести металлы, подлежащие чеканке. Теперь, когда в его распоряжении было немного денег, он взялся наладить чеканку монет Гессен-Дармштадта, но почти сразу же продал их по заниженной цене, с прибылью для себя в 9000 флоринов. Он заключал другие контракты для судов и вскоре сколотил приличное состояние. Даже архиепископ Кельнский призвал его на помощь и способствовал его обогащению в его попытках получить немного больше для себя от подданных своего пфальца. Летом 1732 года Джозеф Зюсс посетил купальни Блэкфорест в Вильдбаде ради воды. В то же время Карл Александр Вюртембергский и его жена также проходили такое же лечение. Приятные манеры Оппенгейма, его красивое лицо и ум понравились Чарльзу Александру, и он назначил его своим агентом и управляющим; а поскольку принц в то время испытывал нехватку денег, Зюсс одолжил ему небольшую сумму в 2000 флоринов. В то время у Карла Александра не было никакой уверенности в том, что он взойдет на герцогский трон Вюртемберга, хотя это было вероятно.^[18] Правящий герцог Эберхардт Луи действительно только что потерял своего единственного сына, но не было ничего невозможного в том, что посмертно мог родиться внук. Чарльз Александр был двоюродным братом герцога. Говорят, что Зюсс по этому поводу предсказал будущее величие принца и притворился, что извлек свое пророчество из Каббалы. Несомненно, что Чарльз Александер был очень суеверен и верил в астрологию, и ни в коем случае нельзя исключать, что Зюсс пользовался его доверчивостью. В его распоряжении было множество средств узнать, скоро ли юная принцесса Вюртембергская станет матерью — ее муж умер в ноябре, — и он очень хорошо понимал, что старый герцог терпит неудачу. Ссуда, предоставленная Зюссом, была приемлема для принца Чарльза Александра только после того, как еврейский банкир Исаак Симон из Ландау, с которым он до сих пор имел дело, отказался от дальнейших авансов.

Когда принц вернулся в Белград, где он проживал в качестве штатгальтера Сербии при императоре, он был полностью убежден, что обнаружил в Зюссе способного, умного и преданного слугу. Его жена была принцессой Турн-энд-Таксис, и вполне возможно, что Зюсс, который некоторое время находился при дворе в Ратисбоне, использовал ее влияние и свое знакомство с делами ее семьи, чтобы отстаивать свои интересы перед принцем, ее мужем.

31 октября 1733 года умер старый герцог Эберхардт Луи, и Карл Александр немедленно поспешил из Белграда в Вену, где в беседе с императором, без каких-либо консультаций с Сословиями или без учета казны Вюртемберга, он пообещал Леопольду контингент в 12 000 человек для помощи в войне против Франции. Затем он отправился в Штутгарт.

Бедный Вюртемберг стонал под бременем, которое на него возложили; фаворитам было позволено делать с ним все, что им заблагорассудится; и первым публичным заявлением Карла

Александра при въезде в его столицу было: "Отныне я буду править вами немедленно и сам позабочусь о том, чтобы устранить все обиды и снять с моего народа всякое бремя, которое терзало его плечи. Если мой народ воззовет ко мне, мои уши будут открыты, чтобы услышать их зов. Я не потерплю беспорядка, который проник повсюду, во все департаменты государства; моя собственная рука сметет его".

И в знак своей искренности он приказал каждому должностному лицу в Церкви и государстве занести на бумагу и представить ему список всех платежей, которые были произведены в виде гонораров и взяток за получение его должности. Это было опубликовано 28 декабря 1733 года. Старшие и мудрые качали головами; они говорили, что герцог только взваливает на свои плечи неприятности; пусть прошлое будет похоронено. Он ответил: "Я должен докопаться до сути всего этого беззакония. Я должен приучиться к работе".

Но герой Белграда всю свою жизнь больше привык к седлу, чем к письменному столу, и командовать в бою — дело гораздо более простое, — чем править в мирное время. Количество предъявленных к нему претензий, бесчисленные скандалы, хищения приводили его в замешательство. Люди были вне себя от энтузиазма, но вся бюрократия была наполнена угрюмой и упрямой оппозицией.

Конституция Вюртемберга была более либеральной, чем в любом другом немецком княжестве. Старый герцог Эберхардт с Бородой, умерший в 1496 году, своим завещанием позаботился о хорошем управлении своей землей, обеспечив защиту от деспотического правления герцогов, его преемников. На основании этого завещания Сословия низложили его преемника. Положения этого завещания были ратифицированы при капитуляции Тюбингена в 1514 году, и каждый герцог, принимая бразды правления, должен был поклясться соблюдать капитуляцию. Герцог Чарльз Александр принес присягу, возможно, не очень внимательно изучив ее, и после того, как она была принесена, обнаружил, что ему различными способами препятствовали, и он был неспособен набрать людей, которых он обязался предоставить императору, независимо от согласия парламента. Здесь можно сказать, что в Вюртемберге не было наследственного дворянского дома; политика бывших герцогов заключалась в изгнании потомственных мелких дворян из страны и создании на их месте клики придворных чиновников, абсолютно зависимых от них самих. Согласно конституции, постоянная армия не должна была содержаться и войска не набирались без согласия сословий; владение собственностью гарантировалось государством, все крепостное право было отменено, и никакие налоги или монополии не могли вводиться без согласия Сословий.

Сословия состояли из четырнадцати прелатов, пасторов, облеченных саном, который давал им право заседать в Палате представителей, и семидесяти депутатов — одни избирались избирательными округами, другие занимали определенные должности, которые заседали *по должности*. Сословия обладали огромной властью; на самом деле герцог мало что мог сделать, кроме как спросить их согласия на предложенные им меры и смириться с отказом. Он не только устанавливал налоги, но и сборщики несли прямую ответственность перед Сословиями за то, что было собрано, и передавали в его руки собранную сумму. Более того, любое соглашение, заключенное между герцогом и другим принцем, было недействительным, если оно не было ратифицировано Сословиями.

Когда герцог Карл Александр, привыкший к деспотическому командованию армией в качестве фельдмаршала, обнаружил, что у него связаны руки и что он окружен препятствиями для

свободы действий со всех сторон, он был очень разгневан и поссорился с министрами, которые представили ему капитуляцию на подпись. Он заявил, что документ, представленный ему на подпись, не был прочитан ему полностью, или же отвратительные отрывки были загнуты так, чтобы он их не видел, или что они были добавлены после того, как была проставлена его подпись.

Он стал раздражительным, не зная, как сдержать данное императору обещание, и испытывал отвращение, обнаружив себя правителем, не имеющим реальной власти.

Теперь, поскольку было неудобно созывать Ассамблею каждый раз, когда чего-то требовалось, в Штутгарте заседал постоянный комитет, состоящий из двух частей. Этот комитет действовал от имени Сословий и был ответственен перед ними.

Нуждаясь в совете и помощи, не желая обращаться к надежным министрам — а среди них были честные и патриотично настроенные — герцог попросил Джозефа Зюссса помочь ему, и Зюсс был только рад показать ему выход из возникших трудностей. Рассмотрение жалоб было отложено в сторону, злоупотребления остались неисправленными, и внимание герцога было обращено на две главные цели — создание постоянной армии и ниспровержение старой конституции.

Вюртемберг в то время был государством, границы которого были не очень обширны и не находились в пределах кольцевого ограждения. Имперские города Ройтлинген, Ульм, Хайльсбронн, Вайль и Гмюнд были свободны. Возможно, императору было бы неудобно платить звонкой монетой за войска, которые герцог обещал предоставить, но он мог бы разрешить включение этих независимых и богатых городов в состав герцогства. Более того, для принцев того времени было характерно стремиться завоевывать новые районы и присоединять их. Франция недавно отняла Момпельгард у Вюртемберга, и Карл Александр вернул его себе. Герцогство так сильно пострадало от захвата французскими войсками, что поместья, хотя и неохотно, согласились с предложением герцога сохранить постоянную армию. Получив эту концессию, Зюсс проинструктировал его, как превратить ее в средство получения денег, призывая к оружию людей, которые были бы благодарны за свое увольнение. Вскоре армия насчитывала 18 000 солдат. Его главнокомандующим был Ремхинген, человек, который служил вместе с ним в имперской армии и был предан его интересам. Герцог отдал свою армию под командование офицеров, среди которых не было ни одного вюртембергца. Возглавив армию, которой командовали его собственные ставленники, герцог надеялся достичь своей следующей цели — отмены капитуляции и превращения государства из конституционного в деспотическую монархию. Зюсс теперь стал самым доверенным советником герцога, и, руководствуясь им, Карл Александр избавился от всех своих министров и придворных, которые не захотели стать помощниками в этой политике, и заменил их своими людьми, главным из которых был парень по имени Халвакс. Чтобы парализовать Ассамблею, герцог не созвал ее на заседание и сумел укомплектовать комитет людьми, представляющими его интересы; ибо, что достаточно любопытно, комитет избирался не делегатами, а сам был избран на образовавшиеся в нем вакансии. С помощью комитета герцог в 1736 году обложил страну двойным налогом и предоставил тридцатую часть всех фруктов; и это должно было продолжаться "до тех пор, пока этого требовали обстоятельства дела".

Сам Зюсс старался держаться на заднем плане. Он не принимал никаких придворных должностей, не становился министром ни в одной ветви государственной власти; но каждый министр и должностное лицо были назначены им и преданы ему. По отношению к этим своим созданиям он вел себя грубо и высокомерно, так что они боялись его едва ли не больше, чем герцога. При малейшем сопротивлении Зюсс угрожал виселицей или плахой, конфискацией имущества и изгнанием; и поскольку герцог подписывал каждый приказ, который приносил ему Зюсс, было хорошо известно, что его угрозы не были пустыми.

Зюсс нанял Вайсензее, пастора, прелата Хирзау, в качестве своего придворного шпиона. Этот ничтожный человек доносил до фаворита каждый шепоток, доходивший до его слуха среди придворных герцога, все, что говорилось в комитете, и сообщал, является ли приверженность того или иного человека сомнительной.

Зюсс настолько полностью опутал герцога нитями паутины, которую он сплел вокруг него, что Карл Александр слепо следовал его советам и ничего не предпринимал, не посоветовавшись с ним.

В 1734 году Зюсс с большой выгодой для себя занялся чеканкой вюртембергских монет и, получив их в свои руки, хранил там до конца. Но в отношении его монет следует сказать, что они были намного лучше, чем монеты всех других государств Германии; так что вюртембергское серебро искали по всей Германии. В этой сделке не было ничего мошеннического, и хотя на суде над ним это дело было тщательно расследовано, против него не было представлено никаких доказательств того, что он превысил допустимую норму.

Совсем другое дело было с "Земельной комиссией", учреждением, исполненным благих намерений, с которым герцог начал свое правление. Чарльз Александер был ошеломлен присланными ему доказательствами взяточничества при покойном герцоге, и, будучи не в состоянии расследовать эти дела самостоятельно, он назначил для этого уполномоченных, и, конечно же, эти уполномоченные были назначены Зюссом. Комиссия изучила не только доказательства взяточничества при покупке офисов, но и факты хищения средств и халатного отношения к служебным обязанностям при исполнении служебных обязанностей. Те, против кого были веские улики, приговаривались к выплате крупного штрафа, но не обязательно были лишены прав. С другой стороны, те, кто с честью занял свои должности и добросовестно выполнял свои функции, подвергались неоднократным судебным преследованиям, запугивались угрозами и были вынуждены выкупить свое увольнение за сумму, установленную в соответствии с произвольным тарифом. Те, кто проявлял упрямство или не понимал, к чему стремились члены комиссии, были подвергнуты даже ложных показаний, признаны виновными и оштрафованы. В некоторых случаях эти штрафы достигали 2000 фунтов стерлингов.

После того, как комиссия исчерпала бюрократический аппарат, а деньги все еще были нужны, частные лица стали добычей их инквизиторских и вымогательских действий.

Любой гражданин, о котором сообщалось, что он богат, вызывался в трибунал для дачи отчета о том, каким образом он приобрел свое богатство; его личные дела расследовались, его бухгалтерские книги изучались, а суд над ним затягивался до тех пор, пока он не был рад выкупить свое увольнение за сумму, рассчитанную в соответствии с его доходом, открывшимся любопытным глазам инквизиторов.

Но поскольку этого было недостаточно, чтобы наполнить пустую казну, пришлось вернуться к старым злоупотреблениям, для расследования и исправления которых была создана Земельная комиссия. Каждый офис был продан, и чтобы увеличить доход от этого источника, были созданы новые офисы, придуманы новые названия, и все это было продано за наличные деньги. Каждая должность как в церкви, так и в государстве была куплена; более того, по каждой вакансии проводился своего рода аукцион, и должность досталась тому, кто больше заплатит.

Этот вид торговли был достаточно плох при покойном герцоге, но теперь, при исправителе злоупотреблений, он стал вчетверо хуже, поскольку то, что раньше было зачаточным, теперь было организовано Зюссом в систему.

Офисы были не только проданы, но и после того, как они были сданы, арендатор должен был выплатить вторую сумму, называемую чаевыми, которые, как было объявлено, должны были пойти в фонд поддержки вдов, сирот и престарелых. Излишне говорить, что ни одна из этих денег так и не дошла до вдов, сирот или престарелых.

Указом герцога было организовано специальное бюро выплат, в состав которого входили люди, назначенные Зюссом, которые передавали в его руки полученные суммы; а он, после того как просеял и сохранил то, что считал нужным, остальное вытряхнул в герцогскую казну. Это бюро было основано герцогским рескриптом в 1736 году.

Бок о бок с Управлением по выплате пособий возникло Финансовое управление, в функции которого входил пересмотр арбитражного и судебного производства судов общей юрисдикции. Это место также было заполнено Зюссом со своими созданиями. Почвой, данной миру для его создания, было исправление судебных ошибок и несправедливости, совершенных судами общей юрисдикции. Это был последний ревизионный суд, в который поступало каждое решение до того, как оно вступало в силу. Более того, судебные разбирательства были долгими и дорогостоящими, и Финансовый суд обязывался вмешиваться, когда какой-либо иск грозил чрезмерно затянуться в ущерб правосудию. Но практическая работа Финансового суда была совершенно иной. Это вмешивалось в ход правосудия, отменяя решения не в соответствии с принципом справедливости, а в соответствии со взятками, уплаченными в руки правления. За очень короткое время источники правосудия были полностью отравлены этим, и ни одно преступление, каким бы тяжким и каким бы четко установленным оно ни было, не влекло за собой наказания, если в руки ревизионного суда поступала достаточная сумма денег. Вся страна была наводнена шпионами, которые объявляли виновными в мнимых преступлениях тех, кто был богат, и такие люди никогда не сбегали, не оставив часть своего золота финансовым советникам.

Как обычно в случае с Джозефом Зюссом, он старался официально держаться подальше от этого суда, как и от Управления по выплате вознаграждений, и от всех других. Но герцог назначил его помощником советника. Зюсс протестовал и пытался уклониться от оказанной чести; но поскольку герцог отказался освободить его, он ни разу не позаботился о том, чтобы присутствовать в суде, и когда ему присылали материалы судебного разбирательства и решения на подпись, он всегда отсылал их обратно неподписанными; и он никогда не успокаивался, пока его не лишили неприемлемого титула. Ибо Зюсс был ловким мошенником. В каждой сделке, которая была публичной и о которой можно было получить документальные доказательства того, что он был замешан в ней, он действовал честно; но всякий раз, когда он участвовал в разбирательстве, которое могло привлечь его к суду в случае, если он попадет в

немильность, он держался на заднем плане и действовал через своих агентов; так что, когда, в конце концов, его судили за изменническое и мошенническое поведение, документальных доказательств, изобличающих его, совершенно не хватало.

После смерти герцога из отчетов двух дворов было подсчитано, что в 1736-7 годах они выжали из маленького и бедного герцогства шестьдесят пять тысяч фунтов стерлингов.

Зюсс нанялся ювелиром к герцогу, который питал слабость к драгоценным камням, но ничего не знал об их относительной стоимости. Когда Зюсс предложил ему драгоценный камень, он не смог устоять перед искушением купить его, и очень малая часть денег Бюро пожертвований так и не дошла до него; он пересчитал стоимость в камне по оценке Зюсса. Когда некоторые из его близких людей осмелились предположить, что еврей обманывал его относительно стоимости камней, герцог Чарльз Александр пожал плечами и сказал со смехом: "Может быть, и так, но я не могу обойтись без этого кужона" (*cochon*).^[19] В начале 1736 года герцог, вероятно, по предложению Зюсса, издал новый указ о попечительствах, согласно которому он учредил канцелярию, которая должна была выступать в качестве опекуна для всех сирот, не достигших совершеннолетия, распоряжаясь за них их имуществом, и не отчитывалась ни перед кем, кроме герцога, за то, как она распоряжалась подопечными. Затем была учреждена комиссия для ведения всех благотворительных фондов в герцогстве; и таким образом Зюсс получил право распоряжаться имуществом на сумму в двести тысяч фунтов стерлингов, за которое государство выплатило Благотворительным организациям по ставке в три процента.

Затем последовало введение пошлин и налогов. Налогом облагались соль, игральные карты, бакалея, кожа, табак, экипажи и даже подметание дымоходов. Был выпущен вестник, содержащий указы герцога и официальные назначения, и каждый офицер и обладатель любого, даже незначительного, места в правительстве был вынужден подписаться на эту еженедельную газету, прибыль от которой поступала герцогу и его советнику. Затем последовал налог на собственность и подоходный налог; затем один мучительный указ за другим, раздражающий и беспокоящий людей, и все они означали одно — деньги.

Лотереи были учреждены по приказу герцога. Зюсс заплатил герцогу 300 фунтов стерлингов за одну и прикарманил прибыль, которая была значительной. На придворных балах и маскарадах Зюсс ставил столы с рулеткой в соседней комнате, и то, что выпадало *крупье*, шло ему в карман.^[20]

Наконец его солнце зашло. Герцог все больше и больше погружался в свои идеи о том, как с помощью своей армии нарушить конституцию, и больше прислушивался к своему генералу Ремхингену, чем к Зюссу. Он заключил соглашение с курфюрстом Баварии и епископами Вюрцбурга и Бамберга о посылке ему войск для содействия в его великом проекте и, в качестве платы за эту помощь, пообещал ввести римско-католическую религию в Вюртемберге.

Враги Зюссе, обнаружив, что он теряет власть над герцогом, воспользовались драгоценным камнем, который еврей продал ему за тысячу фунтов стерлингов и который, как оказалось, стоил всего чепухи, чтобы раскрыть глаза Карлу Александру на характер человека, оказавшего на него такое безграничное влияние. Зюсс, обнаружив, что власть ускользает от него, решил покинуть страну. Герцог остановил его. Зюсс предложил пять тысяч фунтов за разрешение уехать; в этом было отказано. Чарльз Александер понимал, что Зюсс знал слишком много

придворных секретов, чтобы ему позволили покинуть страну. Более того, потребности герцога заставили его почувствовать, что ему все еще может понадобиться изобретательность Зюсс, чтобы помочь ему собрать деньги. Чтобы удержать его, он даровал ему так называемый "абсольюториум" — рескрипт, который не возлагал на него ответственности ни перед кем за какие-либо свои действия в прошлом или в будущем. Получив этот документ, еврей согласился остаться, и тогда герцог потребовал у него займы четыре тысячи фунтов стерлингов на расходы по поездке, которую он намеревался совершить в Данциг, чтобы проконсультироваться с врачом по поводу ноги, которой он страдал. "Абсольюториум" был подписан в феврале 1737 года.

12 марта следующего года Карл Александр отправился в свое путешествие из Штутгарта, но не зашел дальше своего дворца в Людвигсбурге.

Хотя соблюдалась строжайшая секретность, тем не менее выяснилось, что конституция должна была быть нарушена, как только герцог покинет страну. На этот счет он отдал запечатанный приказ своему генералу Ремхингену. Баварские и вюртембергские войска численностью 19 000 человек уже были на марше. Вюртембергской армией полностью командовали люди герцога. Были отданы приказы запретить штутгартской гражданской гвардии проводить учения и собрания, а также приказ о всеобщем разоружении Гражданской гвардии, крестьян и горожан сразу же после пересечения герцогом границы. Все крепости герцогства были снабжены в изобилии боеприпасами.

В Людвигсбурге герцог остановился, чтобы посоветоваться с астрологом относительно перспектив своего предприятия. Зюсс презрительно рассмеялся над притворством этого человека и, указав на пушку, сказал Чарльзу Александру: "Это ваша лучшая подзорная труба".

Запечатанные приказы должны были быть вскрыты 13-го, и в этот день должен был быть нанесен удар. Людвигсбург уже был полон вюрцбургских солдат. Курьер герцога с письмом в пьяной ссоре был лишен депеши; ее вскрыли и показали Собранию, которое собралось в спешке и тревоге. Это раскрыло заговор. Несколько знатных людей немедленно поспешили в Людвигсбург, чтобы встретиться со своим принцем. Он принял их грубо и отпустил, не опровергнув своих намерений. Ужас стал всеобщим. День был ненастный; по небу неслись тучи, затем посыпался град, затем забрезжило солнце. В Людвигсбурге ветер дул во все окна, заставляя дрожать стекла. На церковных башнях зазвонили тревожные колокола, потому что в деревне Эглосхайм вспыхнул пожар.

Ассамблея направила в Людвигсбург еще одну депутацию, состоящую из своих старейших и наиболее уважаемых членов. Они прибыли поздно и, не сумев проникнуть через парадные ворота, прокрались через кухонный вход и неожиданно предстали перед герцогом в десять часов вечера, когда он отходил отдохнуть после устроенного бала. Танцы все еще продолжались в одном из флигелей, и звуки музыки доносились в зал, когда старая вюртембергская знать, люди почтенного возраста и высокого положения, протиснулись к герцогу.

Чарльз Александр только что вышел из бального зала, сел в кресло и выпил сильнодействующее лекарство, подаренное ему его камергером Нойффером в серебряной чаше. Нойффер принадлежал к семье, которая долгое время была влиятельной в Вюртемберге, благородной и патриотичной. Едва герцог проглотил этот напиток, как появилась депутация. Он

побагровел от ярости, и хотя беседа происходила при закрытых дверях, слуги снаружи слышали яростную перебранку, а голос герцога повысился, как будто он был сильно взволнован. Вскоре двери открылись, и депутация вышла, сильно взволнованная, причем один из стариков в спешке забыл захватить с собой свою шапку. Едва они ушли, как Нойффер отпустил слуг, а сам направился в дальнее крыло дворца.

Герцог, все еще взволнованный, внезапно почувствовал недомогание, выбежал в прихожую, никого там не обнаружил, проковылял в третью, затем в четвертую комнату, распахнул окно и крикнул на большой двор о помощи; но его голос заглушил оркестр, игравший вальс в освещенном бальном зале. Затем у герцога закружилась голова, и он упал на землю. Первым подоспел Нойффер и нашел его без сознания. Он вытащил нож и проткнул его. Потекла кровь. Герцог открыл глаза и ахнул: "Что со мной? Я умираю!" Его усадили в кресло, и он умер мгновенно.

В ту ночь ни в одном окне Штутгарта не горел свет. Город походил на город мертвых. Все были встревожены тем, что произойдет завтра, но в тайне оружие распределялось между гражданами и гильдиями. Они будут сражаться за свою конституцию. Внезапно, в полночь, распространилась весть о том, что герцог мертв. Улицы сразу же наполнились людьми, они смеялись, кричали, бросались друг другу в объятия, и не прошло и часа, как окна были освещены бесчисленными свечами.^[21]

Нельзя было терять ни минуты. Герцог Карл Рудольф Вюртемберг-Нойенштадтский был облечен регентством, а 19 марта генерал Ремхинген был арестован и лишен своего поста.

На этот раз сообразительность Зюсса подвела его. Полагаясь на свой "абсолюториум", он не покинул страну в тот момент, когда услышал о смерти герцога. Он ждал, пока сможет спрятать свои ценности в безопасное место. Он ждал слишком долго, потому что был арестован и заперт в своем доме. Затем ему все-таки удалось сбежать, и он опередил своих врагов на час, но был опознан и остановлен вюртембергским офицером и препровожден в Штутгарт, где он был почти разорван на куски разъяренным населением и с трудом вырван из их рук. 19 марта он был отправлен в крепость Хоэннефен, но оттуда ему почти удалось совершить побег, подкупив стражу бриллиантами, которые он спрятал при себе.

Поначалу Зюсс переносил свое заключение с достоинством. Он был уверен, во-первых, что "абсолюториуму" не будет предъявлен импичмент, а во-вторых, что не было обнаружено никаких документальных доказательств, которые могли бы его изобличить. Но по мере того, как его заключение затягивалось и когда он видел, что страна требует жертвы за причиненные ей обиды, его уверенность и самоуважение покинули его. Тем не менее, он до последнего не был убежден, что у него отнимут его жизнь, а также нажитое нечестным путем имущество, и тогда он стал презренной фигурой, молящей о пощаде и страстно стремящейся изобличить других в надежде таким образом спасти свою собственную жалкую жизнь.

Было много других, столь же виновных, как Зюсс, — нет, даже больше, потому что они были уроженцами Вюртемберга, а он чужак по крови и религии. Но у этих других были родственники и друзья, которые могли заступиться за них, и все чувствовали, что Зюсс был человеком, из которого следовало сделать козла отпущения, потому что у него не было друзей.

Способ его казни был варварским. Суд над ним затянулся на одиннадцать месяцев; наконец, 4 февраля 1738 года его вывели на казнь — чтобы повесить в железной клетке. Эта клетка была

изготовлена в 1596 году и имела восемь футов в высоту и четыре фута в диаметре. Она была круглой и состояла из семнадцати прутьев и четырнадцати поперечин. Виселица была высотой в тридцать пять футов. Несчастного человека сначала задушили в клетке, подвесили в ней, как мертвую птицу, а затем клетку с ним подняли на всю высоту виселицы. Его богатство было конфисковано.

Халвахс и другие негодяи, участвовавшие вместе с ним в разграблении их страны, были изгнаны, но им было позволено уйти со всей их добычей.

Ремхинген также сбежал; при аресте ему удалось избавиться от всех компрометирующих бумаг, которые он передал трубочисту, посланному ему по трубе кем-то из агентов епископа Вюрцбургского.

Такова трагическая история жизни Зюсса Оппенгейма, человека незаурядных способностей, замечательной проницательности, но без искры принципиальности. Но главную трагедию следует искать в ухудшении характера герцога Карла Александра, который в качестве австрийского фельдмаршала и губернатора Сербии был воплощением чести, щедрости и любви; который вступил в свое герцогство, не только обещая хорошее правление, но и искренне желая хорошо править на благо своего народа; и который менее чем за четыре года утратил любовь и уважение своих подданных и умер, обдумывая поступок, который заклеил бы его как лжесвидетеля - умер, не выполнив ни одной из своих благих целей, и так ненавидимый людьми, которые приветствовали его. при его въезде в столицу выяснилось, что, по общему согласию, способ его смерти не был слишком любопытным и пристальным.

СНОСКИ:

[18] Была некоторая идея избрания младшего брата.

[19] За три года Зюсс получил прибыль в размере 20 000 флоринов только от продажи ювелирных изделий.

[20] Герцог по наущению Зюсс написал императору, чтобы облагородить еврея фактотума, но получил отказ.

[21] На следующую ночь кондитер установил транспарант с изображением Дьявола, уносящего герцога.

Игнатий Фесслер.

15 декабря 1839 года на восемьдесят четвертом году жизни скончался Игнатий Фесслер, лютеранский епископ в Санкт-Петербурге, человек, прошедший через несколько стадий религиозной веры и неверия, венгр по происхождению, католик по образованию, монах-капуцин, затем деист, почти, если не совсем, атеист, профессор восточных языков в Лембергском университете, наконец, лютеранский епископ в Финляндии.

Он был примечателен прежде всего тем, что сыграл важную роль в проведении одной из самых благотворных реформ императора Иосифа II.

Его автобиография, опубликованная им в 1824 году, когда ему было семьдесят лет, дает любопытную картину того, как Джозеф проводил эти реформы, и позволяет нам понять, почему они вызвали такое сильное противодействие и во многих случаях не привели к тому благу, которое было задумано.

Фесслер в своей автобиографии рисует себя в самых ярких красках, на какие только способен, но невозможно не видеть, что он был человеком беспринципным, эгоистичным и бессердечным.

Автобиография настолько любопытна, а жизненный опыт Фесслера настолько разнообразен, времена, в которые он жил, настолько богаты событиями, а сама книга настолько малоизвестна, что краткий отчет о его карьере, возможно, заинтересует и, должно быть, будет новым для широкого круга читателей.

Игнатиус Фесслер был сыном родителей скромного образа жизни, проживавших в Венгрии, но немцев по происхождению. Игнатий родился в 1754 году и, как первый ребенок, был посвящен своей матерью Богу. В то время для таких детей было обычным облачением в церковные одежды. Игнатий, как только научился ходить, был облачен в черную рясу. Самым ранним его чтением были "Жития святых и мучеников", но на первое причастие мать подарила ему Библию. Эта книга и "Фома Кемпийский" были ее единственной литературой. Длительная молитва, ежедневное чтение религиозных книг, и никакие другие, не сформировали открытый ум ее ребенка. Точно такой же процесс происходит и в наши дни в бесчисленных крестьянских домах католической Австрии, Германии и Швейцарии. Ни в Англии, ни во Франции невозможно получить такое образование, отгородить свой разум от светских влияний. Первым стремлением ребенка было стать святым, его наивысшим стремлением было стать отшельником или мучеником. В возрасте семи лет он был отдан на воспитание отцу-иезуиту, и вскоре после этого был допущен к причастию. В возрасте девяти лет Игнатий умел читать и говорить по-латыни, а затем с жадностью прочел "*Manductio ad Coelum*" кардинала Боны. Его образованием занимались кармелиты в Раабе. Доктор Фесслер с нежностью вспоминает о своем учителе, отце Рафаэле. Игнатий бездельничал и был ленив. "Мальчик! - сказал Отец. - Хватит бездельничать, или ты так и останешься никчемным посмешищем для старых женщин. Посмотри на меня в возрасте семидесяти лет, полного жизни и энергии, которая приходит от того, что в детстве я не был бездельником". Из школы кармелитов Игнатий перешел в школу иезуитов. Его продвижение было быстрым; но он по-прежнему изучал мистическое богословие, а его целью было достижение созерцательной, экстатической жизни в благочестии. Так ему исполнилось семнадцать лет.

Затем мать отвезла его в Буду, навестить дядю, который преподавал философию в монастыре капуцинов. Мальчик заявил о своем желании стать францисканцем. Его мать и дядя с готовностью дали согласие, и он поступил послушником под именем Франциска Иннокентия. "Имя Иннокентий мне очень шло — на самом деле, в то время я не знал разницы между полами".

В 1774 году, в возрасте двадцати лет, он принес присягу, сделавшую его монахом. Все отцы монастыря одобрили это, за исключением одного старика, Перегринуса, который серьезно

возразил, заявив, что он предвидел, что Фесслер навлечет неприятности на братство. Отец Перегринус был прав, Фесслер был из тех, кому жизнь, правила и цель Ордена никогда не могли быть по душе. У него был энергичный, алчный ум, ненасытная тяга к знаниям и страсть к книгам. Капуцины были и остаются набранными из низших слоев населения, невежественных крестьян с традиционным презрением к учености, а их учителя обладали самыми поверхностными знаниями. Фесслер, будучи лишенным средств, не мог вступить ни в один из культурных орденов, бенедиктинцев или иезуитов. Более того, францисканец, по своему обету, не имеет собственности, он должен жить попрошайничеством, что является правилом, пагубным для самоуважения и поощряющим праздность. Святой Франциск, основатель, был отпрыском торгового класса, и нищенство, которое он навязал своему Ордену, было вызвано его бунтом против жадности к деньгам своего класса. Но это был плодотворный источник зла. Это удерживает людей, обладающих каким-либо чувством личного достоинства, от вступления в Орден и приглашает в него праздных и невежественных. Францисканский орден был плодородным рассадником ересей, расколов и скандалов. Теперь старый отец Перегринус обладал достаточным пониманием человеческой природы, чтобы увидеть и рассудить, что человек гордый, интеллектуальный и образованный был бы как рыба на суше в братстве капуцинов. Его не послушали. Фесслер был слишком молод, чтобы знать себя, а отцы слишком стремились заполнить многообещающего и способного человека.

- Хранитель, Селестин, дружелюбный человек, проникся ко мне симпатией. Он научил меня играть в шахматы, и играл со мной охотнее, чем с кем-либо из остальных, что немало повысило мою самооценку. Библиотекарь Леонидас был старым, образованным, услужливым человеком, нежно любившим свои цветы. Я принесла ему воды для цветочных клумб, и он выразил мне свою благодарность, позволив пройти по библиотеке.

Библиотека была небольшой, книги почти все богословские, и больше всего Фесслера привлек том Барбансона "Пути божественной любви".

В 1775 году Фесслер познакомился с бароном-кальвинистом, который одолжил ему "Церковную историю" Флери. Это открыло молодому человеку глаза на тот факт, что Церковь несовершенна, что мир за пределами Церкви не совсем лишен благодати. За тот год он перечитал свой Новый Завет более семи раз. Затем его друг-кальвинист одолжил ему "Трактат о мистических обрядах монахов" Муратори. Его уверенность была поколеблена. Он больше не видел в Церкви идеала чистоты и совершенной непогрешимости; он видел, что Мистическое богословие было географией облачных замков. Какая от этого была польза? С какой целью жили монахи? Выращивать капусту, делать табакерки, картонные футляры, которые они расписывали, — таковы были их практические занятия; остальное время они проводили в молитве и размышлениях.

Затем молодой монах прочитал стихи Гофмана-Вальдау, и чувственность их образов воспламенила его воображение в то самое время, когда религиозный экстаз перестал его привлекать.

Фесслер говорит, что ему страшно подумать, каким мог бы быть результат, если бы его не поддержал Сенека. Любопытно отметить, и это характерно для этого человека, что он был спасен от деморализации не Новым Заветом, который не тронул его сердца, а моральными аксиомами Сенеки, которые убедили его разум. Францисканцам предоставлена большая

свобода. Они ездят по стране, собирая милостыню, они навещают кого захотят, и для человека без принципов такая свобода чревата опасностями.

Теперь Фесслер решил оставить Приказ, который был ему ненавистен. "Несколько успокоенный Сенекой, я теперь решил освободиться от оков монастыря, не вызывая скандала. Самым простым способом сделать это для меня было принять Приказ и получить исцеление душ или должность капеллана у дворянина ". У него не было призвания к служению; он смотрел на это просто как на средство вырваться из неподходящего окружения. Заявив о своем желании стать священником, он был переведен в Гросс-Вардейн, чтобы пройти там необходимый курс обучения. В Вардейне он снискал расположение епископа и некоторых каноников, которые одолжили ему книги по церковной и политической истории его родной страны. Он также познакомился с несколькими семьями в городе, с дамой с двумя дочерьми, в старшую из которых он влюбился. Однако у него хватило порядочности не объявлять о своей страсти. Иначе обстояло дело с молодой вдовой портного-кальвиниста Софи; она очень разумно ответила на его заявление письмом, которое, по его словам, произвело на него неизгладимое впечатление.

В 1776 году он был переведен в Швах для прохождения курса нравственного богословия. Его отвращение к вынужденной учебе, которую он считал отбиванием пустой шелухи, усилилось. Он был зол на то, что его разлучили с друзьями, которых он приобрел в Вардейне. Досада, раздражение, сомнения бросили его в лихорадку, и его перевели в монастырь в пригороде Вены, где он мог находиться под лучшим медицинским наблюдением. Лечащий врач, который лечил его, вскоре увидел, что болезнь его пациента была психической. Фесслер открыл ему свое сердце и попросил одолжить книги, более полезные для мозга, чем мистический хлам в монастырской библиотеке. Врач посоветовал ему навестить его, когда его выпишут как выздоровевшего из монастырского лазарета, вместо того чтобы сразу возвращаться в Швахат. Он так и сделал, и доктор представил его двум выдающимся и влиятельным людям, фон Эйбелю и прелату Раутенштрауху, бенедиктинскому аббату, директору теологических факультетов Австрийской монархии. Этот последний пообещал Фесслеру помочь ему в учебе и призвал его изучать греческий и иврит, а также расширить круг его чтения, познакомиться с юриспруденцией, историей, естествознанием и географией и обязался снабдить его необходимыми книгами.

Вернувшись в Швахат, Фесслер подал апелляцию в провинциальный суд на своего магистра, которого он назвал некомпетентным педантом. По его просьбе его перевели в Винер-Нойштадт. Там он нашел лектора по церковным наукам таким же поверхностным, как и человек, от которого он сбежал. Этот человек не возражал ни против того, чтобы Фесслер продолжал изучать греческий и иврит, ни против того, чтобы он брал из библиотеки те книги, которые ему нравились.

Молодой кандидат теперь заимствовал и поглощал деистические работы Гоббса, Тиндаля, Эдельмана и Вольфенбюттельские фрагменты. Он должен был быть осторожен, чтобы эти книги не были видны, поэтому спрятал их под полом на хорах. После полуночи, когда отслужили заутреню, вместо того чтобы вернуться в постель вместе с остальными, он остался, под предлогом набожности, в церкви, сидя на ступенях алтаря, и читал деистические произведения при свете алтарной лампы, которую он опустил на надлежащий уровень. Теперь он полностью утратил веру не только в христианство, но и в естественную религию. Тем не менее, он не отказался от своей цели - поиска орденов. В 1778 году он был рукоположен в сан диакона,

а в 1779 году - в сан священника. "В воскресенье после Праздника Тела Христова я отслужил без веры, без елеосвящения свою первую мессу в присутствии моей матери, ее брата и остальных членов моей семьи. Все они приняли причастие из моих рук, омытые слезами умиления. Я, который руководил ими, застыл в неверии".

Ему не дали желаемого исцеления душ, не предложили должности капеллана. Перспектива побега казалась не лучше, чем раньше. Он стал очень нетерпеливым и доставлял хлопоты в своем монастыре. Как и можно было подозревать, он стал беспокойным при исполнении священнических обязанностей, как и при монашеском уставе. Любопытно, что в конце жизни, когда Фесслер писал свои мемуары, он показал себя слепым к недостойности своего поведения, взяв на себя самые священные обязанности перед Богом и Церковью, когда он не верил ни в то, ни в другое. Он, однако, тщательно заверяет нас, что, хотя и не верил в свои обязанности, исполнял их пунктуально, выслушивая исповеди, проповедуя и служа мессу. Но его поведение настолько одиозно, его бессердечие настолько бросается в глаза, что трудно испытывать хоть малейшую уверенность в его добросовестности в любой момент его жизни.

Поскольку он стал негоден своему начальству в Нойштадте, его перевели в Медлинг. Там он познакомился с герром фон Молинари и часто бывал в его доме, где познакомился с молодой графиней Луизой. "Я не могу описать ее величественную фигуру, ее изогнутые брови, выражение ее больших голубых глаз, нежность ее рта, музыку ее голоса, изысканную гармонию, которая присутствует во всех ее движениях, и что поражает меня больше всего — она легко говорит по-латыни и читает только серьезные книги". Так написал Фесслер в письме в то время. Утром он читал с ней "Метаморфозы" Овидия, а вечером гулял с ней. Когда в конце октября семья отправилась в Вену, "отсутствие этой благородной души, - писал он, - наполнило меня самым острым горем". Семья Молинари была увлечена янсенизмом, и надеялась приобщить молодого капуцина к своим взглядам. На следующий год, весной 1781 года, они вернулись в Медлинг.

"Этот год прошел так же, как и предыдущий; в монастыре я был образцом послушания, в школе — магистром схоластического богословия; в семье Молинари — скромным учеником Янсена, утром почитателем музыки Луизы, вечером приятным собеседником в обществе", в душе - неверующим в христианство.

Следует процитировать дословно письмо, написанное дяде 12 марта 1782 года, содержащее поразительное открытие, которое дало ему столь желанную возможность порвать с Орденом:

"С 23 февраля я без перерыва пою в честь Давида, в глубине моего сердца: "Хвала и слава Богу, который предал моих врагов в руки мои!" Послушайте, каким чудесным образом это произошло. В ночь с 23 на 24 февраля, после одиннадцати часов, меня разбудил ото сна брат-мирянин. "Возьми свое распятие, - сказал он, - и следуй за мной".

"Куда?" - спросил я, охваченный паникой.

- "Туда, куда я собираюсь тебя повести".

- "Что мне делать?"

- Я скажу тебе, когда ты будешь на месте.

"Не зная, куда я иду и с какой целью, я не пойду".

"Хранитель отдал приказ; в силу святого послушания вы обязаны следовать туда, куда Я поведу".

"Как только речь заходит о святом послушании, никакое сопротивление не может быть оказано. Полный ужаса, я взял свое распятие и последовал за братом-мирянином, который шел впереди с потайным фонарем. Проходя мимо камеры одного из моих коллег-ученых, я проскользнул внутрь, разбудил его и дважды прошептал ему на ухо по-латыни: "Меня уведут Бог знает куда. Если я не появлюсь завтра, свяжитесь с Раутенштраухом."

Наш путь лежал через кухню, а за ней через пару комнат; открыв последнюю, брат сказал: "Семь ступенек вниз". Мое сердце сжалось, я подумал, что обречен увидеть последние лучи дневного света. Мы вошли в узкий проход, в середине которого я увидел справа небольшой алтарь, а слева несколько дверей, запертых на висячие замки. Мой проводник открыл одну из них и сказал: "Вот умирающий человек, брат Никомед, венгр, который немного знает немецкий, окажите ему свою духовную помощь. Я подожду здесь. Когда он умрет, позвони мне."

"Передо мной на своем тюфяке, в поношенном одеянии, на соломенном паласе, под одеялом лежал старик; капюшон закрывал его седую голову, белоснежная борода доставала до пояса. Рядом с кроватью стоял старый, покрытый соломой стул и грязный стол, на котором горела лампа. Я сказал несколько слов умирающему, который почти потерял дар речи; он подал мне знак, что понимает меня. Исповедь была невозможна. Я говорил с ним о любви к Богу, раскаянии в грехах и надежде на милосердие небес; и когда он сжал мою руку в знак внутреннего волнения, я произнес над ним Всеобщее Отпущение Грехов. Все остальное время, пока я был с ним, я медленно и с перерывами произносил слова утешения и надежды на вечное блаженство. Около трех часов, после предсмертной агонии, длившейся четверть часа, он скончался вне досягаемости неприятностей."

Прежде чем позвать брата-мирянина, я осмотрел тюрьму, а затем поклялся над трупом сообщить императору об этих ужасах. Затем я вызвал брата-мирянина и холодно сказал: "Брат Никомед ушел".

"Для него это тоже хорошо", - ответил мой проводник столь же безразличным тоном.

-Как давно он здесь? - спросил я.

-Пятьдесят два года.

- "Он был сурово наказан за свою ошибку".

"Да, да. Он никогда раньше не болел. Вчера, когда я принесла ему поесть, у него случился инсульт".

-Для чего нужен алтарь в коридоре?

"Один из отцов церкви по всем праздникам служит там мессу в честь львов и причащает их. Видите, в каждой двери есть маленькое окошко, которое затем открывается, и через него львы исповедуются, слушают мессу и причащаются."

- "У вас здесь много львов?"

- "Четверо, два священника и два брата-мирянина, которых нужно сопровождать".

-Как долго они здесь? - спросил я.

- "Одному пятьдесят, другому сорок два, третьему пятнадцать, а последнему девять лет".

"Почему они здесь?"

- "Я не знаю".

-Почему их называют львами?

- Потому что меня называют хранителем львов.

- Я счел целесообразным больше не задавать вопросов. Я попросил надзирателя осветить мне дорогу до моей камеры и там в спокойствии обдумал, что делать.

"На следующий день, или, вернее, в тот же день, 24 февраля, я полностью описал все, что произошло, в письме, адресованном императору, с приложенной моей подписью. Вскоре после моего приезда в Вену я познакомился с богемным светским студентом по имени Бокорный, человеком, заслуживающим доверия. Утром 25 февраля я заставил его поклясться передать мое письмо императору и хранить молчание относительно моих действий.

"В 8 часов он был с моим письмом в вестибюле дворца для курьеров, где обычно собирается толпа лиц с петициями, ожидающих императора. Джозеф взял мой документ у моего посыльного, торопливо пробежал его, положил отдельно от остальных прошений и отпустил моего посыльного, после того как самым серьезным образом предупредил его придержать язык.

"Удар нанесен; каков будет результат — выйдет ли из этого что-нибудь, я пока не знаю".

В течение многих месяцев на это письмо не обращали внимания. Император не смог принять меры сразу, так как несколько дней спустя Пий VI. прибыл в Вену с визитом к Джозефу.

Иосиф II. был восторженным реформатором; он питал самое живое уважение к Фридриху Великому и пытался подражать ему, но, как сказал Фридрих, Иосиф всегда начинал с того, на чем следовало бы остановиться. Едва став императором (1780), он с безудержной стремительностью начал множество реформ. Он полагал, что любое злоупотребление должно быть искоренено с помощью применения деспотической власти и что его подданные будут с энтузиазмом приветствовать свободу и просвещение. Независимо от силы наследственной ассоциации, он произвольно разрушал существующие институты, будучи убежденным, что способствует благосостоянию своих подданных. Он освободил евреев и провозгласил свободу вероисповедания для всех религиозных организаций, за исключением деистов, которых он приговорил к двадцати пяти ударам палкой. Он отменил применение пыток и реорганизовал суды.

Папа, встревоженный реформаторским духом Иосифа и нововведениями, которые он вводил в управление Церковью, пересек Альпы в надежде, что в личной беседе ему удастся умерить рвение императора. Он прибыл всего через несколько дней после того, как Иосиф получил письмо Игнатия Фесслера, которое должно было побудить его провести еще более радикальные

реформы и закалить его сердце против папских уговоров. Ничто не могло попасть ему в руки более кстати.

В Вене, в соборе Святого Стефана, папа провел папскую мессу. Император не почтил ее своим присутствием. По приказу Иосифа задняя дверь папской резиденции была замурована, чтобы Пий не мог принимать посетителей без ведома императора, а у входа была выставлена стража для тщательного досмотра тех, кто добивался присутствия папы. Джозеф потерял достоинство из-за нарочитой невежливости, а Кауницу, его министру, было позволено быть оскорбительным. Последний принял папу, когда тот посетил его, в халате и вместо того, чтобы поцеловать ему руку, сердечно пожал ее. Пий, проведя пять недель в Вене, ни на что не повлияв, был вынужден уехать.

Фесслер видел его трижды, однажды, когда папа служил мессу в церкви капуцинов, он стоял всего в трех шагах от него. "Никогда вера и неверие, янсенизм и деизм не боролись во мне за господство с такой яростью, как тогда; слезы текли из моих глаз, возбужденные моим волнением, и в конце мессы я был убежден, что видел либо человека, столь же исполненного жгучей любви к Богу, как серафим, либо самого совершенного актера в мире". Об искренности и благочестии Пия VI. В этом не может быть никаких сомнений. Он был хорошим человеком, но не способным. "В заключение он повернулся к нам, молодым священникам, спросил у каждого его имя, стаж работы в Ордене и священство, о нашей учебе и отеческим тоном призвал нас быть крепкими камнями в стене дома Израиля во времена нынешних и грядущих трудностей".

Перед отъездом Пий благословил людей с балкона иезуитской церкви. "Папа восседал на троне под расшитым золотом балдахин. Внизу, должно быть, собралось пятьдесят тысяч человек. В окнах было полно голов, на каждой крыше толпились люди. Папа был облачен в свою тиару с тройной короной, и его сопровождали три кардинала и два епископа в полных понтификатах. Он произнес нараспев форму отпущения грехов протяжным голосом, который был подхвачен придворным хором в четыреста голосов. Когда это было сделано, Пий поднялся со своего трона, тиара была снята с его головы, он выступил вперед, поднял глаза и руки к небу и в чистом экстазе преданности вознес горячую молитву. Только вздохи и рыдания время от времени нарушали совершенную тишину, царившую среди огромной толпы коленапреклоненных людей на большой площади. Папа римский, казалось, скорее поднялся в экстазе со своих ног, чем встал. Молитва длилась долго, и епископы приложили свои руки, чтобы поддержать его; это было подобно Моисею на вершине горы, с жезлом Божьим в руке, поддерживаемому Аароном и Ором, когда он молился за свой народ, сражающийся внизу с Амаликом. Наконец, в эту секунду Моисей опустил руки, поднял правую руку и благословил народ во имя Троицыного Бога. При звуке "Аминь" загремели пушки "Фрейунга", и им ответила вся артиллерия на укреплениях города".

Папа римский ушел, а на петицию по-прежнему никто не обращал внимания. Молинари поговорил с Фесслером, который очень горячо выступал за реформу и составил схему реорганизации Церкви в Империи, которую он разослал некоторым министрам императора. "Друг мой, - сказал Молинари, - разрушать и перестраивать, разрушать и воссоздавать - это серьезные дела, за которые должен браться только тот, у кого есть серьезное призвание, а не средство для эгоизма".

Фесслер признает, что в этом упреке была доля правды, он хотел привлечь к себе внимание, и его заботил вопрос о "львах" только потому, что он думал, что они послужат его эгоистичным

целям. Теперь Джозеф издал приказ, согласно которому ни один член монашеского ордена не должен был допускаться к бенефициям, если он не сдал экзамен перед преподавателями семинарий. Начальство капуцинов запретило своим кандидатам участвовать в этих экзаменах. Фесслер поднял бунт, и он и некоторые другие, действуя по его совету, потребовали допустить их к обследованию. Затем его настоятель сообщил ему, что Орден не намеревался лечить души, его собирались назначить преподавателем философии в одном из монастырей Венгрии. Чтобы предотвратить свое смещение и вынудить Орден к открытому разрыву с ним, Фесслер прибегнул к самому неприличному и малодушному поступку. Находясь в Вене, он познакомился с незамужней дамой, баронессой Э. Он помогал ей в учебе, давая инструкции, как правило, в письме. Его знакомый Фон Эйбель написал книгу или трактат, вызвавший большой резонанс, под названием "Кто такой папа?" Фесслер написал другую, озаглавленную "Кто такой император?" Он отправил копию издателю, но сохранил оригинал. Теперь Фесслер написал под вымышленным именем и замаскированной рукой письмо отцу Максиму, настоятелю монастыря, обвиняя себя в ведении преступной переписки с баронессой Э. и в составлении подстрекательского и антирелигиозного памфлета "Кто император?". Максим немедленно отправился к баронессе и показал ей письмо. Дама в сильном негодовании достала всю корреспонденцию и вручила письма ему. Максим передал их в руки Настоятеля монастыря, который посетил Фесслера и спросил его, признает ли он авторство "этих скандальных писем".

"Скандальными они не являются", - ответил Фесслер.

-Импиус, кончай глубокомысленно, презрительно, - взревел монах. "Они не только скандальны, но и нечестивы. Взгляните на это письмо о платонической любви. Разве такое письмо подобает такому человеку, как ты, писать леди?"

В результате этих писем и найденной при нем рукописи брошюры Фесслер был передан в Консистоориальный суд архиепископа. Он был вызван в суд в начале августа, когда его вынудили признаться, что он имел обыкновение целовать даму, которой писал о платонической любви, и Консистоория отстранила его от исполнения священнических обязанностей на месяц.

Мы с Лектором вернулись в монастырь молчаливые, словно чужие. Когда мы пришли, монахи сидели за столом. Я не знаю, как я добрался до своего места, но после того, как я выпил свой кубок вина, все вокруг меня прояснилось. Мне показалось, что я слышу голос Горация, взывающий ко мне с небес: *"Совершеннее и обдуреннее!"* и через мгновение мое самоуважение возродилось, и я с презрением посмотрел на семьдесят монахов, жадно поглощавших свой обед".

О своем собственном подлом поведении, о том, что он вполне заслужил свое наказание, Фесслер, похоже, так и не пришел к осознанию. Он действительно был очень жалким созданием, вызывавшим отвращение в уравновешенном уме; и его мемуары заслуживают внимания только из-за любопытного проникновения, которое они позволяют проникнуть во внутреннюю жизнь монастырей, и потому, что он был средством раскрытия громких скандалов и помогал Иосифу II. в своей работе по реформированию.

В начале сентября 1782 года Фесслер был средством вызвать новый скандал на глазах императора. За предыдущий год шорник из Швахата потерял жену и остался не только вдовцом, но и бездетным. Теперь его племянница вела у него хозяйство и очень боялась, что ее дядя женится снова и что таким образом она не станет его наследницей. Она посоветовалась с

капуцином, отцом Бриктием. Фесслер бывал в Швахатском монастыре и знал этого человека. Вскоре после этого племянница заверила своего дядю, что ей явился призрак ее тети, и сказала, что она страдает в Чистилище. Для ее освобождения нужно было отслужить десять месс и сжечь несколько восковых свечей. Шорник был доволен, что его старуху "уложили" такой ценой. Но после десятой мессы племянница заявила, что снова видела свою тетю и что дух явился ей в присутствии отца Брикция и сказал ей, что больше всего ее беспокоит подозрение, которое она испытывает, что ее муж намеревается жениться снова; и она заверила его, что если он так поступит, то потеряет свою душу, в знак чего она положила руку на обложку молитвенника племянницы и оставила на нем отпечаток.

Отец Брикий носил обгоревшую книгу по всей округе, на деревянной обложке были отчетливо видны отпечатки большого и пятерых пальцев. Велико было возбуждение, и со всех сторон были востребованы мессы за упокой душ. Некоторые глупые пасторы даже проповедовали о чуде.

Случилось так, что венского мальчика отдали в ученики к жестянщику в Швахате; и каждую субботу вечером мальчик возвращался домой, чтобы провести день со своими родителями в Вене. Обычно он привозил Фесслеру небольшие подарки или послания от своих друзей из Швахата. Однажды мальчик пожаловался Фесслеру на то, что его жестоко избил хозяин. Когда его спросили о причине, он ответил, что был занят с лудильщиком, делавшим железную руку, и что он испортил ее. Вскоре после этого слух о чудесной руке, возложенной на молитвенник, достиг монастыря. Фесслер сопоставил обстоятельства и заподозрил, что напал на след мошенничества. Он сразу же отправился к одному из министров императора и рассказал ему все, что знал.

Было отдано императорское распоряжение, жестянщица, племянница шорника и отец Брикий были арестованы, подвергнуты перекрестному допросу и, наконец, сознались в проделке. Жестянщика отправили в тюрьму на несколько месяцев, женщину - на несколько недель, а францисканца сначала посадили в тюрьму, а затем изгнали из страны. Правительственными властями был опубликован отчет о мошенничестве, и каждому приходскому священнику было приказано прочитать его своим прихожанам с кафедр.

Венским капуцинам после этого еще больше, чем раньше, захотелось отправить Фесслера в Венгрию, и он был вынужден обратиться к императору с просьбой предотвратить его высылку.

Внезапно, совершенно неожиданно, в начале октября — через семь месяцев после того, как Фесслер отправил императору отчет о тюрьме в монастыре, и когда он отчаялся обратиться на это внимание, — несколько имперских уполномоченных посетили монастырь и потребовали от имени императора, чтобы им показали все помещения. Во главе Комиссии стоял Хегелин, которому Фесслер поделился своими подозрениями относительно железной руки.

Уполномоченные посетили все камеры и лазарет, затем трижды спросили Хранителя от его чести и имени Императора, есть ли в монастыре тюрьма. Трижды Опекун отвечал, что нет. "Давайте теперь пойдем на кухню", - сказал Хегелин и, несмотря на протесты и оправдания Опекуна, настоял на том, чтобы его отвели туда. За кухней находилась прачечная. Члены комиссии пошли дальше и обнаружили маленькую запертую дверь. Они настояли на том, чтобы ее открыли. Тогда Хранитель побледнел и чуть не потерял сознание. Дверь распахнулась, камеры были отперты, и братья-миряне приказали привести заключенных в трапезную. Там уполномоченные остались наедине с несчастными, чтобы записать их показания. Было

обнаружено, что трое из них, отцы Флорентин и Патернус, а также брат-мирянин Немезиан, были не в своем уме. Для ответа за них был вызван "львиный страж". Из его рассказа выяснилось, что Немезиан сошел с ума из-за религиозного энтузиазма; ему был семьдесят один год, и он пятьдесят лет провел в темнице. Отцу Флорентину было семьдесят три года, он провел в заключении сорок два года за то, что в порыве гнева надрал уши Стражу Порядка. Отца Патернуса посадили за то, что он имел обыкновение покидать свой монастырь без разрешения, а когда его упрекали, не отказывался от своего независимого поведения. Он провел в тюрьме пятнадцать лет. Заключение лишило его рассудка. Поскольку двое оставшихся были в полном здравии, "львиная опека" была отпущена. Брат-мирянин Варнава сказал, что он был слугой лавочника в Вене и влюбился в дочь своего хозяина. Поскольку его хозяин отказался сделать его своим зятем, от отчаяния он вступил в орден капуцинов. Во время его послушничества учитель умер; наставник послушников остановил отправку письма, уведомляющего его об этом, и он принял постриг, чтобы обнаружить, когда было слишком поздно, что девушка любит его и готова взять его в жены. В своем безумном гневе он швырнул свои четки к ногам Хранителя, заявив, что никогда не исповедуется и не примет причастия из рук отца этого проклятого Ордена. Он провел девять лет в тюрьме, и ему было тридцать восемь лет.

Отец Турибиус был пойман за чтением книг Виланда, Геллерта, Рейбнера и других; их у него отобрали. Он раздобыл другие экземпляры, их забрали во второй раз. В третий раз он раздобыл их, а когда обнаружил, дрался на кулаках, добиваясь их сохранения. Ему неоднократно дарили кошку с девятью хвостами, и он провел взаперти пять месяцев и десять дней. Ему было двадцать восемь лет.

Уполномоченные немедленно отстранили Провинциала и Опекуна от должности до дальнейшего уведомления, а пятерых несчастных передали на попечение Братьев милосердия.

В тот же день по всей монархии каждый монастырь посетили имперские уполномоченные.

В то же время император Иосиф издал приказ, согласно которому Фесслеру ни в коем случае не разрешалось покидать Вену и что он взял его под свою императорскую защиту от всех ухищрений его врагов-монахов.

Теперь последовал приговор Императора Стражу и Провинциалу. Они были наказаны более сурово, чем, возможно, действительно заслуживали. Я сочувствовал их страданиям более остро, потому что прекрасно понимал, что донести на них меня побудили какие-либо другие мотивы, а не гуманность; и даже последствия моего разоблачения, освобождение немалого числа несчастных монахов и монахинь по всей Австрийской империи, не могли успокоить мою совесть. Только приказ императора, делающий невозможным повторение подобных злоупотреблений, принес мне какое-то удовлетворение. Монастырские тюрьмы были повсюду разрушены. Нарушение правил отныне наказывалось только короткими периодами уединения, а случаи невменяемости передавались Братьям милосердия, которые управляли приютами".

Если бы Иосиф II. обладал не только энтузиазмом, но и здравым смыслом, он оставил бы более глубокий след в своей стране, чем он сам.

Фесслер изложил ему расписание занятий во францисканских монастырях. Затем Джозеф издал приказ (6 апреля 1782 г.), категорически запрещающий обучение в монастырях. Когда Фесслер увидел, что Настоятель его монастыря нарушает указ, он подал на него жалобу императору и добился его увольнения. В следующем году Джозеф потребовал, чтобы все ученики Ордена капуцинов поступили в семинарии, а оттуда поступили в университеты. Но, к сожалению, Иосиф предпринял шаг, направленный на то, чтобы оттолкнуть от себя епископов и светское духовенство, а также монахов и паствы. Он произвольно закрыл все епархиальные семинарии и создал собственные семинарии для кандидатов в орден, в которые назначил профессоров, тем самым полностью изъяв образование духовенства из рук Церкви. Когда епископ Горица выразил свое недовольство, Иосиф лишил его престола и изгнал его. Профессора, которых он назначал в университеты, на кафедры, которые посещали кандидаты на Орден, во многих случаях были вольнодумцами и рационалистами. Профессором библейской экзегезы в Вене был бывший иезуит Монспергер. "Его религиозная система, - говорит Фесслер, посещавший его курс, — заключалась просто в следующем: мудрое наслаждение жизнью, покорность неизбежному и благоразумное поведение. Вот и все. У него не было иного представления о Церкви, кроме взаимной связи прав и обязанностей. В своих лекциях он вычеркивал все сверхъестественное из Ветхого Завета и учил своих учеников рассматривать эту книгу как собрание мифов, романтики и противоречий. Его лекции вернули меня от моего увлечения янсенизмом к той точке, на которой я находился четыре года назад, изучая Гоббса, Тиндаля и Вольфенбюттельские фрагменты. Я решил сомневаться во всем сверхъестественном и божественном, фактически не отрицая этого.—Странно! Я решил не верить, хотя никогда раньше не верил".

6 февраля 1784 года он получил назначение императором на должность профессора библейской экзегезы и восточных языков в Лембергском университете. 20 февраля, накануне отъезда в Лемберг, чтобы навсегда избавиться от ненавистной привычки святого Франциска и, насколько он осмелился, от оков священства, Фесслер в полночь сидел в своей камере и пересчитывал деньги, полученные на дорогу. "Справа от меня на столе лежал кинжал, подаренный мне на прощание секретарем суда Гроссинджером. Я уже подумывал о том, чтобы удалиться на покой, когда дверь моей камеры распахнулась, и в комнату ворвался отец Сергей с большим мясным ножом в руке, крича: *Морье хретице!* он ударил меня в грудь. В одно мгновение я схватил кинжал, парировал удар и ранил нападавшего в руку. Он выронил нож и убежал. Я разбудил Стража, рассказал ему о случившемся и посоветовал, что делать. Сергей, вооруженный двумя такими же ножами, заперся в своей камере. По команде Стража шестеро братьев-мирян распахнули дверь и палками выбили ножи из его рук, затем потащили его в карцер, где поместили под стражу. На следующее утро я отправился со Стражем, как я и советовал, к председателю Духовной комиссии барону фон Крезелю, чтобы сообщить ему, что отец Сергей сошел с ума, и попросить передать его под опеку Братьев Милосердия. Это было немедленно удовлетворено, и я оставил the Guardian проинструктировать фанатика, как вести себя в больнице в качестве сумасшедшего, чтобы не создавать лишних трудностей его начальству".

Первым знакомством, которое Фесслер завел в Лемберге, был монах-францисканец-рenegат, получивший должность профессора физики: "Он был человеком безграничных амбиций и алчности, политическим фанатиком и законченным атеистом". Впоследствии Джозеф назначил этого человека митрофорным настоятелем Зазвара. Он умер на эшафоте в 1795 году, казненный за государственную измену.

Семинаристы католической и униатской церквей, а также ученики религиозных орденов были обязаны посещать лекции Фесслера. Они были похожи на те, что были у Монспержера. Некоторым священнослужителям, руководившим семинаристами, было настолько не по себе от учения Фесслера, что они вставали на его лекциях и оспаривали его утверждения; но Фесслер хвастается, что через пару месяцев он заставил молодых людей согласиться со своими взглядами, и они стонали, улюлюкали и топтали ногами протестующих. В это время он опубликовал две работы: *Institutiones linguarum orientalium* и антологию иврита для студентов. В последнем он установил определенные каноны толкования Ветхого Завета, с помощью которых можно было объяснить все чудесное.

Было действительно невыносимо, что кандидатов в ордена насильно учили не верить всему, чего от них требовала Церковь. Инспектируя монастыри, подавляя многие из них, Иосиф действовал справедливо, и совесть народа одобряла это, но в вопросе воспитания духовенства он нарушил принципы общей справедливости, и следствием этого стало такое широко распространенное раздражение, что Иосиф на мгновение, казалось, был склонен уступить. То, что Джозеф знал рационализм Фесслера, несомненно. Последний приводит свой разговор с Императором, в котором они обсуждали "Руах", Дух Божий, который носился по поверхности вод, как сказано в первой главе книги Бытия. Фесслер сказал ему, что, по его мнению, "это выражение является превосходной степенью на иврите и означает не более чем то, что дул сильный шторм. Возможно, - добавил он, - Моисей, возможно, думал о Шиве в индийском тримурти; ибо он был воспитан во всей мудрости египтян, которые были эфиопской расой, которая, в свою очередь, была индийской колонией ". Этнология доктора Фесслера была ошибочной, что бы ни думали о его теологии.

Дав это объяснение императору, Фесслер смело попросил у него епископства — он, который ненавидел свое священство и не верил в богооткровенную религию!

Джозеф не дал ему митру, но сделал профессором доктринального богословия и католической полемики, а также библейской экзегезы. Это не удовлетворило честолюбивую душу Фесслера, он стремился к митре. Он ждал с растущим нетерпением. Он отправил свои книги Джозефу. Он сделал все возможное, чтобы привлечь к себе внимание. Но желанная митра не пришла.

Фесслер жалуется, что во время пребывания в Лемберге о нем ходили скандальные истории, которые, возможно, достигли ушей императора. Он утверждает, и, без сомнения, совершенно справедливо, что это было необоснованно. Он нажил себе злейших врагов, и они без колебаний опорочили бы его. Он хвастается, что в Лемберге у него не было платонических союзов; у него вообще не было *там привязанностей по работе*.

Император, казалось, забыл о нем, отбросил в сторону его полезный инструмент. Исполненный горечи побежденных амбиций, в 1788 году он написал драму под названием "Иаков II", тайную атаку на своего покровителя Иосифа II, которого он изобразил отпавшим в своем энтузиазме реформ и уступившим растущей враждебности мракобесов и иезуитов.

Это было не так, но у Жозефа были проблемы со своими непокорными подданными в Нидерландах, у которых не было его семинарий и профессоров, которые подписывались на поддержку свергнутых учителей и бунтовали из-за введения новых профессоров в Университет Лувена.

Пьесу начали репетировать, но вмешалась полиция, и она была запрещена. Фесслер либо испугался, либо был предупрежден о том, что его собираются арестовать, и сбежал через границу в Прусскую Силезию. Иосиф II. умер в 1790 году, сломленный своими неудачами.

Фесслер после своего побега из Австрии стал наемным чтецом и секретарем графа Каролата, женой которого была принцесса Саксен-Мейнингенская.

Через некоторое время он женился на молодой женщине из среднего класса; похоже, он сомневался, будут ли они счастливы вместе, после того как сделал предложение, соответственно, он написал ей длинное послание в самом педантичном и дикторском стиле, информируя ее о своих требованиях и предупреждая ее отказаться от предполагаемого союза, если она не будет уверена, что достигнет уровня идеальной жены. Бедняжка, без сомнения, удивилась чудесному любовному письму, но без колебаний заявила, что выполнит свой долг на совесть. Результат не был счастливым. Они вели вместе кошачью и собачью жизнь в течение десяти лет. Она была невзрачным человеком без интеллектуальных задатков, а он, по сути, был книжным червем. Он признает, что не блистал в обществе, и дает понять, что проигрыш был на стороне неблагодарного общества, но мы не можем не подозревать, что он был самоуверенным, кислым и неотесанным. Все эти качества усиливались в узком домашнем кругу. После десяти лет страданий он развелся со своей женой на почве взаимной несовместимости. Чтобы заработать на жизнь, он занялся масонством и основывал ложи. В то время было три негодая, которые работали с масонством в своих собственных целях: придворный капеллан Дармштадта Старк, барон фонХундт и некий Беккер, который называл себя Джонсоном и выдавал себя за делегата таинственного, неизвестного главы Общества в Абердине. Они называли себя масонами Строгого Соблюдения, но были простыми мошенниками.

Через некоторое время масонство утратило для Фесслера свою привлекательность, вероятно, оно перестало приносить прибыль, и тогда он покинул Бреслау и перебрался в Пруссию. Он написал роман под названием "Марк Аврелий", прославляющий этого императора, к которому он питал большое почтение, и занимался другой литературной работой, которая приносила ему немного денег. Затем он женился снова, на молодой, красивой и одаренной женщине с небольшим состоянием. Он был очень счастлив в своем выборе, но менее счастлив в спекуляциях, в которые он вложил ее деньги и деньги ее сестер. Это не удалось, и они оказались в крайней нищете. Что стало с сестрами, мы не знаем. Фесслер с женой и детьми уехал в Россию и некоторое время жил у моравских братьев, которые относились к нему с большой добротой и ссужали ему деньги, "которые, - говорит он в своей автобиографии, - я еще не смог полностью вернуть".

Он потерял нескольких своих детей. Нужда, денежные затруднения и болезнь смягчили его сердце, и, возможно, к этому добавилось осознание того, что, если бы он мог получить должность пастора, он был бы обеспечен;^[22] это привело к обращению, которое очень похоже на копию знаменитого обращения св. Августин. Возможно, это было в какой-то степени искренне; он восстановил веру в Бога и присоединился к лютеранской общине. Затем его дело и достижения были доведены до сведения царя, который в то время, как, вероятно, знал Фесслер, был вовлечен в план организации лютеранских организаций в Финляндии в Церковь под управлением епископата. Он избрал Фесслера епископом Саратова и рукоположил его шведскими епископами, "которые, - говорит Фесслер, - подобно англиканским епископам,

сохранили апостольскую преемственность". Он много внимания уделяет этому моменту, любопытному примеру возрождения в его сознании старых идей, усвоенных во времена его католичества. . Согласно его собственному рассказу, он был епископом, полностью соответствовавшим апостольскому образцу, и очень усердно трудился, чтобы навести порядок в своей епархии. Его рукоположение состоялось в 1820 году. В 1833 году Саратовская консистория была распущена, и он удалился в Санкт-Петербург, где был назначен генеральным суперинтендантом лютеранской общины в столице. Он женился в третий раз, но очень мало говорит о последней жене. В заключение он дает такую оценку своего собственного характера, к которой вряд ли пришел бы читатель его автобиографии. "Серьезность и жизнерадостность, быстрое принятие решений и негибкая решимость, мужественная твердость и по-детски искренняя искренность — вот постоянно повторяющиеся фундаментальные характеристики моей натуры. Добавьте к ним нежный мистицизм, чтобы окружить остальные цветами и объединить их в гармонии. Иногда может случиться так, что возникнут диссонансы, может быть, и правда, что иногда я грохочу мощными легкими в своем доме, как будто вот-вот все разрушу, но это вызвано только тем, что не так. В моем сокровенном существе безраздельно царят спокойствие, умиротворение и безмятежная жизнерадостность. Недовольство, гнев, яд и желчь не омрачали ни одного мгновения моей жизни".[23]

СНОСКИ:

[22] Однако он только что получил пенсию от царя, так что избавился от крайней нищеты.

[23] "От себя, - говорит он, - я должен признаться, что я слышал великих и знаменитых проповедников, истинных Бурдалу, Массильонов, Цолликоферов и других, в Вене, Каролате, Бреслау, Берлине, Дрездене, Лейпциге, Ганновере, и был доволен содержанием, аранжировкой и подачей их проповедей но ни разу я не чувствовал, чтобы мое сердце трепетало от религиозного волнения. Напротив, 25 марта 1782 года, когда Пий VI служил мессу в церкви капуцинов, и 31 марта, когда он благословлял народ, я дрожал на грани убежденности и религиозной веры, и меня сдерживала только моя неспособность отличать религию от Церковной системы. Еще больше сейчас меня трогает Нагорная проповедь, и в течение последних 23 лет божественная литургическая молитва в евангелии от Иоанна XVII не перестает волновать саму мою душу".

КОНЕЦ.